

УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

2022. № 10(166)

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно

Издание входит в Перечень рецензируемых научных изданий Высшей аттестационной комиссии при Минобрнауки России, в котором должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук по следующим специальностям: 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством, 08.00.13 – Математические и инструментальные методы экономики, 08.00.14 – Мировая экономика, 23.00.01 – Теория и философия политики, история и методология политической науки, 23.00.02 – Политические институты, процессы и технологии, 23.00.04 – Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития.

Издание входит в Перечень журналов, рекомендованных Ученым советом МГУ для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим наукам и Ученым советом РАНХиГС для публикации результатов диссертационных исследований по экономическим и политическим наукам.

С 2005 года статьи включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), доступный по адресу <http://elibrary.ru> (Научная электронная библиотека). Размещается в открытом доступе в полнотекстовом виде.

Сведения, касающиеся издания и публикаций, включены в базу данных ИНИОН РАН и публикуются в международной справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям "Ulrich's Periodicals Directory" и в базе данных EBSCO.

Журнал включен в индексацию международной базы данных научных публикаций DOAJ.

АДРЕС РЕДАКЦИИ:

199004, Санкт-Петербург, В. О., 8-я линия, д. 61.

Тел.: (812) 335-94-72, 335-42-10. E-mail: antonova-ev@ranepa.ru

Точка зрения редакции может не совпадать с мнением авторов статей.

При перепечатке ссылка на журнал «Управленческое консультирование» обязательна.

- © Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Северо-Западный институт управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, 2022
- © Редакция журнала «Управленческое консультирование» (составитель), 2022
- © Все права защищены

Главный редактор: Шамахов В. А. — советник ректора Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, научный руководитель Северо-Западного института управления РАНХиГС, доктор экономических наук, действительный государственный советник Российской Федерации 1 класса (Санкт-Петербург);

Заместитель главного редактора: Азаров А. А. — кандидат технических наук, заместитель директора Северо-Западного института управления РАНХиГС

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Хлутков А. Д. — директор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук (Санкт-Петербург), *председатель Редакционного совета*;

Бахтизин А. Р. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, директор Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Елисеева И. И. — доктор экономических наук, профессор, член-корреспондент Российской академии наук, заслуженный деятель науки Российской Федерации (Санкт-Петербург);

Еремеев С. Г. — доктор экономических наук, профессор, ректор ЛГУ им. Пушкина, сопредседатель Российского общества политологов (Санкт-Петербург);

Комаровский В. С. — доктор философских наук, профессор, председатель Совета Учебно-методического объединения кафедр политологического профиля РАНХиГС и региональных академий государственной службы (Москва);

Макаров В. Л. — доктор физико-математических наук, профессор, академик Российской академии наук, научный руководитель Центрального экономико-математического института РАН (Москва);

Межевич Н. М. — доктор экономических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета, президент российской ассоциации прибалтийских исследований (Санкт-Петербург);

Смирнов В. А. — кандидат политических наук (Москва);

Сморгунов Л. В. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой политического управления Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург);

Субетто А. И. — доктор философских наук, доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки Российской Федерации, президент Ноосферной общественной академии наук, вице-президент Санкт-Петербургского отделения Академии проблем качества, член Президиума Петровской академии наук и искусств (Санкт-Петербург)

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Квинт В. Л. — доктор экономических наук, профессор, иностранный член Российской академии наук, почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Москва), *председатель совета*;

Крастиньш А. В. — почетный доктор Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, доктор экономических наук, профессор, директор Института международных экономических связей и таможи Рижского технического университета (Латвия);

Вольман Х. — PhD, доктор права, профессор (Германия);

Кармен Перес Гонсалес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Феликс Вакас Фернандес — доктор философии в области права, Университет им. Карлоса III (Мадрид, Испания);

Чжу Сюйфэн — профессор, PhD, заместитель декана факультета государственного управления и менеджмента Университета Цинхуа (Китайская Народная Республика)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Акопов С. В. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бесчасная А. А. — доктор социологических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Бодрунов С. Д. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Ветренко И. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Волков В. А. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Вульфович Р. М. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Гавра Д. П. — доктор социологических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Запорожан А. Я. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Казанцев А. А. — доктор политических наук (Москва);

Каранатова Л. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Кашина М. А. — доктор политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Колесников В. Н. — доктор политических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Куклина Е. А. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Малькевич А. А. — кандидат политических наук, доцент (Санкт-Петербург);

Новикова И. Н. — доктор исторических наук, профессор (СПбГУ, Санкт-Петербург)

Паутова Л. А. — доктор социологических наук, доцент (Москва);

Халин В. Г. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Ходачек В. М. — доктор экономических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Цыгалов Ю. М. — доктор экономических наук, профессор (Москва);

Шумилов М. М. — доктор исторических наук, профессор (Санкт-Петербург);

Диэго Эрнандес — PhD, доктор в области политической социологии (Монтевидео, Уругвай)

Chief Editor: Shamakhov V. A. — Advisor to the Rector of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Research Supervisor of the North-West Institute of Management of the RANEPA, Doctor of Science (Economics), State Councilor of the Russian Federation of the 1st class (St. Petersburg);

Deputy Chief Editor: Azarov A. A. — PhD in Technical Sciences, Deputy Director of North-West Institute of Management of RANEPA

EDITORIAL COUNCIL

Khlutkov A. D. — Director of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics) (St. Petersburg), *Chairman of the Editorial Council*;

Bakhtizin A. R. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding member of the Russian Academy of Sciences, Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute

Eliseeva I. I. — Doctor of Science (Economics), Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Worker of Science of the Russian Federation (St. Petersburg);

Eremeev S. G. — Doctor of Science (Economics), Professor, Rector of the Pushkin Leningrad State University, Cochairman of the Russian Association of Political Experts (St. Petersburg);

Komarovsky V. S. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Chairman of the board of educational and methodological Association of chairs of a Political Sciences Profile of a RANEPA and regional academies of public administration (Moscow);

Makarov V. L. — Doctor of Science (Physics and Mathematics), Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences, Academic Director of the Russian Academy of Sciences Central Economic Mathematical Institute (Moscow);

Mezhevich N. M. — Doctor of Science (Economics), Professor of the St. Petersburg State University, President of Association of Baltic studies (St. Petersburg);

Smirnov V. A. — PhD in Political Sciences (Moscow);

Smorgunov L. V. — Doctor of Science (Philosophy), Professor, Head of the Chair of Political Governance of the St. Petersburg State University (St. Petersburg);

Subetto A. I. — Doctor of Science (Philosophy, Economics), Professor, Honored Worker of Science of the Russian Federation, President of Noosphere Public Academy of Sciences, Vice-President of the St. Petersburg office of Academy of Problems of Quality, Member of Presidium of Petrovsky Academy of Sciences and Arts (St. Petersburg)

INTERNATIONAL EDITORIAL COUNCIL

Kvint V. L. — Doctor of Science (Economics), Professor, Foreign Member of the Russian Academy of Sciences, Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (Moscow), Chairman of the Board;

Krastins A. V. — Honored Doctor of North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Doctor of Science (Economics), Professor, Director of Institute of the International Economic Relations and Customs of the Riga Technical University (Latvia);

Wolman H. — Doctor of Science (Jurisprudence), Professor (Germany);

Carmen Perez Gonzalez — Phd in Law, University Carlos III de Madrid (Spain);

Felix Vacas Fernandez — PhD in Law, the University Carlos III of Madrid (Spain);

Zhu Xufeng — Professor, PhD, Deputy Dean of Faculty of Public Administration and Management, Tsinghua University (People's Republic of China)

EDITORIAL BOARD

Akopov S. V. — Doctor of Science (Political Science), Associate Professor (St. Petersburg);

Beschasnaya A. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (St. Petersburg);

Bodrunov S. D. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Vetrenko I. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Volkov V. A. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Vulfovich R. M. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Gavra D. P. — Doctor of Science (Sociology), Professor (St. Petersburg);

Zaporojan A. Ya. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kazantsev A. A. — Doctor of Science (Political Science) (Moscow);

Karanatova L. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Kashina M. A. — Doctor of Science (Political Sciences), Associate Professor (St. Petersburg);

Kolesnikov V. N. — Doctor of Science (Political Science), Professor (St. Petersburg);

Kuklina E. A. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Malkevich A. A. — PhD in Political Sciences, Associate Professor (St. Petersburg);

Novikova I. N. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg)

Pautova L. A. — Doctor of Science (Sociology), Associate Professor (Moscow);

Halin V. G. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Khodachek V. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (St. Petersburg);

Tsygalov Yu. M. — Doctor of Science (Economics), Professor (Moscow);

Shumilov M. M. — Doctor of Science (History), Professor (St. Petersburg);

Diego Hernández — PhD, Doctor in Political Sociology (Montevideo, Uruguay)

ОТ РЕДАКЦИИ

- 8 ШАМАХОВ В. А.**
Мобилизационная экономика или эффективное управление:
взгляд историка
- 10 ХЛУТКОВ А. Д.**
Мобилизационная экономика или эффективное управление:
взгляд экономиста

ПОЛИТИКА И ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО

- 12 АНТОНЧЕВА О. А., АПАНАСЕНКО Т. Е.**
Влияние системы социального кредита в Китае на политическую
коммуникацию

ВЛАСТЬ И ЭКОНОМИКА

- 28 ДЕМИДОВ М. О., ПАШКОВСКАЯ Е. В.**
Цифровые платформы как ресурс государственной поддержки
предпринимательства в России: эффекты и риски использования

ОБЩЕСТВО И РЕФОРМЫ

- 42 ЮХНО А. С., УМАРОВ Х. С.**
Перспективы развития метавселенной: эмпирические наблюдения
- 54 ВЕТРЕНКО И. А., ШТРИКОВ С. А.**
Трансформация коммуникативных технологий в условиях цифрового
общества: благо или зло?
- 65 МИНАЕВ Д. В.**
Исследование компетентностной модели образовательной программы
на основе интеллектуального анализа профессиональных требований
рынка труда
- 84 ГРИГОРЬЕВ В. Ю.**
Подходы к оценке состояния системы регионального профобразования
- 99 ВАСИЛЬЕВА В. А., ШИЛОВ А. Н.**
Развитие у учащихся навыков выявления достоверных научных
источников: роль преподавателя-библиотекаря
- 116 ЦИНЧЕНКО Г. М.**
Возможности использования социального маркетинга в профилактике
жестокости обращения с детьми в семье
- 133 ЕВСЕЕВ А. Ю.**
Особенности информационного пространства Чеченской Республики,
взаимодействие пресс-служб государственных органов и СМИ:
новая концепция ценностной ориентации
- 145 МАНАКОВ А. Г., ТЕРЕНИНА Н. К.**
Республика Беларусь и Украина: контрасты этнической и лингвистической
идентичности

ИСТОРИЯ И КУЛЬТУРА**156 КИМ М. Н., ЕРЫКАЛОВА И. Е., ОСЬКИН С. А.**

Роль газеты «Ведомости» в процессе совершенствования государственного управления и развития системы государственной службы в 1703–1725 гг.

A LINEA**171 ВАН ЯСИНЬ**

Современная политика КНР в области антарктических научных исследований и международного научного сотрудничества

183 ЛЮ ХАОВЭНЬ

Политическая стратегия Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности

191 СЕ КУНЬЧАО

Согласование стратегических ориентиров цифровой экономики Китая и России

FROM THE EDITORIAL OFFICE

- 8** **VLADIMIR A. SHAMAKHOV**
Mobilization Economics or Effective Management: Historian's View
- 10** **ANDREY D. KHLUTKOV**
Mobilization Economics or Effective Management: an Economist's View

POLICY AND LAWFUL STATE

- 12** **OLGA A. ANTONCHEVA, TATIANA E. APANASENKO**
Impact of the Social Credit System in China
on Political Communication

POWER AND ECONOMY

- 28** **MIKHAIL O. DEMIDOV, EKATERINA V. PASHKOVSKAIA**
Digital Platforms as a Resource of State Support for Entrepreneurship
in Russia: Effects and Risks of Use

SOCIETY AND REFORMS

- 42** **ALEXANDER S. YUKHNO, HUSAN S. UMAROV**
Prospects of Development of the Metaverse: Empirical Evidence
- 54** **INNA A. VETRENKO, SERGEY A. SHTRIKOV**
Transformation of Communication Technologies in a Digital Society:
Good or Evil?
- 65** **DMITRY V. MINAEV**
The Study of the Educational Program Competence Model Based on the
Intellectual Analysis of the Labor Market Professional Requirements
- 84** **VALERY YU. GRIGOREV**
Approaches to Assessing the State of the Regional Vocational Education
System
- 99** **VALERIA A. VASILYEVA, ANATOLY N. SHILOV**
Developing Students' Skills of Identifying Reliable Scientific Sources:
The Role of a Librarian
- 116** **GALINA M. TSINCHENKO**
Possibilities of Using Social Marketing in the Prevention of Child Abuse
in the Family
- 133** **ALEXANDER YU. EVSEEV**
Features of the Information Space of the Chechen Republic, Interaction
of the Press Services of State Bodies and the Media: A New Concept
of Value Orientation
- 145** **ANDREI G. MANAKOV, NATALIA K. TERENINA**
The Republic of Belarus and Ukraine: Contrasts of Ethnic and Linguistic
Identity

HISTORY AND CULTURE

- 156** **MAKSIM N. KIM, IRINA E. YERYKALOVA, SERGEY A. OSKIN**
The Role of the Vedomosti Newspaper in the Process of Improving Public Administration and the Development of the Public Service System in 1703–1725

A LINEA

- 171** **WANG YAXIN**
Development of Antarctic Scientific Research and International Scientific Cooperation of China
- 183** **LIU HAOWEN**
Xi Jinping's Political Strategy for Developing Multilateral Security Diplomacy
- 191** **KUNCHAO XIE**
Coordination of the Strategic Guidelines of the Digital Economy of China and Russia

Мобилизационная экономика или эффективное управление: взгляд историка

Mobilization Economics or Effective Management: Historian's View

В. А. Шамахов

Советник ректора РАНХиГС,
научный руководитель
Северо-Западного института управления РАНХиГС,
доктор экономических наук, главный редактор

История человечества — это история войн. Можно выделить войны случайные, ситуационные, династические. Но в большинстве случаев в основе военных конфликтов лежат объективные экономические и политические интересы. Первая мировая война началась не потому, что Франция решила вернуть Эльзас и Лотарингию, и даже не потому, что Россия решила помочь балканским славянам. Эти соображения имели место, но главное в том, что сформировавшийся континентальный блок европейских держав достиг пределов своей экспансии, и его дальнейшее расширение вступало в системное противоречие с интересами Великобритании и Франции. В начале XX века решался сложный вопрос: с кем окажется Россия? Весьма значительны были шансы на ее участие в блоке центральных держав, но во многом благодаря дипломатическому искусству Франции и займам в Великобритании ситуация сложилась иная. Однако еще раз подчеркнем главное: в основе конфликта лежали объективные противоречия. Делить мир было уже невозможно, его можно было лишь переделывать.

Нет возможности сослаться на весь массив классической литературы по данному вопросу, можно вспомнить одну книгу — «Августовские пушки» Барбары Такман. Одно из важнейших положений данной работы заключается в том, что она доказала нежелание великих держав втягиваться в долгосрочный многолетний конфликт и уверенность не только политиков, но и военных, в том, что цели войны будут достигнуты к Рождеству. То есть вся война уложится в полгода. Результат нам известен. События, предшествующие Первой и Второй мировым войнам, сравнивать достаточно сложно, отметим лишь то, что Германия, завоевав почти всю Европу без особой спешки и последовательно примерно за полтора года, рассчитывала на победу над Советским Союзом в рамках летней–осенней кампании.

И в первом, и во втором случае стороны готовились к конфликту, предполагали, что он будет достаточно серьезным, но степень мобилизационной готовности оказалась далекой от необходимой участникам конфликта. Иными словами, подтвердилась максима, известная со времен греко-персидских и пунических войн. Более сильная сторона, затянув мобилизационную подготовку, может обратиться к лозунгу «Ганнибал у ворот» и в конечном счете победить.

Можно ли сказать, что Российская империя 1913/1914 г. не готовилась к войне? Конечно же нет. Однако и качественно, и количественно эта подготовка не была адекватна тем испытаниям, которые связаны с Первой мировой войной. О неготовности России сказано очень много, и существенно меньше написано историками о том, что к 1916 г. большинство проблем военно-мобилизационного характера были решены в условиях традиционной политической системы и рыночной экономики. Да, через испытания и приспособление в 1914–1915 гг., но к концу 1916 г. постепенно уходит в прошлое знаменитый «снарядный голод». Снарядов, накопленных для Первой мировой войны, хватило на всю гражданскую и даже немного осталось на начальный период Великой Отечественной.

Какой ключевой вывод дает нам обращение к историческим аналогиям? Россия медленно переходит от состояния «мы еще не начинали» к реальному и многоуровневому ответу на новые угрозы. Сомнений в победе нет, но вот длину пути к ней пока измерить трудно. Опыт исторических аналогий не дает оптимистического ответа.

Мобилизационная экономика или эффективное управление: взгляд экономиста

Mobilization Economics or Effective Management: an Economist's View

А. Д. Хлутков
директор Северо-Западного института
управления РАНХиГС,
доктор экономических наук,
председатель редакционного совета

Любое государственное управление — это воздействие государства как на общество, так и на всю управленческую структуру — т. е. фактически на себя, собственную государственную машину.

Современное общество находится в прямой зависимости от качества государственного управления. В мирное и стабильное время недостаточно эффективное управление может восприниматься как некоторые издержки, допустимые в связи с теми или иными условиями.

В России между государством и обществом существовал договор, качество которого в условиях мирного времени устраивало всех или почти всех. Однако с марта 2022 года ситуация качественно изменилась. Общество предъявляет большие требования к государству, но и государство предъявляет к обществу требования иного масштаба.

Фактор «привычности» во взаимодействии общества и государства больше не работает. «Привычность» не работает в условиях постоянной смены экономических и политических условий и ведения СВО. Период стабильных и стандартных социально-экономических и политических условий, строго говоря, закончился еще задолго до 24 февраля.

Термин «мобилизация» может относиться и к политике, и к экономике. Мы обязаны объяснить обществу, что мобилизация в политике — это не то же самое, что мобилизация в экономическом смысле. Перевода жизни общества на военный режим мы не видим и, более того, нет оснований для перехода на «стандарт 1941 года», однако готовность к этому должна быть.

Мобилизация в экономике — это комплекс мероприятий по переводу экономики РФ в состояние, адекватное условиям военного времени. Вот здесь двойных толкований быть не может. Экономика должна быть готова к конфликту любой мощности, а общество должно быть приспособлено как к концентрации усилий на ключевых направлениях, так и постепенному ослаблению военной готовности в случае очевидных побед на линии СВО, в экономике и дипломатии.

Подведем итог. В экономике нам в действительности нужна мобилизация. А вот в остальном наша задача — повышение эффективности государственного управ-

ления, устранение лишних звеньев, ужесточение личной ответственности аппарата государственного управления. «Чрезвычайщина» хороша в тех случаях, когда она работает на повышение эффективности, но сама по себе универсальным методом управления она не является и «лекарством от всех болезней» считаться не может.

Принципиально важным вопросом, с точки зрения экономиста, является ситуация с мобилизационной экономикой в условиях рынка. Существует точка зрения, предполагающая, что рыночная экономика с мобилизационной практикой несовместима. В этом контексте надо сделать два замечания. Все крупные войны XX века для всех стран — за исключением Советского Союза — велись в условиях рыночной экономики. Это относится не только к Соединенным Штатам Америки, Соединенному Королевству Великобритании и Северной Ирландии, но и ко второму, и третьему рейху. Можно говорить о другом: о масштабе государственного вмешательства в рыночную экономику, указывая при этом на то, что в тех случаях, когда ресурсов было больше, как в США, вмешательство было минимальным, а в тех случаях, когда ресурсов заведомо не хватало, как в Соединенном Королевстве Великобритании и Северной Ирландии, государственное вмешательство было более существенным. Однако ни одна страна (например, Британия) не избежала уже после войны спекуляций на тему того, что мобилизация — это социализм. Укажем на то, что нет никакой теоретической или исторической базы для подобного вывода. Рыночная экономика и демократическое устройство — основы государственного базиса Российской Федерации.

Влияние системы социального кредита в Китае на политическую коммуникацию

Антончева О. А.^{1, *}, Апанасенко Т. Е.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; antoncheva-oa@ranepa.ru

²Независимый исследователь, Санкт-Петербург, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

В статье оценивается система социального кредита, созданная в КНР в 2014 г. и вошедшая в широкое употребление приблизительно с 2016 г.

Рассматривается оценка со стороны населения; оценка, выражающаяся в биржевых индикаторах; оценка со стороны ученого сообщества, пытающегося осмыслить систему социального кредита в терминах парадигмы авторитарного государственного управления.

Результаты рассмотрения биржевых индикаторов показывают, что на показатели делового климата, такие как индекс делового доверия (BCI) или индекс деловой активности (PMI), введение системы социального кредита влияния не оказало. Между тем, как было заявлено при ее создании, ради показателей делового климата система социального кредита и вводилась: эта система была призвана предотвратить недобросовестное поведение фирм. Таким образом, декларированная цель введения системы социального кредита достигнута не была.

Представляется логичным задаться вопросом, не имелось ли отличной от декларированной цели введения социального кредита, цели усилить тенденцию авторитарного государственного управления.

Точечные исследования оценки населением системы социального кредита показали высокий уровень одобрения социального кредита гражданами.

Западная либеральная мысль с ее культом индивидуализма видит следующие последствия введения системы социального кредита: нарушение прав человека, несоблюдение принципа социальной справедливости, нарушение принципа неприкосновенности частной жизни, нарушение принципа равенства прав, развитие тоталитарных и авторитарных тенденций.

Предполагается, что некоторые выводы, основанные на данном подходе, могут быть поставлены под сомнение из-за несовпадения ценностей: к китайскому обществу, идеология которого основывается на коллективистских ценностях, слабо применимы категории оценки, основанные на ценностях крайнего индивидуализма.

В связи с этим к оценке системы социального кредита применяется принципиально иной подход: признаки авторитаризма постулируются как наличие неравных возможностей символического конструирования реальности; система социального кредита проверяется на наличие таких возможностей в рамках теории массовой коммуникации.

Делается вывод, что китайская система социального кредита, применяемая для контроля за контентом интернет-сайтов, способствует формированию асимметричной политической коммуникации, что оказывает негативное влияние на демократическое устройство политической системы и качество человека.

Ключевые слова: деловой климат, деловое доверие, деловая активность, контроль, коллективизм, индивидуализм, реципиент информации

Для цитирования: Антончева О. А., Апанасенко Т. Е. Влияние системы социального кредита в Китае на политическую коммуникацию // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 12–27.

Impact of the Social Credit System in China on Political Communication

Olga A. Antoncheva^{1,*}, *Tatiana E. Apanasenko*²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; antoncheva-oa@ranepa.ru

²Independent researcher, Saint Petersburg, Russian Federation

ABSTRACT

The social credit system, created in the PRC in 2014 and which has been in widespread use since approximately 2016, is being evaluated.

The assessment by the population is being considered. An estimate expressed in market indicators is given. Assessment by a learned community trying to comprehend the social credit system in terms of the paradigm of authoritarian government analyzed.

The results of the consideration of market indicators show that the introduction of the social credit system did not have an impact on business climate indicators such as BCI or PMI. Meanwhile, for the sake of business climate indicators, the social credit system was introduced, as was stated when it was created: this system was designed to prevent unscrupulous behavior of firms. Thus, the declared goal of introducing a social credit system was not achieved.

It seems logical to wonder if there was a different goal from the declared goal of introducing social credit, the goal of strengthening the tendency of authoritarian government.

At the same time, point studies of the assessment of the social credit system by the population showed a high level of approval of social credit by citizens.

Western liberal thought with its cult of individualism sees the following consequences of the introduction of a social credit system: violation of human rights, non-observance of the principle of social justice, violation of the principle of privacy, violation of the principle of equality of rights, development of totalitarian and authoritarian tendencies.

It is assumed that some conclusions based on this approach may be called into question due to a mismatch of values: it is proved that assessment categories based on the values of extreme individualism are poorly applied to Chinese society, whose ideology is based on collectivist values.

In this regard, a fundamentally different approach is applied to assessing the social credit system: signs of authoritarianism are postulated as the presence of unequal opportunities for symbolic construction of reality; the social credit system is tested for such capabilities within the theory of mass communication.

The social credit system used to control the content of Internet sites will have an extremely negative impact on political communication, making it more asymmetric, on the democratic structure of the political system and human quality.

Keywords: business climate, business confidence, business activity, control, collectivism, individualism, recipient of information

For citing: Antoncheva O. A., Apanasenko T. E. Impact of the Social Credit System in China on Political Communication // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 12–27.

Введение

В последнее время острый интерес исследователей и публицистов вызывает такая новая практика воздействия государства на общественные процессы, как система социального кредита, которая была создана в КНР в 2014 г. и вошла в широкое употребление приблизительно с 2016 г.

Система социального кредита в Китае — это система оценки отдельных граждан или организаций по различным параметрам, значения которых получают с помощью инструментов массового наблюдения с использованием технологии анализа больших данных. Граждане или организации, удостоенные высокой оценки, получают различные преференции, прежде всего, со стороны государства, но также и частных лиц, имеющих допуск к информации о рейтинге оцениваемых лиц.

Ученое сообщество пытается осмыслить систему социального кредита, прежде всего, в терминах парадигмы авторитарного государственного управления. Исследователи левой идеологической направленности задаются вопросом о том, насколько вписывается система социального кредита в социалистические идеалы. При этом даже безотносительно приверженности этим идеалам нуждается в пояснении вопрос, способствует ли данная система расширению политического участия и политического представительства населения.

В настоящей работе предлагается рассмотреть данный вопрос в такой системе теоретических координат, в каких она еще не рассматривалась, а именно, учитывая важность символического действия (действия, направленного на сознание) как конструирующего социальную реальность в современных условиях.

* * *

В большинстве источников, посвященных исследованию китайской системы социального кредита, основная проблема видится в противоречии целей введения данной системы и современных ценностей политического развития. Современные ценности политического развития состоят в следующем:

- 1) дальнейшее развитие и совершенствование демократических институтов;
- 2) защита прав индивида от произвола вмешательства государства в частные интересы;
- 3) обеспечение представительства интересов индивидов и социальных групп в политике;
- 4) расширение возможностей влияния индивидов и социальных групп на принятие политических решений.

Под углом зрения такой проблематики система социального кредита рассматривается в рамках парадигмы противопоставления авторитаризма и демократии.

Безусловно, рассмотрение вопроса, является ли система социального кредита проявлением авторитарного государственного управления, чрезвычайно актуально, поскольку ответ на данный вопрос отражает конфликт между ценностями коллективизма и индивидуализма, обострившийся в настоящее время и дающий повод переосмыслить роль государства в современном мире.

Многие современные события дают повод задаться вопросом, все ли еще в состоянии государство в качестве носителя коллективной воли сдерживать волю индивидуальную, идеологически вооруженную негативистской концепцией прав человека¹. Об этом свидетельствуют как трудности, с которыми столкнулись государства, проводящие политику ограничений некоторых базовых прав человека в чрезвычайной ситуации пандемии коронавируса, так и саботаж частными компаниями геополитических интересов своих государств в условиях международных санкций.

При всей актуальности исследуемой проблемы большинство источников предпочитает трактовать ее, апеллируя к фактам, отражающим материальную реальность, статус которой претендует на неоспоримую объективность, в отличие от символической реальности. Дело обстоит таким образом, даже если исследователи прибегают к такому методу, как опросы общественного мнения.

Если говорить об оценке данной системы со стороны населения, то в 2019 г. 80% населения одобряли систему социального кредита и считали, что очки начисляются честно и непредвзято, согласно исследованию общественного мнения

¹ Негативистская концепция прав человека основана на представлении, что права человека реализованы, когда последний защищен от вмешательства государства в его жизнь, исходит из «представления об антагонизме в политическом сообществе между свободой индивида и властью правительства» [33, с. 8].

профессора Жени Костка из Свободного Университета Берлина [31, цит. по 4, с. 5]. В Жунчэне (городской уезд городского округа Вэйхай провинции Шаньдун), где система социального кредита была введена в действие более 5 лет назад, удовлетворение населения системой достигло 96% [31, цит. по 4, с. 5]. По мнению респондентов, применение системы социального кредита предоставляет такие преимущества, которые перевешивают недоверие к власти в области потери конфиденциальности личной информации.

Однако ввиду погруженности исследователя в проблематику объекта исследования при социологическом опросе «ответы опросов не всегда коррелируют с результатами экспериментов» [17, с. 136; см. также: 25].

Неточность социологического опроса, предопределенная субъективностью и погруженностью исследователя, является фундаментальной, эпистемологической проблемой социологии [11; 49].

Объективисты-классики предлагают методы для достижения хотя бы претензии на объективность [3; 8; 10; 22; 24; 47; 48; 50; 54], а постмодернисты-классики постулируют недостижимость объективности социологического исследования [5; 20; 21; 26; 28; 38; 39].

Опросы, проведенные по разным методикам, отличаются друг от друга по результатам, составление же методики вовлекает в процесс субъективность исследователя.

Существуют и более объективные индикаторы, которые не зависят от позиции исследователя.

Что касается таких объективных индикаторов, то, чтобы доказать положительное влияние системы социального кредита на общественные процессы, исследователи прибегают к таким показателям, как число судебных инцидентов. Например, Ж. Костка констатирует, что в Жунчэне количество конфликтов и споров по поводу сбора налогов за 5 лет, в течение которых система социального кредита внедрялась на данной территории, снизилось на 22,8% [31, цит. по 4, с. 5].

Большую объективность несут в себе биржевые показатели, поскольку они, хотя и построены на технологии опроса, проявляют себя безотносительно к введению системы социального кредита. К тому же к тем из них, которые характеризуют деловой климат, логично прибегнуть, так как изначально система социального кредита в Китае возникла для предотвращения недобросовестного поведения фирм, которое влияло на показатели делового климата.

Показатель делового климата может выражаться, например, в **индексе делового доверия**, или **индексе предпринимательской уверенности (Business Confidence Index)**.

Он рассчитывается как среднее арифметическое оптимистических и пессимистических ожиданий менеджеров, опрашиваемых в рамках методики расчета данного показателя, по предстоящему выпуску, фактически сложившемуся спросу и текущим запасам готовой продукции с обратным знаком, в процентах; повышение данного показателя свидетельствует об улучшении экономики.

Абсолютное значение показателя не имеет значения, важно его колебание, повышение или понижение по сравнению с предыдущим уровнем.

Рассмотрим значения Business Confidence Index Китая по данным Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР). Они представлены на рис. 1.

Как можно видеть, явного влияния на значение индекса введение системы социального кредита не оказало.

Показатель делового климата также может выражаться в **индексе деловой активности (Purchasing Manager's Index, PMI)**. Буквально: индекс ожиданий менеджеров по закупкам. Индекс состоит из промышленного индекса, индекса новых заказов, индекса предложения и индекса занятости. Показатель выше 50 пун-

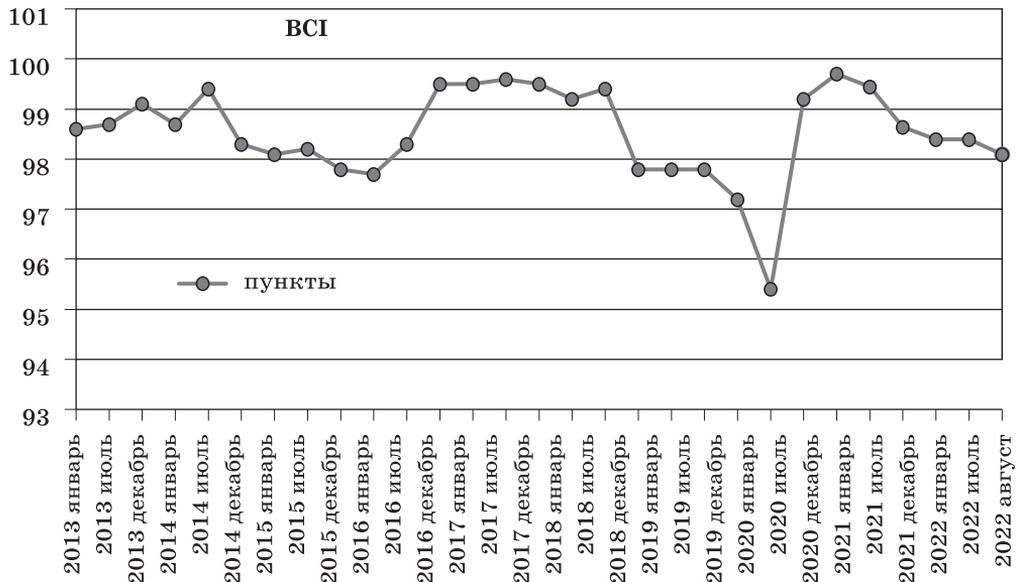

Рис. 1. Business Confidence Index Китая, по данным ОЭСР (январь 2013 — август 2022)
Fig. 1. China's Business Confidence Index, according to the OECD (January 2013 — August 2022)

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stats.gov.cn/english> (дата обращения: 22.06.2022).

ктов указывает на высокую деловую активность. Показатель ниже 50 — на снижение деловой активности. Данный показатель служит основой для принятия инвестиционных решений.

Рассмотрим значения PMI Китая по данным Национального бюро статистики Китая. Они представлены на рис. 2.

Как можно видеть, явного влияния на значение индекса введение системы социального кредита не оказало.

Если суммировать пункты, которые заставляют ориентированное на права человека ученое сообщество выражать сомнение по поводу положительного влияния системы социального кредита на развитие общества, то они сводятся к нарушению прав человека, несоблюдению принципа социальной справедливости, нарушению принципа неприкосновенности частной жизни, равенства прав, развитию с помощью системы социального кредита тоталитарных и авторитарных тенденций [27; 29; 30; 32; 37, приводится по: 4].

Эти сомнения основаны на понимании индивидуальности, свойственном западной либеральной мысли. Сомнительно, чтобы в традициях конфуцианской, даосистской и социалистической мысли вообще существовало понятие индивидуальности, по крайней мере, индивидуальности, совпадающей с той, которая была выпестована негативистской концепцией прав человека, противопоставлявшей индивида и государство. Согласно основоположникам негативистской концепции прав человека Т. Гоббсу и Дж. Локку, права человека основываются на невмешательстве государства в частную жизнь индивида, поэтому концепция прав человека и называется негативистской. О правах человека, основанных на его активном участии в жизни государства, на отождествлении его интересов с интересами государства, на позитивных правах человека, основанных на участии, а не неучастии, речь не шла.

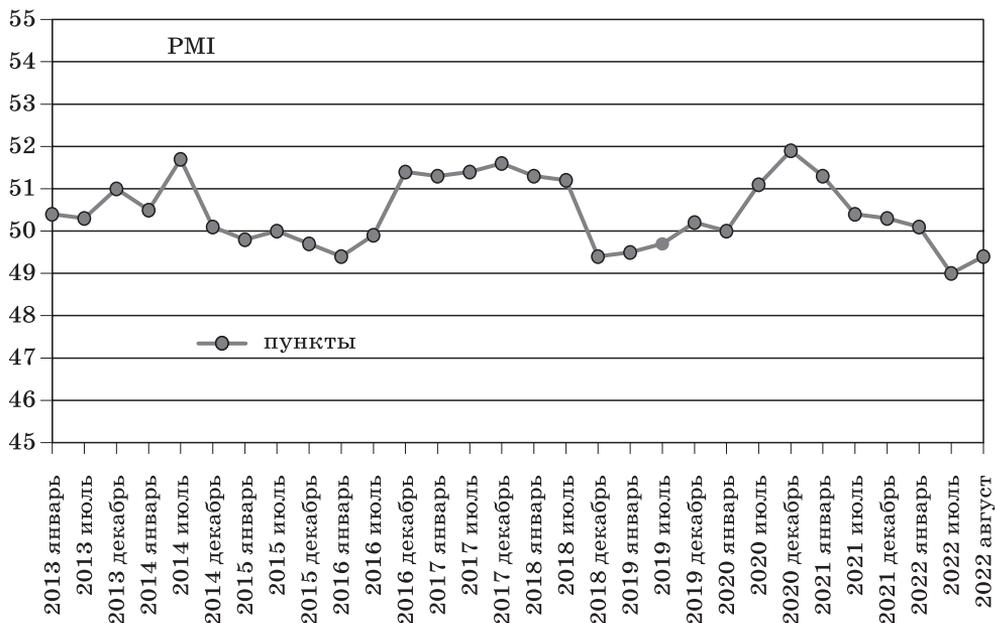

Рис. 2. Purchasing Manager's Index Китая, по данным Национального бюро статистики Китая (январь 2013 — август 2022)

Fig. 2. Purchasing Manager's Index of China, according to the National Bureau of Statistics of China (January 2013 — August 2022)

Источник: [Электронный ресурс]. URL: <https://www.stats.gov.cn/english> (дата обращения: 22.06.2022).

С развитием эгалитарного процесса, все большим вовлечением широких масс в участие в политической жизни, получила развитие, конечно, и позитивистская концепция прав человека.

Однако *мысль* о гармонии индивида и государства, *мысль* о том, что ни один авторитарный режим не продержался бы долго, если бы в какой-то степени не выражал интересы индивидов, из которых состояло авторитарно управляемое общество, более свойственна коллективистским мыслительным системам. *Конфуцианству* с его абсолютизацией иерархии, *даосизму* с пониманием индивидуальности исключительно как вписанной в мировой порядок, *марксистской диалектике*, признающей, что любое явление в истории оправдано самим фактом своего существования, а значит, любая деспотическая власть государства была когда-то востребована целями исторического развития, т.е. служила и интересам своих подданных. Именно на этих системах мысли и базировалась идеология китайской мечты, согласно лидеру Китая Си Цзиньпину [12; 13].

Апологеты индивидуалистических концепций (J. Bolt, R. Botsman, J. Laband), в частности, считают, что допустимо вести реестр граждан в целях выдачи коммерческого кредита и только на предмет их кредитной истории, платежеспособности и способности вернуть кредит. С этими целями возможно присваивать гражданам кредитные баллы. Все остальное же недопустимо.

Либеральные социологи выражают опасения, связанные с создаваемыми цифровой экономикой возможностями тотального контроля государством каждого гражданина.

Действительно, официальная идеология системы социального кредита декларирует предоставление каждому гражданину неких бонусов социального лифта на основании лояльности этого гражданина и его ценности для развития общества. В эпоху цифровизации предполагается, что правительству известно о лояльности каждого гражданина.

Однако этим возможностям якобы тотального контроля государством каждого гражданина, во-первых, очень далеко до их воплощения в действительность. Во-вторых, китайская система социального кредита такой цели перед собой и не ставит.

Опровержение положения о том, что китайская система социального кредита представляет собой проявление авторитарных тенденций, апеллирует к изучению юридических подробностей ее функционирования, которые укладываются или не укладываются в модель авторитарного общества. Этому посвящен блок литературы [6; 7; 9; 14; 15; 16]. Авторы настоящего исследования также отчасти работают в рамках данной теоретической системы координат.

В русле нашего исследования можно констатировать, что строительство китайской системы социального кредита на настоящий момент незакончено, закон о ней находится на стадии обсуждения, хотя местные органы власти приняли локальные нормативные акты о социальном кредите. Таким образом, китайская система социального кредита является фрагментарной, с территориальной точки зрения.

Является она фрагментарной и по сферам применения: оценка кредитоспособности юридических и физических лиц, экономических субъектов с просто плохой кредитной историей и с судимостью производится отдельно и разными институтами, причем и государственными, и частными. Сбор сведений частными организациями имеет ряд ограничений. Государственные же организации ограничены сферой публичных интересов. Речь о составлении перечня данных о мелких правонарушителях не идет вообще.

Предполагается, что срок хранения данных о каждом гражданине строго ограничен. Данные эти, в свою очередь, ограничены перечнем в законодательстве.

Все это насколько не напоминает цифровую диктатуру.

Как уже было отмечено, изначально система социального кредита в Китае возникла для предотвращения недобросовестного поведения фирм, которое влияло на показатели делового климата. Идея состояла в создании государственной системы оценки кредитоспособности предприятий, претендующих на кредит, не социальный, но коммерческий. Такую систему оказалось возможным расширить и для оценки добросовестности организаций, участвующих в госзакупках, и распространить на физических лиц, нуждающихся в кредитовании или претендующих на занятие государственных должностей. О тотальном контроле за гражданами с помощью системы социального кредита речь никогда не шла.

Итак, современные исследования трактуют систему социального кредита под углом зрения проблематики дихотомии демократии и авторитаризма. Методы исследования при этом предполагаются направленные на материальную действительность, которой в силу ее материальности приписывается объективность, и состоят эти методы в социологических опросах, анализе экономических индикаторов, так или иначе также сводящихся к опросам, анализе юридических институтов, который способен дать ответ на вопрос, создают эти институты среду для развития авторитарных тенденций государственного управления или не создают.

Авторы и сами поработали в рамках данной теоретической системы координат, проанализировав подробности функционирования некоторых юридических институтов в Китае, влияющих на систему социального кредита, пытаясь увидеть корреляцию между введением системы социального кредита и биржевыми индексами делового климата.

Однако представляется актуальным в связи с повысившейся ролью фактора символического воздействия в современной реальности рассмотреть проблему социального кредита иначе. Рассмотрим, способствует ли данная система развитию авторитарных тенденций, при этом признаки авторитаризма будут выделены совсем другие, не те, которые выделялись сторонниками негативистской концепции прав человека.

Авторы предпочитают видеть признаки авторитаризма в неравных возможностях символического конструирования реальности. Это меняет рамку теоретической системы координат и представляет собой новый ракурс рассмотрения системы социального кредита.

Цель и задачи исследования

Цель настоящего исследования — выявить, обладает ли система социального кредита, функционирующая в Китае, такими признаками авторитаризма, как создание неравных возможностей конструирования реальности.

Задачи исследования:

- 1) доказать, что воздействие на символическую реальность является важным фактором функционирования современной социально-политической системы;
- 2) очертить теоретические рамки исследования системы социального кредита как способа воздействия на символические феномены, имеющие отношение к идеологии, и вписать эту систему в теорию политической коммуникации;
- 3) ответить на вопрос, несет ли в себе система социального кредита признаки авторитаризма, с точки зрения теории политической коммуникации.

Методы исследования

Методы исследования базируются на достижениях общественных наук, имеющих в качестве своего предмета коллективное и индивидуальное сознание. Среди достижений этих наук — переоценка детерминирующей роли общества по отношению к личности, борьба понятий «общество» и «человек» за статус детерминирующего начала.

Конкуренция понятий «общество» и «человек» за приоритет в ценностной структуре массового сознания отнюдь не нова: эти ценности с переменным успехом сменяли друг друга на протяжении веков — со времен эллинизма (когда впервые был поставлен вопрос о возможности подобной борьбы) и до настоящего времени (когда констатация смены приоритетов в отношении этих двух понятий стала банальностью).

Однако в социальной философии, размышляющей о коллективном сознании, вплоть до последнего времени безусловная детерминация обществом человека не подвергалась сомнению. Уверенность науки в том, что целое больше, чем сумма его частей, что общество не редуцируется к совокупности индивидуальных волей, была незыблемой. Субъект социальной системы был полностью детерминирован ее структурой. Все без исключения социологи, даже находящиеся на полюсе крайнего номинализма и априорно допускающие не первичность общества, как Дюркгейм, и наоборот, как Вебер и Блумер, конституирующую роль взаимодействия индивидов, признают, что индивид не может выйти в своей мыслительной деятельности за рамки ментальных структур, предписанных ему обществом. Личность является жертвой социальной необходимости, не способной осознать свою роль в игре слепых социальных процессов и обусловленной потребностями социальной структуры. Действия отдельного человека создают рисунок, превосходящий его способности понимать.

Теории, идущие вразрез с этой парадигмой, обязаны своим существованием постмодернистским установкам социологии и социальной философии, акцентирую-

щим внимание на влиянии рыночной экономики и на символическом интеракционизме. Принуждение как главный механизм социализации и источник противоречия между личностью и обществом хорошо замаскировано видимостью добровольного рационального выбора в системе рыночной экономики. Отношения субординации можно рассматривать в терминах логики расчета и оптимального выбора. В условиях экономического принуждения особую роль приобретает власть убеждения. Экономическое поле стремится навязать свою структуру идеологическому: власть в обществе отныне мыслится как обладание символическим капиталом, прежде всего, как власть над словом.

Как только наука делает это открытие, яснее становится механизм детерминации обществом сознания индивида. Он предстает как процесс сознательной манипуляции сознанием, осуществляемый заинтересованными субъектами социального действия — не группами, а личностями, заставляющими поверить в их личных интересах в существование неких социальных групп и сделать себя носителями их мифических интересов, а иногда даже вызывать к жизни эти группы определенными манипуляциями.

Согласно этой концепции, классы создал Маркс, политизация классов — чисто явление, обязанное ему своим существованием. Представление правительства о своей власти создает наличие или отсутствие классов. Если граждане не верят в классы, то классы и в самом деле исчезают, раз они определяются осознанным противопоставлением групп внутри социума.

Социальная борьба переместилась на уровень представлений, а осознавшей это личности не трудно выйти за пределы категорий, навязанных ей социальной системой, и осуществлять обратное детерминирующее воздействие, стать манипулятором, конструирующим социальную реальность в личных интересах. Если раньше признавалось наличие *объективных сил*, соотношение которых стремится воспроизвести себя в отношении *символических сил*, то теперь реальностью становится только борьба за навязывание представлений. Общественный деятель признает себя подсудным только общественному мнению, но оно — только продукт его манипуляций. Он творец социальной реальности в буквальном смысле: он эманурует из своего разума классы и с помощью идеологического механизма социальной мобилизации действительно вызывает их к жизни. Человек возобладал над обществом также и в теории.

Объективными предпосылками такого возобладания выступают факторы усиления важности символического воздействия в современном мире. В социальной действительности постепенно происходит снятие проблемы диктата материального фактора. Это проявляется в исключении насилия из системы международных отношений Западного мира, преобладании символического фактора среди средств осуществления социальных отношений, нашедшем яркое воплощение в послевоенной эволюции мировой валютной системы.

Речь идет об элиминации материального обеспечения денежной единицы и наполнения ее обеспечением исключительно авторитетом эмитента при установлении Бреттон-Вудской валютной системы и особенно при ее крахе. Возникновение криптовалюты отражает потребность общества в необеспеченной денежной единице, имеющей потенциал преобразить мировую экономику.

Денежная единица — мерило материальных стоимостей — с введением Бреттон-Вудской системы перестала быть привязанной к конкретному материальному благу, она стала обеспечиваться не золотом, а благоприятным мнением участников монетарной системы о валюте Соединенных Штатов, то есть чем-то весьма эфемерным, символическим. Система плавающих валютных курсов еще более усилила эту тенденцию. Экономическая борьба в сфере международных отношений переместилась с уровня материальных ресурсов и территорий как источников сырья и рынков сбыта на уровень формирования мнения.

Возникновение криптовалюты отражает потребность современного мира в необеспеченных деньгах для беззатратного маневрирования ликвидностью.

В обновленном мире успех приносит линия поведения, делающая ставку на нематериальные факторы.

На это, в частности, среагировала постмодернистская геополитика, наука в качестве объекта своего изучения имеющая исключительно материальные факторы, детерминирующие политическую действительность. Сторонники постмодернистской школы в теории международных отношений группировались вокруг Р. Эшли [19], У. Конноли [23, с. 59] и Р. Уолкера [53]. Наиболее существенным для геополитики в арсенале постмодернистских научных методов является отрицание материальной реальности и постулирование бóльшей важности реальности символической. Определенные территории, государственные границы, военные базы, материальные ресурсы также начинают приобретать, главным образом, символическое значение, которое и является стратегическим ресурсом.

М. Мерль приспособил теории символического производства П. Бурдьё и Б. Бади к геополитическим проблемам. Р. Дебре заложил традицию отказа трактовать геополитические проблемы отдельно от дистинктивных концепций и риторических стратегий.

Использование методов постмодернистской социологии, социальной и политической философии, вскрывающих механизм мобилизации различных социальных сил, механизм осуществления самоидентификации различных групп населения с субъектами социального и политического действия (классами, партиями, ассоциациями, заинтересованными группами), а также механизм самоидентификации различных политических лидеров, претендующих на роль выразителей интересов социальных групп, которые они хотели бы мобилизовать, может дать чрезвычайно интересные результаты не только с академической, но и с сугубо практической точки зрения. На основе использования методов постмодернистской социологии, позволяющих за приемами политического маркетинга видеть реальный мобилизационный потенциал всех претендентов на роль субъектов политического действия, может дать ясную картину взаимодействия элит различных полей влияния, возможность долгосрочного политического прогноза.

Этот мобилизационный потенциал зависит от средств массовой коммуникации.

Функционал возможностей средств массовой коммуникации изучен теорией массовой коммуникации.

Мобилизационный потенциал субъектов социального действия зависит от их возможностей конструировать символическую реальность. Чтобы определить равные или неравные возможности предоставляются гражданам для конструирования символической реальности, следует определить асимметрична ли политическая коммуникация в обществе.

Таким образом, основным методом исследования является анализ функционала системы социального кредита применительно к СМИ, с точки зрения формирования симметричной или асимметричной политической коммуникации, как это определяет теория массовой коммуникации.

Результаты и обсуждение

Существует такой аспект социального кредита, который способен оказать существенное влияние на развитие политической коммуникации, и влияние крайне негативное, с точки зрения демократического устройства современной политической системы и качества человека.

Речь идет о применении социального кредита при усилении ответственности сотрудников в интернет-СМИ за проверку контента, согласно Правилам китайского правительства по усилению контроля за контентом интернет-сайтов, опублико-

ванным 16 сентября 2021 г. Это усиление ответственности направлено на создание механизмов предупреждения настроений общества, на сосредоточении внимания на настроении общества по чувствительным и резонансным событиям с целью управления этим вниманием.

То, что правила китайского правительства по усилению контроля за контентом интернет-сайтов направлены именно на объективацию реципиента информации, подтверждает стремление китайского правительства улучшить базу данных, чтобы сделать их доступными для машинной обработки системам искусственного интеллекта (AI-системам). Об этом свидетельствует то, что «Правила» предлагают создать «механизм динамического обновления базы сэмплов противоправной информации, установить разделение по уровням и категориям; регулярно обновлять и расширять содержание *для повышения эффективности и качества технической проверки*».

А между тем AI-модели будут запрещены в ЕС (обсуждение соответствующего законопроекта стартовало 21 апреля 2021 г.), и даже не применительно к мониторингу интернет-СМИ, а по отношению ко всей системе социального рейтинга или социального кредитования, когда по гражданам накапливается массив больших данных о связях, поведении, покупках и другой информации, и на основе совокупности данных создается социальный портрет гражданина, на том основании, что у таких систем искусственного интеллекта есть высокий шанс повлиять на чьи-то средства к существованию. Массовое наблюдение, применяемое ко всем физическим лицам без каких-либо различий, согласно идеологии ЕС должно быть запрещено.

Объективация реципиента средствами массовой коммуникации (трактовка реципиента не как субъекта, а как объекта) означает такое политическое развитие массовой коммуникации, при котором она предстает как асимметричная. Теория асимметричной политической коммуникации была разработана Т. З. Адамьянц [1; 2] на основе модели интеракционистской массовой коммуникации Т. Ньюкомба [40], сбалансированной модели коммуникации У. Шрамма [52] и Ч. Осгуда [41–46]. Асимметричная политическая коммуникация имеет в качестве своих последствий, во-первых, угрозу демократическому устройству современной политической системы, а во-вторых, целенаправленное снижение качества человека.

В самом деле, объективация реципиента средствами массовой коммуникации означает целенаправленное формирование отчужденности электората от политического участия, что сводит на нет все достижения прогресса политического развития в сфере принуждения политической системы быть инструментом общего блага.

С другой стороны, остро стоит проблема культурного отчуждения человека в результате засилья массовой культуры, навязываемой СМИ, контролеры которых заинтересованы в максимизации прибыли, а значит, в продвижении в массы как можно более дешевого продукта. Для того чтобы массы безропотно потребляли этот продукт, необходимо, объективируя реципиента, изменить его культурный уровень в соответствии с данной задачей. Это достигается за счет развития асимметричной массовой коммуникации.

Необходимость поиска точки уязвимости сознания массовой аудитории для эффективности пропаганды как несимметричной политической коммуникации, говоря в современных терминах, была обоснована Г. Лассуэллом [34; 35]. Предупреждение настроений общества, связанное с изобретением новых идей и образов, их внедрением и дальнейшим культивированием, то есть своеобразным конструированием социальной реальности, было разработано им же [36].

Примером восприятия коммуникации как однозначного воздействия субъекта на объект без шансов у объекта стать полноправным участником процесса может служить модель шумовой коммуникации К. Шеннона и У. Уивера [51].

Теория Культурного отчуждения человека вследствие создания механизма несимметричной политической коммуникации была развита Франкфуртской школой во главе с Т. Адорно [18].

Таким образом, перспективы применения искусственного интеллекта для контроля за интернет-СМИ способствуют развитию несимметричной политической коммуникации, направленной на объективацию реципиента информации. Это само по себе неоднозначно, при этом китайское правительство намерено еще и усилить эффективность применения искусственного интеллекта с помощью социального кредита. Это вызывает определенную солидаризацию с направлениями либеральной мысли, критикующими систему социального кредита.

Выводы

1. Система социального кредита, применяемая для контроля за контентом интернет-сайтов, способствует углублению асимметричности политической коммуникации в плане дальнейшей объективизации реципиента информации.
2. В рамках теории массовой коммуникации это означает регресс в области развития политического участия и качества человека, следовательно, оценка системы социального кредита методами, отличными от методов, применяемых сторонниками концепции негативистских прав человека, позволяет прийти к тем же результатам, и обнаружить в системе социального кредита признаки авторитарного государственного управления. Подтверждение таких признаков, сделанных на основании других методов, имеет значение, поскольку оценка системы социального кредита, сделанная в рамках парадигмы негативистских прав человека, могла быть опровергнута апелляцией к несовпадению коллективистских и индивидуалистских ценностей и слабой применимости к китайскому обществу последних.

Литература

1. Адамьянц Т. З. К диалогической телекоммуникации: от воздействия к взаимодействию. М. : Институт социологии РАН, 1999.
2. Адамьянц Т. З. Латентные технологии информационных войн и «двойных стандартов» // Социологические исследования. 2016. № 12. С. 123–127.
3. Арон Р. Введение в философию истории: очерк о границах исторической объективности / Арон Р. Избранное. Введение в философию истории. М. : ПЕР СЭ, СПб. : Университетская книга, 2000.
4. Байер Ю. П., Васильева В. А., Ветренко И. А. The Social Credit System of the People's Republic of China through the Eyes of Foreign Researchers // Управленческое консультирование. 2020. № 7. С. 20–31.
5. Бауман З. Философские связи и влечения постмодернистской социологии // Вопросы социологии. Т. 1. № 2. 1992. С. 2–22.
6. Буткевич С. А. Система социального кредита в Китайской Народной Республике в зеркале криминологии // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2019. № 1. С. 111–116.
7. Бялькина Д. В. Китайская система социального кредита // Человек: преступление и наказание. Сборник материалов Международной научно-теоретической конференции аспирантов, соискателей, курсантов и студентов. В 3-х ч. Рязань : Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2020. С. 45–50.
8. Вебер М. Наука как призвание и профессия / Вебер М. Избранные произведения. М. : Прогресс, 1990. С. 707–736.
9. Генкин А. С. Китайский опыт внедрения системы социального кредита: скоринг как универсальная монетизация доверия // Страховое дело. 2019. № 10 (319). С. 3–20.
10. Дюркгейм Э. Метод социологии / Дюркгейм Э. О разделении общественного труда. Метод социологии. М. : Наука, 1995. С. 391–532.
11. Кривопусков В. В. Методологические основания социологического исследования доверия как фактора консолидации российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. Сер.: Социологические науки, 2013. № 1, с. 79–83.

12. Крушинский А., Ломанов А., Переломов Л. «Китайская мечта» и категории традиционной китайской мысли // Проблемы Дальнего Востока. 2015. № 5. С. 135–148.
13. Лукьянов А. Е. Философские проблемы «китайской мечты» // Вестник РУДН. Сер. «Философия». 2015. № 4. С. 50–59.
14. Разумов Е. А. Цифровое диктаторство: особенности системы социального кредита в Китайской Народной Республике // Труды института истории, археологии и этнографии ДВО РАН. 2019. Т. 24. С. 86–97.
15. Рувинский Р. З., Комарова Т. Д. Система социального кредита в Китайской Народной Республике: нормативно-правовое основание и принципы функционирования // ВВ: Административное право и практика администрирования. 2019. № 4. С. 18–53.
16. Трахтенберг А. Д. Китайская система социального кредита: взгляд снаружи и изнутри // Дискурс-Пи. 2019. № 4 (37). С. 108–118.
17. Черницына Е. Н. Политическое доверие: как его измерить? // Государственное управление. Электронный вестник. № 54. Февраль 2016. С. 130–145.
18. Adorno Th., Frenkel E., Brunswick S., Levinson D., Sanford R. The Authoritarian Personality. NY, 1950.
19. Ashley R. K. Living on Borderlines: Man, Poststructuralism and War / eds. DerDerian J., Shapiro M. J. International/Intertextual Relations: Postmodern Readings in World Politics. Lexington, 1989. P. 259–321.
20. Bauman Z. Is there a postmodern sociology? // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory) / ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
21. Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // Contemporary Social Theory / ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
22. Blumer H. Symbolic Interactionism. Berkley : University of California Press, 1969.
23. Brown C. Critical Theory and Postmodernism / eds. A. J. R. Groom, M. Light. Contemporary International Relations. A Guide to Theory. L., 1994. P. 56–69.
24. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. NJ : Prentice-Hall, 1967.
25. Glaeser E. L., Laibson D., Scheinkman J. A., Soutter C. L. Measuring trust // Quarterly Journal of Economics. 2000. N 115 (3). P. 811–846.
26. Eagleton T. After Theory. NY : Basic Books, 2003.
27. Engelmann S., Chen M., Fisher F., Kao P. at al. Clear. Sanctions, Vague Rewards: How China's Social Credit System Currently Defines "Good" and "Bad" Behavior. In Proceedings of the Conference on Fairness Accountability, and Transparency (FAT* '19). Association for Computing Machinery. NY, 2019. P. 69–78.
28. Harvey D. Postmodernism // Contemporary Social Theory / ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
29. Jiang M., Fu K.-W. Chinese Social Media and Big Data: Big Data, Big Brother, Big Profit? // Policy and Internet. 2018. N 4 (10). P. 372–392.
30. Kasl F. Surveillance in digitalized society: The Chinese social credit system from a European perspective // Lawyer Quarterly. 2019. N 4 (9). P. 349–358.
31. Kostka G. China's social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media and Society. 2019. N 21 (7). P. 1565–1593.
32. Laband J. How Can Individuals, Companies Be Limited by Bad Social Credit in China? // China Business Review, Feb. 2017 [Electronic source]. URL: <https://www.chinabusinessreview.com/how-can-individuals-companies-be-limited-by-bad-social-credit-in-china/> (accessed: 28.01.2020).
33. Laski H. J. Towards a Universal Declaration of Human Rights // Human rights teaching. IY. 1985. P. 7–11.
34. Lasswell H. D. Propaganda Technique in the World War (1927; Reprinted with a new introduction, 1971). NY, 1971.
35. Lasswell H. The Structure and the Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971.
36. Lasswell H. D., Smith B. L., Casey R. D. Propaganda, Communication and Public Order. Princeton, 1946.
37. Lee J. W. Your life is number // Psychology today. 2019. N 7–8. С. 72–81.
38. Lyotard J. F. The postmodern condition: A report on knowledge. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1984.
39. Mouzelis N. The Poverty of Sociological Theory // Sociology. Vol. 27. N 4. November 1993.
40. Newcomb T. An Approach to the Study of Communications Acts // Psychological Review, 1953, N 60.

41. *Osgood Ch. E.* Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979.
42. *Osgood Ch. E.* Psycholinguistics: a survey of theory and research problems // *Journal of Abnormal and Social Psychology*. 1954. N 49.
43. *Osgood Ch. E.* Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Praeger Publishers, 1988.
44. *Osgood Ch. E., May W. S., Miron M. S.* Cross Cultural Universals of Affective Meaning. University of Illinois Press, 1975.
45. *Osgood Ch. E., Suci G., Tannenbaum P.* The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957.
46. *Osgood Ch. E., Tzeng O.* (eds.). Language, Meaning, and Culture: The Selected Papers of C. E. Osgood. Praeger Publishers, 1990.
47. *Parsons T.* Economy and Society. NY, 1956.
48. *Parsons T.* The Structure of Social Action. NY, 1968.
49. *Robinson W. S.* The logical Structure of Analytic Induction // *American Sociological Review*. 1951. N 6. Vol. 16. P. 812–818.
50. *Rosaldo R.* Subjectivity in social analysis // *The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory)* / ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
51. *Schannon C., Weaver W.* The athemactical Theory of Communitation. Urbana : University of Illinois Press, 1949.
52. *Schramm W.* How Communication Works / ed. Shramm W. The process and effects of mass communication. Urbana : University of Illinois Press, 1954.
53. *Walker R. B. J.* Culture, Discours and Insecurity // *Alternatives*, 1986. Vol. 11. N 4. P. 485–504.
54. *Weber M.* The Methodology of the Social Sciences / eds. E. Shits, H. Finch. NY : Free Press, 1949.

Об авторах:

Антончева Ольга Алексеевна, доцент кафедры государственного и муниципального управления Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; antoncheva-oa@ranepa.ru

Апанасенко Татьяна Евгеньевна, независимый исследователь, кандидат политических наук (Санкт-Петербург, Российская Федерация); apanassenko2008@mail.ru

References

1. Adamianz T.Z. To dialogic telecommunications: from impact to interaction. M. : Institut sociologii RAN, 1999 (in Rus).
2. Adamianz T.Z. Latent technologies of information wars and double standards // *Social researches [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 2016. N 12. P. 123–127 (in Rus).
3. Aron R. Introduction to the philosophy of history: Essay on the boundaries of historical objectivity / *Selected works. Introduction to the philosophy of history*. SPb. : Universitetskaya kniga, 2000 (in Rus).
4. Bayer J. P., Vasilyeva V. A., Vetrenko I. A. The Social Credit System of the People's Republic of China through the Eyes of Foreign Researchers // *Administrative Consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2020. N 7. P. 20–31 (in Rus).
5. Bauman Z. Philosophical affinities of postmodern sociology // *Problems of sociology [Voprosy sociologii]*. V. 1. N 2. 1992. P. 2–22 (in Rus).
6. Butkevich S. A. The System of Social Credit in the People's Republic of China in the Mirror of Criminology // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of the of the Interior of the Russian Federation [Vestnik Ural'skogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii]*. 2019. N 1. P. 111–116 (in Rus).
7. Bialkina D. V. China's System of Social Credit // *Man: Crime and Punishment. Collection of materials of the international scientific and practical conference of adjuncts, graduate students, cadets and students*. In three parts. Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Penitentiary Service, 2020. P. 45–50 (in Rus).
8. Weber M. Science as a vocation and profession / *Selected works*. M. : Progress, 1990. P. 707–736 (in Rus).
9. Henkin A. S. Chinese Experience of Social Credit Implementation: Scoring as Universal Monetization of Confidence // *Insurance Case [Strahovoe delo]*. 2019. N 10 (319). P. 3–20. (in Rus)

10. Durkheim E. Method of sociology / On the division of Social Labour. M. : Nauka, 1990. P. 391–532 (in Rus).
11. Krivopuskov V.V. Methodological foundations of sociological research of trust as a factor of consolidation of Russian society // Humanities, socio-economic and social sciences [Humanitarnyye, socio-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki]. Ser.: Sociological sciences. 2013. N 1 (in Rus).
12. Krushinski A., Lomanov A., Perelomov L. “Chinese Dream” and Categories of Traditional Chinese Thought // Far Eastern Studies [Problemy Dal'nego Vostoka]. 2015. N 5. P. 135–148 (in Rus).
13. Lukianov A.E. Philosophical Problems of the “Chinese Dream” // Vestnik RUDN. Philosophy Ser. [Vestnik RUDN. Ser. «Filosofiya»]. 2015. N 4. P. 50–59 (in Rus).
14. Razumov E.A. Digital dictatorship: features of the social credit system in the People’s Republic of China // Proceedings of the Institute of History, Archeology and Ethnography of the Far Eastern Branch of the Russian Academy RAS. 2019. Vol. 24. P. 86–97 (in Rus).
15. Ruvinski R.Z., Komarova T.D. Social Credit System in the People’s Republic of China: Regulatory Framework and Operating Principles // NB: Administrative Law and Administrative Practice [NB: Administrativnoe pravo i praktika administrirovaniya]. 2019. N 4. P. 18–53 (in Rus).
16. Trakhtenberg A.D. China’s social credit system: Look inside and out // Discours-Pi. 2019. N 4 (37). P. 108–118 (in Rus).
17. Chernizina E.N. Political trust: how to measure it? // Public administration [Gosudarstvennoe upravlenie]. Electronic bulletin. № 54. February 2016. P. 130–145 (in Rus).
18. Adorno Th., Frenkel E., Brunswick S., Levinson D., Sanford R. The Authoritarian Personality. NY, 1950.
19. Ashley R.K. Living on Borderlines: Man, Poststructuralism and War / eds. DerDerian J., Shapiro M. J. International/Intertextual Relations: Postmodern Readings in World Politics. Lexington, 1989. P. 259–321.
20. Bauman Z. Is there a postmodern sociology? // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory) / ed. S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
21. Bauman Z. Postmodernity, or Living with Ambivalence // Contemporary Social Theory / ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
22. Blumer H. Symbolic Interactionism. Berkley : University of California Press, 1969.
23. Brown C. Critical Theory and Postmodernism / eds. A. J. R. Groom, M. Light. Contemporary International Relations. A Guide to Theory. L., 1994. P. 56–69.
24. Garfinkel H. Studies in Ethnomethodology. NJ : Prentice-Hall, 1967.
25. Glaeser E. L., Laibson D., Scheinkman J. A., Soutter C. L. Measuring trust // Quarterly Journal of Economics. 2000. N 115 (3). P. 811–846.
26. Eagleton T. After Theory. NY : Basic Books, 2003.
27. Engelmann S., Chen M., Fisher F., Kao P. at al. Clear. Sanctions, Vague Rewards: How China’s Social Credit System Currently Defines “Good” and “Bad” Behavior. In Proceedings of the Conference on Fairness Accountability, and Transparency (FAT* ’19). Association for Computing Machinery. NY, 2019. P. 69–78.
28. Harvey D. Postmodernism // Contemporary Social Theory / ed. A. Elliot. Blackwell Publishers, 1999.
29. Jiang M., Fu K.-W. Chinese Social Media and Big Data: Big Data, Big Brother, Big Profit? // Policy and Internet. 2018. N 4 (10). P. 372–392.
30. Kasl F. Surveillance in digitalized society: The Chinese social credit system from a European perspective // Lawyer Quarterly. 2019. N 4 (9). P. 349–358.
31. Kostka G. China’s social credit systems and public opinion: Explaining high levels of approval // New Media and Society. 2019. N 21 (7). P. 1565–1593.
32. Laband J. How Can Individuals, Companies Be Limited by Bad Social Credit in China? // China Business Review, Feb. 2017 [Electronic source]. URL: <https://www.chinabusiness-review.com/how-can-individuals-companies-be-limited-by-bad-social-credit-in-china/> (accessed: 28.01.2020).
33. Laski H. J. Towards a Universal Declaration of Human Rights // Human rights teaching. IV. 1985. P. 7–11.
34. Lasswell H. D. Propaganda Technique in the World War (1927; Reprinted with a new introduction, 1971). NY, 1971.
35. Lasswell H. The Structure and the Function of Communication in Society // The Process and Effects of Mass Communication. Chicago, 1971.
36. Lasswell H. D., Smith B. L., Casey R. D. Propaganda, Communication and Public Order. Princeton, 1946.

37. Lee J.W. Your life is number // Psychology today. 2019. N 7–8. С. 72–81.
38. Lyotard J.F. The postmodern condition: A report on knowledge. Minneapolis : University of Minnesota Press, 1984.
39. Mouzelis N. The Poverty of Sociological Theory // Sociology. Vol. 27. N 4. November 1993.
40. Newcomb T. An Approach to the Study of Communications Acts // Psychological Review, 1953, N 60.
41. Osgood Ch.E. Focus on Meaning: Explorations in Semantic Space. Mouton Publishers, 1979.
42. Osgood Ch.E. Psycholinguistics: a survey of theory and research problems // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1954. N 49.
43. Osgood Ch.E. Psycholinguistics, Cross-Cultural Universals, and Prospects for Mankind. Praeger Publishers, 1988.
44. Osgood Ch.E., May W.S., Miron M.S. Cross Cultural Universals of Affective Meaning. University of Illinois Press, 1975.
45. Osgood Ch.E., Suci G., Tannenbaum P. The Measurement of Meaning. University of Illinois Press, 1957.
46. Osgood Ch.E., Tzeng O. (e ds.). Language, Meaning, and Culture: The Selected Papers of C.E. Osgood. Praeger Publishers, 1990.
47. Parsons T. Economy and Society. NY, 1956.
48. Parsons T. The Structure of Social Action. NY, 1968.
49. Robinson W.S. The logical Structure of Analytic Induction // American Sociological Review. 1951. N 6. Vol. 16. P. 812–818.
50. Rosaldo R. Subjectivity in social analysis // The Postmodern Turn (New Perspectives on Social Theory) / ed.S. Seidman. Cambridge University Press, 1998.
51. Schannon C., Weaver W. The athematical Theory of Communication. Urbana : University of Illinois Press, 1949.
52. Schramm W. How Communication Works / ed. Shramm W. The process and effects of mass communication. Urbana : University of Illinois Press, 1954.
53. Walker R.B.J. Culture, Discours and Insecurity //Alternatives, 1986. Vol. 11. N 4. P. 485–504.
54. Weber M. The Methodology of the Social Sciences / eds.E. Shits, H. Finch. NY : Free Press, 1949.

About the authors:

Olga A. Antoncheva, Associate Professor the Chair of State and Municipal Management of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science, Associate Professor; antoncheva-oa@ranepa.ru

Tatiana E. Apanasenko, Independent researcher (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Political Science; apanassenko2008@mail.ru

Цифровые платформы как ресурс государственной поддержки предпринимательства в России: эффекты и риски использования

Демидов М. О.* , Пашковская Е. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *demidov-mo@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Пандемия новой коронавирусной инфекции COVID-19 и введенные в связи с ней ограничения привели к резкому сокращению сектора малого и среднего предпринимательства по всему миру. В то же время, невозможность ведения коммерческой деятельности офлайн привела к небывалому росту онлайн-торговли. Этот рост объясняется снижением транзакционных издержек предпринимателей благодаря особенной природе цифровых сервисов. Предметом настоящего исследования является использование цифровых платформ в качестве ресурса, позволяющего снижать транзакционные издержки. Целью статьи выступает обоснование необходимости минимизации государством рисков использования цифровых платформ субъектами малого и среднего предпринимательства в качестве ресурса их развития. При помощи статистических данных приводятся аргументы в пользу использования цифровых платформ как ресурса для поддержки предпринимательства и выдвигается предположение об их влиянии на выбор предпринимателей в пользу легализации своей деятельности. Помимо этого, выделяются ключевые риски, в основе которых лежит различный уровень цифровой культуры населения и инфраструктурной обеспеченности в разных регионах страны. Как итог формулируются меры по минимизации рисков использования цифровых платформ, которые может применить государство. Они заключаются в развитии технической инфраструктуры, повышении цифровой культуры граждан, а также в совершенствовании уже функционирующей инфраструктуры поддержки субъектов малого и среднего предпринимательства, способной оказывать всестороннюю помощь предпринимателям в цифровой трансформации бизнеса.

Ключевые слова: цифровая экономика, новая институциональная теория, легализация предпринимательства

Для цитирования: Демидов М. О., Пашковская Е. В. Цифровые платформы как ресурс государственной поддержки предпринимательства в России: эффекты и риски использования // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 28–41.

Digital Platforms as a Resource of State Support for Entrepreneurship in Russia: Effects and Risks of Use

Mikhail O. Demidov*, Ekaterina V. Pashkovskaia

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; *demidov-mo@ranepa.ru

ABSTRACT

The COVID-19 pandemic and the restrictions imposed in connection with it have led to a sharp reduction in the sector of small and medium enterprises around the world. At the same time, the impossibility of doing business offline has led to an unprecedented growth in online trading. This growth is explained by the reduction in transaction costs for entrepreneurs due to the special nature of digital services. The subject of this study is the use of digital platforms as a resource to reduce transaction costs. The aim of the article is to substantiate the need for the government to minimize the risks of using digital platforms by small and medium-sized businesses as a resource for their development. With the help of statistical data, arguments

are made in favor of the use of digital platforms as a resource to support entrepreneurship and an assumption is made about their influence on the choice of entrepreneurs in favor of legalizing their activities. In addition, key risks are identified, which are based on a different level of digital culture of the population and infrastructure provision in different regions of the country. As a result, measures are formulated to minimize the risks of using digital platforms that the state can apply. They consist in the development of technical infrastructure, increasing the digital culture of citizens, as well as improving the already functioning infrastructure for supporting small and medium-sized businesses that can provide comprehensive assistance to entrepreneurs in the digital transformation of their business.

Keywords: digital economy, new institutional theory, legalization of entrepreneurship

For citing: Demidov M. O., Pashkovskaia E. V. Digital Platforms as a Resource of State Support for Entrepreneurship in Russia: Effects and Risks of Use // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 28–41.

Введение

С 2020 г. сектор малого и среднего предпринимательства в России испытывает серьезные трудности. Согласно исследованию Агентства стратегических инициатив, только ввод ограничительных мер, связанных с распространением новой коронавирусной инфекции COVID-19, привел к сокращению выручки у 84,03% предприятий малого бизнеса [14], которое было вызвано падением спроса на производимые товары и услуги, а также возникшими сложностями, связанными с необходимостью выполнения различных финансовых обязательств. Негативные последствия затронули порядка 4,17 млн из 6,05 млн компаний сектора малого и среднего предпринимательства, из которых 56,1% не работали на пике карантина. Падение спроса коснулось 80% компаний, который не восстановился к 2021 г. у 52,6%¹. Наибольшим образом пострадали сфера туризма, торговли, транспортная отрасль, сфера общественного питания, сфера обслуживания и развлечений, сфера индустрии моды и красоты [5]. Все это привело не только к сокращению количества ранее функционирующих субъектов малого и среднего предпринимательства (далее — субъекты МСП), но и к снижению темпов создания новых. Согласно данным Федеральной налоговой службы, их количество неуклонно снижалось с 1 млн 62 тыс. в 2019 г. до 823 тыс. в конце 2020 и 796 тыс. в середине 2021 г.²

Объяснением этого может являться крайняя чувствительность малого предпринимательства к турбулентным изменениям внешней среды, так как оно обладает меньшим количеством ресурсов для их нивелирования. Наличие высоких рисков и невозможность осуществления долгосрочного планирования подталкивают потенциальных предпринимателей делать выбор либо в пользу наемного труда, либо в пользу неформальной деятельности, а существующих — к решению о закрытии своего предприятия. В дальнейшем это приводит и к уменьшению сегмента среднего бизнеса, так как он «вырастает» из малого.

В 2019 г. доля субъектов МСП в ВВП России составляла 20,2%, а доля занятых на предприятиях МСП составила 27%³. Снижение темпов его роста в совокупности с ухудшающейся экономической обстановкой могут привести к повышению соци-

¹ Специальный доклад Президенту Российской Федерации о состоянии малого и среднего бизнеса — МСП/ПОСТКОВИД [Электронный ресурс]. URL: <http://doklad.ombudsmanbiz.ru/2021/7.pdf> (дата обращения: 03.04.2022).

² Единый реестр субъектов малого и среднего предпринимательства [Электронный ресурс]. URL: <https://ofd.nalog.ru> (дата обращения: 03.04.2022).

³ Россия в цифрах. 2021 / Федеральная служба государственной статистики РФ [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/12993> (дата обращения: 03.04.2022).

альной напряженности и уменьшению доходов государства, что актуализирует с практической точки зрения вопрос о совершенствовании государственных мер развития предпринимательского сегмента и поддержки субъектов МСП.

В России с 2020 г. и по настоящий момент¹ со стороны органов государственной власти и крупных коммерческих организаций применяются различные финансовые инструменты поддержки субъектов МСП в виде льготных кредитов, отсрочек по выплатам кредитных обязательств и грантов, направленных на минимизацию издержек субъектов МСП в процессе осуществления своей деятельности. Однако, оставляя за скобками вопрос об их эффективности, ввиду сложности получения кредитов, их краткосрочности и расчета суммы исходя из величины МРОТ [1], с точки зрения новой институциональной теории, подобные меры в большей степени позволяют решить только проблему снижения трансформационных издержек, возникающих в процессе создания товаров и услуг. При этом они не решают другой, возможно, более важной проблемы — снижения трансакционных издержек.

Одним из возможных путей частичного решения данной проблемы может стать использование в рамках государственной поддержки предпринимательства такого ресурса, как цифровые платформы. С точки зрения снижения трансакционных издержек, их использование приводит к формированию новых механизмов взаимодействия между предпринимателями и покупателями, снижая роль пространственных и временных факторов, влияющих на ведение экономической деятельности. Но является ли их снижение единственным положительным эффектом как с точки зрения самих предпринимателей, так и государства? И какие риски с точки зрения государственного управления присутствуют при использовании цифровых платформ?

Для ответа на обозначенные вопросы нами был проведен анализ релевантных статистических данных об активности субъектов МСП в сфере розничной торговли и потребителей их товаров и услуг на крупнейших цифровых платформах, функционирующих на территории Российской Федерации.

Результаты исследования могут быть полезны при разработке эффективных мер государственной поддержки не только в России, но и в странах со схожими экономическими и социально-историческими характеристиками.

Статья состоит из введения, обзора литературы, характеристики методологии и методов исследования, представления результатов, их обсуждения и заключения, в котором обозначены направления дальнейших исследований.

Обзор литературы

С начала пандемии, вызванной новой коронавирусной инфекцией COVID-19, множество государств по всему миру были вынуждены предпринять ряд мер, направленных на контроль ее распространения. В основном, данные меры носили характер ограничений, связанных со свободой перемещения, что не могло положительно сказаться на экономической конъюнктуре: за период с февраля по апрель 2020 г. число активных владельцев бизнеса в США сократилось на 22% от общего количества, в Латинской Америке — на 32%, в Азии — на 26% [13]. Данная ситуация послужила катализатором к росту интереса коммерческого сектора к реализации своих услуг посредством цифровых технологий. Согласно данным исследовательского института Tencent, большинство опрошенных предпринимателей готовы к увеличению цифровых инвестиций на 10–30%. Среди ключевых направлений выделяются четыре технологии, такие как Big Data, интернет вещей, облачные вычисления и 5G, и три направления деятельности — развитие услуг, маркетинг и коммуникация [16].

¹ Правительство утвердило постановление о поддержке малого и среднего бизнеса в условиях коронавирусных ограничений [Электронный ресурс]. URL: <http://government.ru/docs/43694> (дата обращения: 03.04.2022).

Примером комплексного исследования влияния цифровизации на экономику в контексте институционального подхода является работа «Институциональные изменения в контексте цифровой экономики», целью которой являлся анализ качественного изменения институциональной среды под влиянием цифровых технологий, таких как искусственный интеллект, цифровые платформы, блокчейн и интернет вещей. Одной из важных частей этой работы является обзор существующей литературы по данной тематике и выделение данных направлений исследований, таких как:

- важность институциональной трансформации для развития цифровой экономики в России;
- институциональная инфраструктура цифровой экономики;
- трансформация существующих институтов под ее влиянием;
- существующие институциональные ловушки в этой области.

Основным результатом работы стал вывод об уменьшении транзакционных издержек посредством использования цифровых технологий и разрушения существующих институциональных ловушек [6].

Идея о том, что использование цифровых технологий приводит к перераспределению транзакционных издержек так же нашла свое отражение в работе «Blockchains and Transaction Costs», в которой авторы исследовали технологию блокчейна и ее влияние на заключение договоров. Согласно полученным результатам, данная технология позволяет снижать транзакционные издержки для участников на установление связи и заключение контрактов [15].

Эти выводы подтверждают мысли, высказанные А. А. Аузаном в статье «Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды» о цифровых платформах как новых институтах, позволяющих восстанавливать определенные координационные эффекты путем взаимного рейтингования на рынках и разрешать «проблему безбилетника», благодаря «тотальному цифровому контролю за деятельностью тех, кто вышел на платформу». На уровне контрактов использование цифровых платформ приводит к возникновению новых видов, таких как контракты в системах совместного потребления, позволяющие управлять жизненным циклом продукта без передачи в собственность, и smart-контракты, в которых не требуется наличие арбитра [2].

Отдельно стоит выделить исследование И. З. Гелисханова, Т. Н. Юдиной, А. В. Бабкина, посвященное определению сущностных характеристик и уникальных особенностей цифровых платформ, а также особенностям и тенденциям развития отечественных и зарубежных компаний в этой отрасли. В результате его проведения было выделено основное конкурентное преимущество платформенной бизнес-модели, а именно обеспечение прямого взаимодействия и обмена между субъектами экономической деятельности и снижение их транзакционных издержек. Однако авторы выделили и главную проблему, связанную с деятельностью цифровых платформ — обеспечение конфиденциальности персональных данных, собираемых в процессе их использования [3].

Однако снижение цифровыми платформами одних видов издержек может приводить к появлению других. В своей работе М. В. Рыжкова и М. В. Чиков выделяют два основных вида таких издержек: *ex ante*, проявляющиеся в неготовности экономических агентов прибегать к цифровым решениям («переход из офлайна в онлайн»), и *ex post*, предполагающие сопротивление экономических агентов и конфликтность внутри цифрового пространства [9].

Проблема перехода из «офлайна в онлайн» была отчасти освещена в работе А. А. Михайловой, в рамках которой была произведена оценка восприимчивости населения регионов России к внедрению цифровых технологий. По результатам исследования было выявлено наличие «цифрового разрыва» между регионами, приводящего к снижению хозяйственной активности, затрудненному доступу к государственным услугам и усилению социальной напряженности. Его причиной

было обозначено невыполнение базовых условий цифровизации, таких как наличие соответствующей цифровой культуры у населения, а также достаточный уровень инфраструктурной и технологической готовности [8].

Таким образом, в современном научном дискурсе достаточно развито представление о цифровых платформах как институте, способствующем перераспределению транзакционных издержек и их снижению для субъектов МСП. Однако вопросы о других положительных эффектах влияния цифровых платформ и определении мер со стороны государства для минимизации рисков их использования в качестве ресурса в рамках поддержки субъектов МСП, остаются открытыми. Это и определило содержание нашего исследования.

Методология

Теоретической рамкой представленного исследования является новая институциональная теория, наибольший вклад в которую был сделан Р. Коузом [10], Г. Демсецом [11; 12], Д. Нортоном [17] и О. Уильямсоном [18]. Согласно ее положениям, в основе функционирования экономической системы и ее развития лежат транзакционные издержки, которые в процессе осуществления своей деятельности несут участники экономической системы, и институты, влияющие на поведение экономических агентов. В приложении к теме исследования это проявляется следующим образом: цифровые платформы, предоставляя свои услуги и являясь «новыми» институтами, способствуют снижению транзакционных издержек, связанных с поиском информации, измерением и оппортунистическим поведением, за счет чего изменяются паттерны поведения экономических агентов и создаются новые институциональные нормы [6].

На основе обзора литературы можно сформулировать основную **проблему исследования** как недоиспользование цифровых платформ в качестве ресурса для поддержки субъектов МСП.

Цель настоящего исследования — обосновать необходимость минимизации государством рисков использования цифровых платформ субъектами МСП в качестве ресурса их развития.

Основной гипотезой исследования является утверждение, что поскольку цифровые платформы являются значимым институциональным фактором, влияющим на развитие предпринимательства в России, минимизация рисков их использования в рамках государственной поддержки предпринимательства может привести к увеличению количества субъектов МСП.

Объектом исследования выступают цифровые платформы.

Предметом — использование цифровых платформ в качестве ресурса, позволяющего снизить транзакционные издержки субъектов МСП.

В работе **применяются методы** построения прогнозных моделей, в частности на основе метода двойного экспоненциального сглаживания, который представляет собой экспоненциальное сглаживание с поддержкой трендов, где в модели к одиночному экспоненциальному сглаживанию добавляется дополнительный коэффициент сглаживания, который оказывает влияние на трендовую составляющую временного ряда.

Общее уравнение:

$$S_t = ay_t + (1 - a)(S_{t-1} + b_{t-1}). \quad (1)$$

Сглаживание тренда:

$$b_t = \beta(S_t - S_{t-1}) + (1 - \beta)b_{t-1}. \quad (2)$$

Построение прогноза:

$$S_{t+n} = S_t + nb_t, \quad (3)$$

где: α , β — коэффициенты сглаживания, принимающие значения из диапазона $[0;1]$; y — наблюдение; S — сглаженное значение наблюдения; b — коэффициент тенденции; t — индекс текущего наблюдения; n — число прогнозируемых наблюдений.

В качестве языка программирования для нахождения прогнозируемых значений при построении моделей использовался язык R-4.0.2 (библиотека `forecast`, содержащая в себе функции прогнозирования для линейных моделей и временных рядов).

Эмпирическую базу исследования составили различные статистические данные исследовательского агентства Data Insight, органов государственной власти и других источников статистической информации.

К основному **ограничению исследования** можно отнести отсутствие доступной актуальной статистической информации. Ввиду этого в исследовании рассматриваются не все данные, релевантные обозначенной теме. Помимо этого, их актуальность приходится на период 2020–2021 гг., что, впрочем, не оказывает существенного влияния на основные результаты работы. Другим ограничением является использование в работе метода прогноза, в основе которого лежит принцип экстраполяции уже существующих тенденций. Это обусловлено отсутствием ясных перспектив изменения экономической конъюнктуры, что не позволяет применить метод прогнозных сценариев, который дал бы возможность строить более разнообразные модели будущего.

Результаты и обсуждение

И. З. Гелисханов, Т. Н. Юдина и А. В. Бабкин дают следующее определение цифровых платформ, понимая под ними гибридные структуры, ориентированные на создание ценности путем обеспечения прямого воздействия и осуществления транзакций между несколькими группами сторонних пользователей, при этом в само понятие входит не только технологическая конструкция, но и платформенная бизнес-модель, обеспечивающая посредством технологической площадки взаимодействие между субъектами с использованием новых способов и форм взаимодействия, создания ценности и ценообразования, и экосистема — совокупность сообществ и взаимоотношений различных участников цифровой платформы, создающих ценность путем взаимодействия и конкуренции [3].

Они выделяют три существующих вида цифровых платформ, дифференцируемых по владению активами, установлению цен и других условий:

- 1) децентрализованная — владелец актива устанавливает условия и предлагает актив непосредственно пользователю, а роль цифровой платформы заключается в облегчении транзакций в обмен за небольшую комиссию;
- 2) централизованная — платформа владеет активом и устанавливает цены, имеет больший контроль над качеством и стандартизацией (чем децентрализованная), забирая большую долю от стоимости транзакции;
- 3) гибридная — владельцы активов предлагают услугу с ценой и стандартами, установленными цифровой платформой, владение и риск децентрализованы, а стандартизация и уровень обслуживания централизованы [3].

С институциональной точки зрения выделяют два вида платформ: транзакционные и инновационные. Под транзакционными понимаются платформы, направленные на обеспечение транзакций между различными типами людей и организаций, которым без экосистем было бы трудно найти друг друга, под инновационными — платформы, на которых большое число разработчиков занимаются разработкой новых приложений [4].

В рамках настоящей работы был осуществлен анализ влияния транзакционных децентрализованных цифровых платформ на ведение предпринимательской деятельности, ярким примером которых являются маркетплейсы.

На данный момент подобные площадки являются крупными агрегаторами продавцов, являющихся субъектами малого и среднего предпринимательства. На момент начала 2021 г. общее количество их резидентов составляло 159 тыс. участников (табл. 1).

Однако согласно данным информационного агентства «Интерфакс», за первые 3 месяца 2021 г. на платформе одного из перечисленных крупнейших онлайн-ритейлеров Wildberries объем продаж в натуральном выражении вырос на 122% по сравнению с показателем I квартала 2020 г¹. В августе 2021 г. число участников платформы многократно увеличилось и насчитывало уже свыше 207 тыс. предпринимателей — почти втрое больше, чем за весь 2020 г., а общее их количество превысило 300 тыс.²

С точки зрения внешней среды описанный рост можно объяснить приходом в Россию новой коронавирусной инфекции COVID-19 и введением карантинных мер, которые повлияли на большинство покупателей в части выбора в пользу покупок через интернет, что привело к увеличению объема спроса в данном сегменте рынка. Согласно опросу продавцов, в рамках исследования Data Insight, 89% предпринимателей отметили увеличение объемов продаж за год при использовании цифровых платформ. Более того, 58% говорят о его значительном приросте. Такой активный рост объемов продаж, с учетом того, что 41% респондентов определил маркетплейсы как основной канал продаж, а 14% как единственный, может свидетельствовать о результативности их использования для снижения транзакционных издержек, связанных с поиском клиентов и заключением сделки (табл. 2).

Стремительно возрастающий интерес к покупкам товаров через интернет свидетельствует о возможности включения еще большего количества продавцов в сегменте электронной коммерции, что, на данный момент, отчасти решается путем расширения предлагаемой продукции, экономической географии и зон рынков. В 2021 г. в топ-10 регионов-лидеров по росту количества предпринимателей, перешедших в онлайн за первые два квартала на Wildberries, составили:

- до 11 раз — Мурманская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Калмыкия, Вологодская область;

Таблица 1

Количество продавцов цифровых платформ в РФ (по состоянию на январь 2021 г.)

Table 1. Number of sellers of digital platforms in the Russian Federation (as of January 2021)

Цифровая платформа	Количество продавцов
AliExpress	35 000
Goods	8000
Ozon	18 000
Wildberries	91 000
ЯндексМаркет	7300

Источник: Селлеры на российских маркетплейсах (2020) // Data Insight [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DataInsight_SellersOnMarketplaces2020.pdf (дата обращения: 03.04.2022).

¹ Оборот Wildberries в I квартале вырос на 79%, до 134,7 млрд рублей // Информационное агентство Интерфакс [Электронный ресурс]. URL: <https://www.interfax.ru/business/759487> (дата обращения: 03.04.2022).

² Число новых продавцов на Wildberries увеличилось втрое в 2021 году // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12327809> (дата обращения: 03.04.2022).

Опрос предпринимателей на тему изменения объема продаж
Table 2. Survey of entrepreneurs on the topic of changing sales volume

Вариант ответа	Через маркетплейсы, %	Свой интернет-магазин, %	Социальные сети, %
Значительно вырос	58	18	15
Немного вырос	31	37	38
Не изменился	4	24	34
Немного сократился	3	10	7
Значительно сократился	4	10	5

Источник: Селлеры на российских маркетплейсах (2020).

- до 14 раз — Ханты-Мансийский автономный округ, Республика Мордовия, Республика Хакасия;
- более 19 раз — Забайкальский край, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия)¹.

Данный феномен не является характерным исключительно для маркетплейсов, так как тенденция роста продаваемой продукции и рост количества предпринимателей на цифровых площадках характерны для всего сегмента b2c-торговли и подтверждается данными, приведенными в докладе агентства Data Insight «Электронная коммерция 2021». Согласно данным, количество заказов, совершенных онлайн, с начала пандемии в 2020 г. выросло на 78%, по сравнению с количеством заказов годом ранее (табл. 3)².

Таблица 3

Динамика количества заказов, 2011–2020
Table 3. Order quantity dynamics, 2011–2020

Год	Количество заказов (млн шт.)	Динамика роста (%)
2011	89	28
2012	114	28
2013	142	25
2014	166	17
2015	178	7
2016	215	21
2017	258	20
2018	330	28
2019	465	41
2020	830	78

Источник: Электронная коммерция 2021 для делового форума «Региональный рост — поиск эффективных решений».

¹ Число новых продавцов на Wildberries увеличилось втрое в 2021 году // Информационное агентство ТАСС [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/ekonomika/12327809> (дата обращения: 03.04.2022).

² Электронная коммерция 2021 для делового форума «Региональный рост — поиск эффективных решений» // Data Insight [Электронный ресурс]. URL: https://datainsight.ru/sites/default/files/DI_Ecommerce_2021_Presentation.pdf (дата обращения: 03.04.2022).

При построении линии тренда полинома третьего порядка можно увидеть многократный прирост количества заказов через маркетплейсы в последние годы. Это позволяет нам предположить еще больший их прирост в будущем (рис. 1).

Если на основе имеющихся данных построить прогнозную модель при помощи двойного экспоненциального сглаживания методом Хольта на ближайшее десятилетие, то, согласно ей, количество заказов в сегменте b2c-торговли уже к 2023 г. может превысить 2000 млн шт., а к 2030 — 4000 (рис. 2). Тем не менее стоит отметить, что данный прогноз носит больше ориентировочный характер, ввиду высокой турбулентности экономической среды.

Обобщая, можно предположить, что особые эффекты цифровых платформ в части снижения транзакционных и логистических издержек создали сильные стимулы к выходу предпринимателей на них. Это позволяет нам выдвинуть гипотезу о наличии еще одного возможного эффекта, оказываемого цифровыми платформами на ведение предпринимательской деятельности — ее легализации.

В основе этой гипотезы лежат результаты проведенного анализа условий выхода на площадки крупнейших маркетплейсов, действующих в России: для оформления статуса партнера площадки и старта продаж так или иначе требуется юридическое оформление деятельности в виде юридического лица, индивидуального предпринимателя или самозанятого (табл. 4).

Можно предположить, что наличие подобной рамки, в совокупности с ранее обозначенными стимулами в виде эффективности использования цифровых платформ, может подталкивать предпринимателей к ведению бизнеса в легальном поле. Однако для ее эмпирического подтверждения или опровержения необходимо наличие статистической информации об изменениях ненаблюдаемой экономики,

Рис. 1. Количество заказов, совершенных через интернет
 Fig. 1. Number of orders made via the Internet

которой на данный момент нет: последний доклад Росстата, размещенный на официальном сайте, посвящен ее измерениям в 2019 г. Ввиду этого обозначенную гипотезу можно считать дискуссионной.

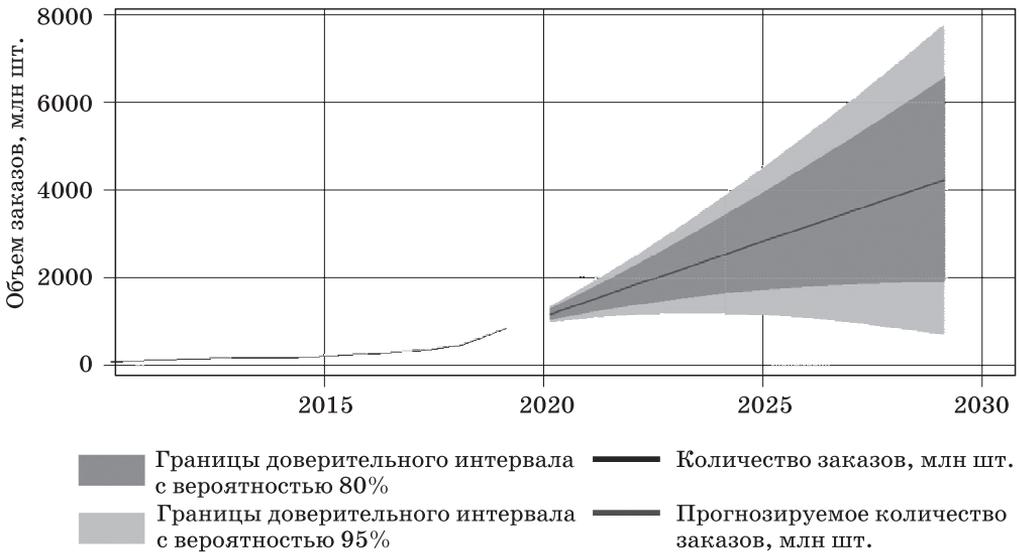

Рис. 2. Прогнозируемый рост количества заказов через интернет
 Fig. 2. Projected Growth in Online Orders

Таблица 4

Необходимые документы и условия выхода на маркетплейсы
 Table 4. Required documents and terms of access to marketplaces

Статус	СберМегаМаркет	Wildberries	Ozon	Яндекс. Маркет
Юр. лица	Свидетельство ИНН; свидетельство ОГРН, либо лист записи ЕГРЮЛ; Устав (все страницы с печатью налоговой); приказ о вступлении в должность генерального директора (или выписка из протокола учредителей); документ, подтверждающий применение УСН или иной системы налогообложения, отличной от ОСН	Устав общества; свидетельства о госрегистрации; свидетельство о госрегистрации изменений в ЕГРЮЛ; свидетельство о постановке на учет в налоговой; документы о назначении и вступлении в должность руководителя и главного бухгалтера; скан паспорта генерального директора; скан договора аренды помещения	Выписка из ЕГРЮЛ	Действующее ООО с подходящим кодом ОКВЭД

Статус	СберМегаМаркет	Wildberries	Ozon	Яндекс. Маркет
Индивидуальные предприниматели	Свидетельство ИНН; свидетельство ЕГРИП; документ, подтверждающий применение определенной системы налогообложения	Свидетельство о госрегистрации ИП; свидетельство о том, что ИП стоит на учете в налоговой; письмо об учете в Статрегистре Росстата; скан паспорта ИП	Выписка из ЕГРИП	Действующее ИП с подходящим кодом ОКВЭД
Самозанятые	Самозанятые не могут быть продавцами на данной площадке	Копия паспорта; свидетельство о постановке на налоговый учет	Паспорт — в одном файле два разворота (с фотографией и регистрацией); свидетельство ИНН	Самозанятые не могут быть продавцами на данной площадке

В целом результаты проведенного анализа дают возможность утверждать, что использование цифровых платформ оказывает положительный эффект на ведение предпринимательской деятельности. В контексте международного опыта, описанные результаты непротиворечиво соотносятся с результатами, описанными З. А. Мамедьяровым в работе «Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия» в части определения корреляции между внедрением компаниями цифровых технологий во время пандемии и ростом объема экспорта и доставки продуктов и услуг [7, с. 97].

Тем не менее доказанная польза использования цифровых платформ и, как следствие, рост сектора электронной коммерции носит в себе и определенные экономические риски.

В ранее упомянутом исследовании А. А. Михайловой по выявлению цифрового разрыва между регионами России, ввиду различного уровня цифровой культуры и инфраструктурной обеспеченности, было проведено измерение уровня вовлеченности населения в цифровую экономику и его ранжирование [8]. Согласно полученным результатам, уровень вовлеченности между регионами-лидерами и регионами-аутсайдерами отличался в 31,6 раза [8, с. 173, рис. 2]: нижние позиции в распределении субъектов РФ заняли Забайкальский край, Республика Бурятия, Республика Саха (Якутия), которые, в то же время, в 2021 г. вошли в топ регионов, увеличивших свое присутствие на Wildberries. Это может свидетельствовать о том, что хоть предприниматели и проявили большую активность в процессе цифровизации своего бизнеса, тем не менее данный канал реализации продукции не стал релевантным для потребителей их коммерческого ареала. Можно предположить, что основной целевой аудиторией стали регионы с более высоким уровнем цифровой культуры, находящиеся в первой половине приведенного распределения: доступ к ним был получен ввиду разрушения пространственных ограничений цифровыми платформами. Тем не менее

в перспективе подобная схема реализации продукции может привести к стагнации или же к сокращению числа предпринимателей из отстающих регионов на цифровых площадках, ввиду увеличения издержек на транспортировку, влияющих на цену конечного продукта, и растущей конкуренции.

Помимо обозначенной проблемы, связанной с цифровым разрывом, также существует проблема возникновения издержек, связанных с неготовностью предпринимателей прибегать к цифровым решениям и переходить из офлайна в онлайн, обозначенная М. В. Рыжковой и М. В. Чиковым [9]. Ее причиной также может являться низкий уровень цифровой культуры.

Минимизацию обозначенных рисков можно осуществить при помощи государства. Так, решением проблемы цифрового разрыва будет являться развитие технической инфраструктуры, обеспечивающей всеобщий равный доступ граждан различных регионов к интернету и использованию цифровых сервисов, а также повышение уровня цифровой культуры населения посредством проведения различных образовательных программ в данной сфере. Согласно А. А. Михайловой, необходимость подобных действий подтверждается наличием положительной зависимости между осведомленностью пользователей о способах и механизмах безопасного и эффективного использования цифровых технологий и активностью внедрения ими цифровых рутин [8]. В настоящий момент в контексте государственного управления данная проблема отчасти решается при помощи реализации национального проекта «Цифровая экономика», одной из задач которого является обеспечение малочисленных населенных пунктов интернетом. Тем не менее в части повышения цифровой культуры данный проект фокусируется исключительно на подготовке специалистов в области информационных технологий, оставляя проблему образования широких масс населения в стороне.

Решением другой проблемы может стать развитие уже функционирующей инфраструктуры поддержки субъектов МСП, способной оказывать всестороннюю помощь предпринимателям в рамках цифровой трансформации бизнеса. Данное предложение полностью коррелирует с реализацией одной из основных нормативных рамок в данной сфере — «Стратегией развития малого и среднего предпринимательства до 2030 г.», определяющей «вывод на новый качественный уровень мер и инструментов поддержки малых и средних предприятий» как один из приоритетных направлений государственной политики в сфере малого и среднего предпринимательства на современном этапе¹.

Заключение

Проведенное исследование показывает, что на данный момент есть все основания утверждать: использование цифровых платформ и сервисов, в качестве экономического института в условиях турбулентности экономической среды, выступает ресурсом роста экономических показателей и развития предпринимательского потенциала. Однако для этого государству необходимо нивелировать риски, связанные с использованием данного ресурса, а именно риски цифрового разрыва и возникновения издержек, связанных с цифровой трансформацией бизнеса.

В данной работе были проанализированы только два вида рисков использования цифровых платформ. Можно предположить, что их намного больше. Кроме того, цифровые платформы не являются единственным институциональным цифровым

¹ Распоряжение Правительства РФ от 02.06.2016 № 1083-р (ред. от 30.03.2018) «Об утверждении Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» (вместе с «Планом мероприятий («дорожной картой») по реализации Стратегии развития малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации на период до 2030 года» // Консультант плюс: справочно-правовая система.

ресурсом развития предпринимательства, который может применять государство при поддержке субъектов МСП. Выявление этих рисков и поиск новых ресурсов — задача дальнейших исследований.

Литература

1. Анненкова А. А., Филичева Т. А., Филичева М. С. Инструменты государственной поддержки малого и среднего предпринимательства в условиях пандемии // Естественно-гуманитарные исследования. 2021. № 3. Вып. 35. С. 31–38. DOI: 10.24412/2309-4788-2021-11119.
2. Аузан А. А. Цифровая экономика как экономика: институциональные тренды // Вестник Московского университета. Сер. 6. Экономика. 2019. № 6. С. 12–19.
3. Гелисханов И. З., Юдина Т. Н., Бабкин А. В. Цифровые платформы в экономике: сущность, модели, тенденции развития // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2019. Т. 11. № 6. С. 22–36.
4. Головина Т. А., Полянин А. В., Авдеева И. Л. Развитие цифровых платформ как фактор конкурентоспособности современных экономических систем // Вестник Пермского университета. Серия: Экономика. 2019. Т. 14, № 4. С. 551–564. DOI: 10.17072/1994-9960-2019-4-551-564.
5. Зимовец А. В., Сорокина Ю. В., Ханина А. В. Анализ влияния пандемии COVID-19 на развитие предприятий в Российской Федерации // Экономика, предпринимательство и право. 2020. Т. 10. № 5. С. 1337–1350.
6. Исламутдинов В. Ф. Институциональные изменения в контексте цифровой экономики // Journal of institutional Studies. 2020. № 12. Вып. 3. С. 142–156.
7. Мамедьяров З. А. Ускорение цифровизации на фоне пандемии: мировой опыт и Россия // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2021. Т. 14. № 4. С. 92–108. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-6.
8. Михайлова А. А. Оценка восприимчивости населения регионов России к внедрению цифровых технологий // Балтийский регион. 2021. Т. 13, № 3. С. 168–184. DOI 10.5922/2079-8555 2021-3-9.
9. Рыжкова М. В., Чиков М. В. Институциональная природа цифровых платформ // Вестник Бурятского государственного университета. Экономика и менеджмент. 2019. № 4. С. 72–80.
10. Coase R. H. The firm, the market and the law, Chicago, London : Univ. of Chicago press, 1990.
11. Demsetz H. Some Aspect of Property Rights // Journal of Law and Economics. 1996. № 9. С. 61–70.
12. Demsetz H. Information and Efficiency: Another Viewpoint // Journal of Law and Economics. 1996. № 12. Вып. 1. С. 1–22.
13. Fairlie R. The impact of Covid-19 on small business owners: Evidence of early-stage losses from the April 2020 current population survey // Journal of Economics & Management Strategy. 2020. № w27309. Т. 29. Вып. 0. С. 727–740.
14. Geliskhanov I. Z., Yudina T. N. Digital platform: A new economic institution // Quality — Access to Success. 2018. № S2. Т. 19. С. 20–26.
15. Henten A. H., Windekilde I. M. Blockchains and Transaction Costs // Nordic and Baltic Journal of Information and Communications Technologies. 2020. Т. 2020. Вып. 1. С. 33–52.
16. Lundin N. Covid-19 and digital transformation — What do we see now and what will we see soon? // Offices of Science and Innovation. 27 April 2020.
17. North D. Institutions, Institutional Change, and Economic History. NY : Cambridge University Press, 1990.
18. Williamson O. E. The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting. NY : Free Press, 1985.

Об авторах:

Демидов Михаил Олегович, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории стратегии, территориального развития и качества жизни, Директор проекта Центра исследований и прикладных разработок Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); demidov-mo@ranepa.ru

Пашковская Екатерина Витальевна, студент направления «Бизнес-информатика» Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); katerina.pashkovskaya@gmail.com

References

1. Annenkova A.A., Filicheva T.A., Filicheva M.S. (2021). Tools of state support for small and medium-sized businesses in the context of a pandemic // *Natural humanitarian studies [Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya]*. N 3. Is. 35. P. 31–38. DOI :10.24412/2309-4788-2021-11119 (in Rus).
2. Auzan A.A. Digital economy as an economy: institutional trends // *Moscow University Bulletin. Ser. 6. Economics [Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 6. Ekonomika]*. 2019. N 6. P. 12–19 (in Rus).
3. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N., Babkin A.V. Digital platforms in economics: essence, models, development trends // *Scientific and technical statements of SPbSPU. Economic sciences [Nauchno-tehnicheskie vedomosti SPbGPU. Ekonomicheskie nauki]*. 2019. Vol. 11. N 6. P. 22–36 (in Rus).
4. Golovina T.A., Polyanin A.V., Avdeeva I.L. Development of digital platforms as a competitiveness factor of modern economic systems // *Perm University Bulletin. Series: Economics [Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Ekonomika]*. 2019. Vol. 14. N 4. P. 551–564. DOI: 10.17072/1994-9960-2019-4-551-564 (in Rus).
5. Zimovets A.V., Sorokina I.V., Khanina A.V. Analysis of the impact of the COVID-19 pandemic on the development of enterprises in the Russian Federation // *Economics, entrepreneurship and law [Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo]*. 2020. Vol. 10. N 5. P. 1337–1350 (in Rus).
6. Islamutdinov V.F. Institutional change within the context of digital economy // *Journal of institutional Studies*. 2020. N 12. Is. 3. P. 142–156 (in Rus).
7. Mamedyarov Z.A. Accelerating Digitalization during the Pandemic: Global and Russian Cases // *Outlines of global transformations: politics, economics, law [Kontury global'nykh transformatsii: politika, ekonomika, pravo]*. 2021. Vol. 14. N 4. P. 92–108. DOI: 10.23932/2542-0240-2021-14-4-6 (in Rus).
8. Mikhailova A.A. Assessment of population responsibility in the regions of Russia to the introduction of digital technologies // *Baltic Region [Baltiiskii region]*. 2021. Vol. 13. N 3. P. 168–184. DOI: 10.5922/2079-8555 2021-3-9 (in Rus).
9. Ryzhkova M.V., Chikov M.V. The institutional nature of digital platforms // *Bulletin of the Buryat State University. Economics and Management [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Ekonomika i menedzhment]*. 2019. N 4. P. 72–80 (in Rus).
10. Coase R.H. *The firm, the market and the law*. Chicago, London : Univ. of Chicago press. 1990.
11. Demsetz H. Some Aspect of Property Rights // *Journal of Law and Economics*. 1996. N 9. P. 61–70.
12. Demsetz H. Information and Efficiency: Another Viewpoint // *Journal of Law and Economics*. 1996. N 12. Is. 1. P. 1–22.
13. Fairlie R. The impact of Covid-19 on small business owners: Evidence of early-stage losses from the April 2020 current population survey // *Journal of Economics & Management Strategy*. 2020. N w27309. Vol. 29. Is. 0. P. 727–740.
14. Geliskhanov I.Z., Yudina T.N. Digital platform: A new economic institution. Quality — Access to Success. 2018. Vol. 19. N S2. P. 20–26.
15. Henten A.H., Windekilde I.M. Blockchains and Transaction Costs // *Nordic and Baltic Journal of Information and Communications Technologies*. 2020. Vol. 2020. Is. 1. P. 33–52.
16. Lundin N. Covid-19 and digital transformation — What do we see now and what will we see soon? // *Offices of Science and Innovation*. 27 April 2020.
17. North D. *Institutions, Institutional Change, and Economic History*. NY : Cambridge University Press, 1990.
18. Williamson O. E. *The Economic Institutions of Capitalism: Firms, Markets, Relational Contracting*. NY : Free Press, 1985.

About the authors:

Mikhail O. Demidov, Researcher, Laboratory of Territorial Development Strategy and Quality of Life, Project director, Center for Applied Research and Development of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation); demidov-mo@ranepa.ru

Ekaterina V. Pashkovskaia, Student of North-West Institute of Management of RANEPА (Saint Petersburg, Russian Federation); katerina.pashkovskaya@gmail.com

Перспективы развития метавселенной: эмпирические наблюдения

Юхно А. С.^{1, *}, Умаров Х. С.²

¹Институт государственного управления и государственной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; *as.yukhno@mail.ru

²ООО «KVELL» (www.kvell.group), Москва, Российская Федерация

РЕФЕРАТ

Целью научного исследования является анализ ключевых особенностей метавселенной, возможностей и преимуществ использования ее инструментария, вопросов безопасности и выбора формата участия пользователей в виртуальном пространстве. Актуальность исследования обусловлена изменениями глобального экономического порядка и высоким интересом к использованию технологий метавселенной со стороны как экспертного сообщества, так и рядовых пользователей. Авторами использовались методы сравнительного анализа российских и зарубежных научных источников, а также данные текущей статистики и прогнозные значения ведущих консалтинговых, рейтинговых и аналитических агентств (Gartner, Statista, Emergenresearch, Агентства инноваций Москвы, World Economic Forum, Tadviser). Область применения достигнутых результатов определяется возможностью использования практической части исследования в выстраивании сценариев использования технологий метавселенной различными стейкхолдерами. Авторы делают вывод о широком спектре использования инструментария метавселенной в различных областях человеческой деятельности (профессиональная, образовательная, общественная, развлекательная и др.), а также о стимулировании развития цифрового рынка с помощью технологий метавселенной. Подчеркивается перспективность одного из инновационных инструментов метавселенной — взаимозаменяемых токенов и прогнозируется рост аудитории потенциальных потребителей инновационных технологий метавселенной в будущем.

Ключевые слова: метавселенная, блокчейн, виртуальная реальность, дополненная реальность, NFT, Web3

Для цитирования: Юхно А. С., Умаров Х. С. Перспективы развития метавселенной: эмпирические наблюдения // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 42–53.

Prospects of Development of the Metaverse: Empirical Evidence

Alexander S. Yukhno^{1, *}, Husan S. Umarov²

¹Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; *as.yukhno@mail.ru

²KVELL LLC, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

The purpose of the research is to analyze the key features of the metaverse, the possibilities and advantages of its tools, security issues and the format of user participation in the metaverse virtual space. The relevance of the study is caused by the changes in the global economic order and the metaverse technologies awareness from both the expert community and ordinary users. The authors use methods of comparative analysis of Russian and foreign scientific sources, as well as statistical analysis and forecasting from leading consulting, rating and analytical agencies (Gartner, Statista, Emergenresearch, Moscow Innovation Agency, World Economic Forum, Tadviser). The scope of the achieved results is determined by the possibility of using the practical part of the study in building scenarios for the metaverse technologies application by various stakeholders. The authors draw conclusion that there is a wide range of use of the metaverse tools in various fields of human activity (professional, educational,

social, entertainment, etc.), as well as about stimulating the development of the digital market using metaverse technologies. The prospects of non-interchangeable tokens, one of the innovative tools of the metaverse, are discussed and the audience growth rate of the metaverse innovative technologies potential consumers in the future is predicted.

Keywords: metaverse, blockchain, virtual reality, augmented reality, NFT, Web3

For citing: Yukhno A. S., Umarov H. S. Prospects of Development of the Metaverse: Empirical Evidence // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 42–53.

Введение

Целью авторов исследования является изучение особенностей метавселенной и последних тенденций ее создания на практике. Концепция метавселенной привлекла большое внимание в конце 2021 г. вместе с решением холдинговой компании Facebook Inc. переименовать себя в Meta Platforms Inc.¹ и представить пользователям кардинально иные способы по взаимодействию друг с другом². Однако само понятие «метавселенная» было сформулировано гораздо раньше, чем социальная сеть приняла решение объявить ее «будущим интернета»³, на страницах романа американского писателя-фантаста Н. Стивенсона «Лавина» в 1991 г. Отметим, что похожие идеи находили свое отражение и в более ранних изданиях: в фантастических романах и повестях В. Винджа («Настоящие имена», 1981 г.), серии романов 1980-х годов У. Гибсона, книгах С. Вейнбаума⁴, а также статье «Кино будущего» 1955 г. американского изобретателя М. Хейлига⁵ еще до того, как отдельные элементы метавселенной получили реальное воплощение в программных комплексах разработчиков.

Описанный М. Хейлигом симулятор для просмотра короткометражных фильмов Sensorama стал прототипом современных виртуальных симуляторов и позволяя пользователю непосредственно просматривать фильмы с участием четырех из пяти органов чувств — зрения, обоняния, осязания, слуха. С запуском в 2003 г. трехмерного виртуального проекта Second Life пользователи впервые получили возможность создавать в виртуальном мире собственные аватары, посещать

¹ Здесь и далее по тексту: использование информации о Meta Platforms Inc. и ее ресурсах подразумевает признание ее нарушающей требования российского законодательства о противодействии экстремистской деятельности. Решением Тверского районного суда г. Москвы от 28.03.2022, оставленным без изменения апелляционным определением Московского городского суда от 20.06.2022, запрещена деятельность американской транснациональной холдинговой компании Meta Platforms Inc. по реализации продуктов социальных сетей Facebook и Instagram на территории Российской Федерации по основаниям осуществления экстремистской деятельности. По состоянию на 29 июня 2022 г. запрет продолжает действовать. URL: <https://mos-gorsud.ru/rs/tverskoj/services/cases/civil/details/de7ea6a0-a3ab-11ec-8a7e-51b31fb55b35> (дата обращения: 29.06.2022).

² The Metaverse in 2040 // The Pew Research. 2021. 29 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.pewresearch.org/internet/2022/06/30/the-metaverse-in-2040/> (дата обращения: 03.08.2022).

³ What is the 'metaverse'? Facebook says it's the future of the Internet // The Washington Post. 2021. 28 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.washingtonpost.com/technology/2021/08/30/what-is-the-metaverse/> (дата обращения: 03.08.2022).

⁴ Hey, Facebook, I Made a Metaverse 27 Years Ago // The Atlantic. 2021. 29 октября [Электронный ресурс]. URL: <https://www.theatlantic.com/technology/archive/2021/10/facebook-metaverse-was-always-terrible/620546/> (дата обращения: 04.08.2022).

⁵ The Sensorama: One of the First Functioning Efforts in Virtual Reality // Historyofinformation. 2022. 6 июля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.historyofinformation.com/detail.php?id=2785> (дата обращения: 03.08.2022).

разнообразные виртуальные мероприятия, активно взаимодействовать друг с другом в виртуальном пространстве и даже становиться непосредственным участником внутриигрового экономического процесса, приобретая валюту за фиатные деньги. Таким образом, в качестве «предшественников» метавселенной часть экспертов обозначают «интерактивные виртуальные среды и захватывающие игры» [9].

Прогнозный сценарий перспектив развития метавселенной, подготовленный специалистами исследовательской и консалтинговой компании Gartner, достаточно позитивен. Согласно их оценке в 2026 г. 25% пользователей будут проводить в метавселенных не менее одного часа в день, имея возможность решать целый спектр вопросов: от профессиональных и образовательных (посещая виртуальные классы и кампусы) до общественных и личных (развлекаясь, общаясь или совершая виртуальные покупки цифровых предметов, виртуальной земли (табл.) или занимаясь строительством виртуальных домов). При этом каждая виртуальная среда будет способна предоставить пользователю специфические возможности с использованием различных технологий и возможностей инновационного технологического инструментария¹.

Таблица

Стоимость продажи виртуальных земельных участков в метавселенных Sandbox, Decentraland, Cryptovoxels и Somnium Space с ноября 2020 по декабрь 2021 г. (долл.)

Table. Cost of Selling Virtual Land Parcels in the Sandbox, Decentraland, Cryptovoxels and Somnium Space Metaverse from November 2020 to December 2021 (\$)

Период	The Sandbox	Decentraland	Cryptovoxels	Somnium Space
Ноябрь 2020	78,50	3,50	0,00	5,50
Декабрь 2020	46,50	5,50	0,00	0,00
Январь 2021	4,00	5,50	0,00	0,00
Февраль 2021	41,00	9,00	3,00	0,00
Март 2021	9,00	17,00	3,50	6,50
Апрель 2021	42,50	8,00	4,00	1,50
Май 2021	17,50	6,50	2,00	0,00
Июнь 2021	16,00	6,50	0,00	0,00
Июль 2021	43,00	4,50	3,00	1,50
Август 2021	34,00	8,00	3,50	0,00
Сентябрь 2021	29,50	8,00	3,00	0,00
Октябрь 2021	8,50	8,00	3,00	0,00
Ноябрь 2021	161,00	18,50	5,00	2,50
Декабрь 2021	54,00	12,50	3,00	2,00

Источник: Sales value of virtual plots of land in the metaverses of The Sandbox, Decentraland, Cryptovoxels and Somnium Space from November 2020 to December 2021 (in million U. S. dollars) // Statista. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1290698/sales-value-of-real-estate-in-metaverse> (дата обращения: 03.08.2022).

¹ Gartner Predicts 25% of People Will Spend At Least One Hour Per Day in the Metaverse by 2026 // Gartner. 2022. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.gartner.com/en/newsroom/press-releases/2022-02-07-gartner-predicts-25-percent-of-people-will-spend-at-least-one-hour-per-day-in-the-metaverse-by-2026> (дата обращения: 04.08.2022).

Теоретические основы

Т. А. Алабина, Х. С. Дзангиева, А. А. Юшковская рассматривают метавселенную в качестве «глобального тренда экономики» [1]. Эксперты высоко оценивают потенциал этого этапа трансформации цифровой экономики и признают метавселенную успешным стратегическим проектом в будущем и платформой для «превращения хаоса цифровизации в полноценную систему» [1], в которой такие уровни, как реальный мир, виртуальное пространство, духовный мир и мир фантазий плотно взаимодействуют друг с другом. Успешная трансформация цифровой экономики и переход к принципам организации метавселенной, по мнению специалистов, будут невозможны без применения сквозных технологий (блокчейна, геймификации, виртуальной и дополненной реальности, больших данных, искусственного интеллекта, интернета вещей (IoT), децентрализованных финансов (DeFi) и др.) [14, с. 753]. Оптимальная структура предприятия, по словам А. А. Кунцмана, сегодня практически в обязательном порядке подразумевает «эффективную работу в условиях цифровой экономики» [4, с. 753] и должна быть организована с обязательным использованием новейших иммерсивных технологий, которые являются «ключевой составляющей технологий рынка метавселенной» [4, с. 753].

В докладе представителей Агентства инноваций Москвы «Метавселенные: возможности для бизнеса и государства» за февраль 2022 г.¹ в оценке форматов существования Web-инфраструктур различной формации еще до появления инфраструктуры Web3², акцент был сделан на изменении ролей пользователя и функции сети интернет при переходе от устаревшей модели Web 1.0 к инновационной инфраструктуре Web3. Если на заре становления сети интернет, в инфраструктуре Web 1.0 пользователи имели роль «безгласных» участников процесса, а интернет представлял собой децентрализованную хаотичную систему, которая никем не контролировалась, но была привязана к отдельным компьютерам, то с переходом к инфраструктурам Web 2.0 и Web3 роль пользователя кардинально изменилась. В инфраструктуре Web 2.0 из пассивного наблюдателя пользователь превратился в активного создателя оригинального контента, получив право размещать его на интерактивных площадках (страницах социальных сетей, рекламных страницах, собственных сайтах и пр.) и получать оперативную реакцию (как положительную, так и негативную) от других пользователей. В инфраструктуре Web3 с учетом ослабления роли ИТ-корпораций возможности пользователя расширяются: появляется возможность вносить изменения в открытые коды децентрализованных платформ, которые он использует для размещения контента, владение контентом становится коллективным, а в состав ключевого инструментария входят технологии блокчейна, искусственного интеллекта и криптовалют.

В отчете о тенденциях развития метавселенной крупного зарубежного аналитика игрового рынка Newzoo «Метавселенная, блокчейн-игры и NFT: навигация по неизведанным водам интернета» от 28 июня 2022 г. [13, с. 8] метавселенная представлена «взаимосвязанной и совместимой сетью постоянных виртуальных миров, населенных большим количеством игроков, которые взаимодействуют друг с другом с помощью цифровых 3D-аватаров» [13, с. 8], предлагающих

¹ Метавселенные. Возможности для бизнеса и государства // Innoagency. 2022. 1 февраля [Электронный ресурс]. URL: https://innoagency.ru/files/Metavselennye_Vozmozhnosti_dlya_biznesa_i_gosudarstva_2022.pdf (дата обращения: 08.08.2022).

² Термин «Web3» был предложен в 2014 г. учредителем Ethereum Г. Вудом и означает децентрализованную онлайн-экосистему, основанную на блокчейне, технологиях искусственного интеллекта, криптовалют, виртуальной и дополненной реальности, метавселенной. Л. Парк, технический директор компании BrightEdge, считает Web3 «эволюцией Web 3.0, так как потребность в создании семантического веба практически отпала».

рядовым пользователям «повышенное ощущение погружения и присутствия» [13, с. 8].

Д. Видал-Томас, оценивая перспективность «новой криптониши» — NFT [15, с. 2], представляет метавселенные «иммерсивным¹ и общим виртуальным миром», имеющим большое количество уникальных пользовательских «аватаров» [15, с. 2]. Если быть точнее, иммерсивные технологии «сочетают возможности виртуальной и дополненной реальностей» [3, с. 2705]. Эксперт достаточно строг в оценке безопасности мира метавселенных, абстрактное пространство которых, придуманное разработчиками, он считает «спекулятивным цифровым миром» [16, с. 25] и советует пользователям «избегать его» [16, с. 25] в случае, если они заинтересованы в «приятном иммерсивном опыте без спекулятивных целей [16, с. 25]. Д. Видал-Томас особенно подчеркивает спекулятивный характер криптовалютных токенов, которые находятся под управлением трейдеров и «обеспечивают взрывной рост посредством спекулятивной торговли» [16, с. 25].

Ю. Чандра [8], оценивая порядок внедрения в традиционную экономику невзаимозаменяемых токенов, подчеркивает, что, начав с эксперимента в области виртуальных игр или искусства нового формата, такие токены породили «новую форму предпринимательства в виртуальном мире с огромными возможностями и доступностью» [8]. Эксперт Юридического колледжа им. Ш. Броуда (англ.: Shepard Broad College of Law) Д. М. Гарон представляет метавселенные «иммерсивным виртуальным миром» [10], который предоставляет пользователям все формы профессионального взаимодействия в сети интернет, а также образования и развлечений. Оценивая роль иммерсивных технологий для «сбора новых данных, создания новых впечатлений и предоставления новых идей путем создания виртуальных элементов физического и воображаемого миров» [11, с. 773], М.Дж. Либераторе и У.П. Вагнер подчеркивают возможность применения иммерсивных технологий «в широком спектре областей» [11, с. 773].

Результаты

Практический интерес вызывает возрастное, гендерное и социальное распределение пользователей технологий метавселенных. Согласно данным Statista, В 2021 г. 38% из них составляют пользователи возрастной группы до 20 лет, 36% — 21–35 лет, 22% — 36–50 лет и всего 4% — пользователи старше 51 года². Опрос Statista в апреле 2022 г. 200 респондентов, представляющих высший менеджмент компаний из Бельгии, Германии, Испании, Франции, Великобритании и США, которые уже инвестировали в технологии метавселенной, продемонстрировал, что к целевой аудитории метавселенной 11,34% респондентов относят мужчин, 8,55% — женщин, 5,06% — супружеские пары, 10,65% — представителей крупных компаний, 8,38% — домохозяйства с высоким уровнем дохода, 7,33% — домохозяйства со средним уровнем дохода, 4,01% — домохозяйства с низким уровнем дохода³. Ос-

¹ Иммерсивные технологии (от англ. immersive — дающий эффект полного погружения или присутствия) — инновационные технологии восприятия информации, создающие эффект полного или частичного погружения пользователя в искусственно созданные разработчиками условия, где границы между реальной и виртуальной реальностями стерты.

² The Metaverse Is a Young People's Game // Statista. 2022. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/chart/27052/share-of-respondents-who-played-a-proto-metaverse-game-a-video-game-in-general-in-the-past-six-months/> (дата обращения: 07.08.2022).

³ What are the personas or target audience of the metaverse? // Statista. 2022. 13 апреля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1302175/metaverse-business-target-audience-persona-global/?text=We%20specifically%20targeted%20employed%20individuals,board%20members%2C%20and%20senior%20management> (дата обращения: 04.08.2022).

новыми причинами для присоединения к метавселенной (по данным опроса компании Statista, 2021 г.¹) являются:

Новые возможности для работы	52%
Искусство и сфера развлечений	48%
Деньги и инвестиции	44%
Образование	40%
Возможности виртуального общения	32%
Игровые возможности	29%
Другие сферы развлечений.	18%

К технологиям метавселенной, которые формируют ее и обеспечивают доступ к виртуальным пространствам миллионам пользователей по всему миру, сегодня можно отнести:

- 1) технологии расширенной реальности (тактильные ощущения, 3D форматы, аватары, инструменты виртуальной и дополненной реальности, интерфейсы мозг-компьютер и пр.)²;
- 2) технологии блокчейна и невзаимозаменяемых токенов (NFT);
- 3) смарт-контракты [7, с. 40–42];
- 4) облачные технологии;
- 5) виртуальные вычисления;
- 6) децентрализованные финансы (DeFi);
- 7) децентрализованные автономные организации (ДАО) [5, с. 48–51];
- 8) инфраструктуры Web 2.0, Web3 и т. д.;
- 9) искусственный интеллект (создание алгоритмов предложений, автоматическое создание контента, технологии компьютерного зрения, обработка естественного языка (NLP) и др.) [6, с. 26].

Обсуждение

Преимущества технологий метавселенной разнообразны. Эти технологии направлены на решение различных задач. Например, одной из ключевых функций упомянутой выше технологии NLP согласно данным, которые приводят Я. В. Баранов, И. А. Радченко, А. Ю. Миронова [2], является возможность «развивать произношение и речь самостоятельно, без привлечения носителя языка» [2, с. 98], улучшение речи и словарного запаса и «выработка навыков чтения иностранной литературы» [2, с. 98].

Другая актуальная технология — компьютерное зрение (англ.: Computer vision). Она представляет собой область искусственного интеллекта, реализующую комплекс технологических инструментов по анализу и идентификации личности, картинк, штрих-кода, фотографии, определению объектов на видео и изображениях, наблюдению за лицами и эмоциями и включает такие механизмы, как системы распознавания объектов, системы видеонаблюдения и др. Комплексы компьютерного зрения сегодня успешно решают задачи развития промышленности, меди-

¹ Main reasons for joining the metaverse according to internet users worldwide in 2021 // Statista. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1288870/reasons-joining-metaverse/>:~:text=Main%20reasons%20for%20joining%20the%20metaverse%20worldwide%202021&text=48%20percent%20stated%20art%20and,cryptocurrency%20and%20non%20fungible%20tokens (дата обращения: 07.08.2022).

² 3 technologies that will shape the future of the metaverse — and the human experience // WEF. 2022. 7 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://www.weforum.org/agenda/2022/02/future-of-the-metaverse-vr-ar-and-brain-computer/> (дата обращения: 07.08.2022).

цины, торговли, обеспечения безопасности. По оценке специалистов российской аналитической компании Tadvise, рост объема отечественного рынка решений в этой области значителен, ожидается прирост до 38 млрд руб.¹, что больше показателей 2018 г. в 5 раз.

К ключевым особенностям метавселенной можно отнести следующие:

- 1) смешение реальностей и ощущение полного погружения в виртуальное пространство с помощью иммерсивных технологий (вкуса, обоняния, осязания, зрения, слуха), стимуляция «релаксации и создание чувства присутствия» [12, с. 1];
- 2) преодоление пространственных, временных, национальных, социальных и географических преград;
- 3) развитие творческих способностей и воображения;
- 4) децентрализованное управление;
- 5) увеличение роли сообществ пользователей;
- 6) создание новых рабочих мест;
- 7) повышение технологических навыков и компетенций сотрудников;
- 8) интерактивное взаимодействие и обмен реакциями между пользователями в режиме реального времени;
- 9) расширение образовательных возможностей;
- 10) активное использование возможностей метаплатформ² в розничной онлайн-торговле и при реализации концепции университетов-«двойников» — онлайн-версий реальных образовательных учреждений, где в виртуальных аудиториях могут собираться и взаимодействовать друг с другом с использованием новейших цифровых достижений студенты и преподаватели;
- 11) мгновенная идентификация целевой аудиторией определенного розничного бренда среди сотен других, а также оригинального аудио-, фото- и видеоконтента, полученного с помощью сертификата собственности на тот или иной цифровой актив — уникального NFT-токена;
- 12) внедрение новой концепции виртуальных игр, которая ранее не была доступна пользователям, «играй, чтобы заработать»³, в ходе реализации которой пользователь имеет возможность заработать внутриигровые активы и токены;
- 13) повышение прозрачности подтверждения права собственности на цифровой актив, обеспечение безопасности владения цифровыми активами.

Следует отдельно подчеркнуть высокий потенциал перспективного технологического инструмента метавселенной — технологии невзаимозаменяемых токенов (NFT), которые являются уникальным правом собственности пользователя на тот или иной цифровой актив или результат интеллектуального труда, существующий исключительно в виртуальном пространстве (от аудиозаписи и музыкального файла до художественного или текстового произведения, игрового скина, ключа, циф-

¹ Что такое компьютерное зрение и где его применяют // РБК. 2021. 25 февраля [Электронный ресурс]. URL: <https://trends.rbc.ru/trends/industry/5f1f007e9a794756fafbfa83> (дата обращения: 08.08.2022).

² Технологию децентрализованных метаплатформ с поддержкой блокчейна С. М. Смит называет «рыночным драйвером децентрализации» и относит к ним бизнес-модели, основанные на двусторонних сетях, N-сторонних сетях и сетевых рынках. Meta-Platforms and Cooperative Network-of-Networks Effects // Medium. 2019. 26 марта [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/selfrule/meta-platforms-and-cooperative-network-of-networks-effects-6e61eb15c586> (дата обращения: 08.08.2022).

³ Metaverse Market, By Component (Hardware, Software), By Platform (Desktop, Mobile), By Offering (Virtual Platforms, Asset Marketplace, Avatars, and Financial Services), By Technology, By Application, By End-Use, and By Region Forecast to 2030 // Emergenresearch. 2021. 10 мая [Электронный ресурс]. URL: <https://www.emergenresearch.com/industry-report/metaverse-market> (дата обращения: 08.08.2022).

рового оружия или любого игрового предмета до объекта недвижимости). Однако NFT будет интересно использовать и при продаже реальных активов через виртуальные платформы. Это позволит совершить продажу или покупку в любом месте земного шара, значительно сократит транспортно-логистические издержки и ускорит процесс совершения покупки.

Токен, который хранится в пространстве блокчейна, предоставляет пользователям и их цифровым активам возможность безопасного хранения¹ (данные смарт-контрактов сохраняются каждый раз при перемещении или перепродаже актива) без возможности удаления, кражи, изменения, подделки злоумышленником или любых иных мошеннических и манипуляционных действий сторонним лицом без согласия владельца. Новый формат идентификации собственности в цифровом виде позволяет установить своеобразный «цифровой след» любого файла, зарегистрированного на блокчейн-платформе. Это значительно повышает безопасность продаж и перепродаж цифровых токенов, даже если виртуальная логистическая цепочка была очень длинной, и позволяет с максимальной точностью установить авторскую принадлежность цифрового файла и защитить права автора и собственника коллекционного предмета.

Среди других инновационных возможностей NFT можно выделить следующие:

- 1) децентрализация данных внутри NFT, существующих в рамках блокчейн-технологий и не контролирующихся центральным органом;
- 2) легкая передача данных между пользователями в цифровых приложениях;
- 3) предоставление ограниченного доступа к контенту автора (с выпуском токенов автор может выпускать несколько предложений NFT ограниченным тиражом);
- 4) широкие возможности для реализации социальных, коммерческих и технологических проектов.

Все эти факторы в 2021–2022 гг. позволили заметно увеличить аудиторию пользователей NFT. Помимо создателей уникального контента и коллекционеров она включает рекламодателей, работодателей и кадровых менеджеров, трейдеров, простых пользователей и крупные розничные бренды. Среди последних — ведущие международные производители одежды и аксессуаров (Gucci, Louis Vuitton, Burberry, Givenchy, Dolce & Gabbana, Burberry, Prada, Valentino, Off-White, Tommy Hilfiger² и др.). Для кадровых менеджеров NFT стали инструментом для проверки подлинности образовательных документов, что может значительно снизить мошенничество с образовательными дипломами, а для розничных продавцов и крупных брендов — возможностью эффективной диверсификации портфеля с целью увеличения лояльной аудитории и прироста прибыли.

Десятки тысяч компаний по всему миру уже оценили перспективность использования технологического инструментария метавселенной и начали процесс активного инвестирования в разработку инновационных технологий и современных программных комплексов, которые помогут создать как уникальный виртуальный мир (например, Meta Platforms, Tencent, Microsoft Mesh), в частности с собственной криптовалютой и невзаимозаменяемыми токенами, монетизируя свое участие в них (например, Decentraland), так и интегрировать элементы метавселенной в традиционный уклад игрового пространства (Nvidia, Epic Games).

Рассмотрим пример корпорации Meta Platforms, которой принадлежит идея по созданию собственной метавселенной Horizon Worlds. Впервые идея о внедрении

¹ Актуальными проблемами в случае владения цифровым активом могут стать потеря цифрового ключа пользователем и сторонний взлом ключа, который приведет к полной потере личной информации и активов пользователя.

² Metaverse readiness level of luxury brands worldwide in 2022, as an index score // Statista. 2022. 1 августа [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1323238/luxury-brands-metaverse-readiness/> (дата обращения: 09.08.2022).

будущих цифровых платформ Horizon Worlds была озвучена экспертами Meta Platforms в 2021 г. Сегодня Meta Platforms планирует инвестировать средства в создание центров обработки данных¹, внедрение технологий расширенной реальности, развитие партнерств с другими организациями и найм и обучение компетентных специалистов, создание токенизированных активов из физического мира². В 2022–2023 гг. Meta Platforms надеется расширить возможности использования цифровых платформ Horizon Worlds и осуществить перенос разработки и изучения интеллектуальной информации из центральных исследовательских лабораторий в продуктовые группы с целью «более оперативной интеграции новых разработок в бизнес и извлечении из них ценности»³.

Интересен практический опыт реализации технологического инструментария метавселенной крупными международными компаниями. Например, ведущая платежная и технологическая компания Mastercard в июне 2020 г.⁴ заявила об интеграции с поставщиком инфраструктуры Web3 — MoonPay и NFT-платформами, которая позволит создателям невзаимозаменяемых токенов приобрести дополнительную клиентскую базу, а клиентам технологической компании с помощью криптологических инструментов получить возможность покупки NFT на крупных маркетинговых площадках и расплачиваться криптовалютой на реальных экономических площадках и в повседневной жизни. Инвестиционное подразделение многопрофильного холдинга SK Group из Южной Кореи потребовало от портфельных компаний обязательного присутствия в метавселенных⁵.

Выводы

Одним из ключевых вопросов для пользователей, желающих освоиться в новом виртуальном пространстве, становится выбор формата участия в нем. По аналогии с физическим «я» рядовой пользователь получает возможность создать виртуальное «я», или собственный аватар, обладающий внешними и внутренними характеристиками, но существующий исключительно в рамках виртуальной вселенной. Сегодня аватары получают все большее распространение среди крупных мировых корпораций и брендов. Так, например, магазин аватаров Meta Avatars Store был запущен американской экосистемой Meta Platforms. Его элементы, созданные при участии таких крупных брендов, как Prada, Balenciaga⁶ и др., могут быть реализованы пользователями в популярных социальных сетях для обмена фото- и видеоконтентом.

¹ Framing the Future of Web 3.0 // Goldman Sachs. 2021. 10 декабря [Электронный ресурс]. URL: <https://www.goldmansachs.com/insights/pages/gs-research/framing-the-future-of-web-3.0-metaverse-edition/report.pdf>. С. 7–8 (дата обращения: 09.08.2022).

² Where the Metaverse Can Take FinTech // Medium. 2018. 20 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://medium.com/@skasriel/where-the-metaverse-can-take-fintech-a936e6bd6987> (дата обращения: 08.08.2022).

³ Meta Shakes Up AI Unit Amid Drive for Growth // WSJ. 2022. 6 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.wsj.com/articles/meta-shakes-up-ai-unit-amid-drive-for-growth-11654546470?mod=djemCIO> (дата обращения: 08.08.2022).

⁴ Mastercard brings its payments network to Web3 and NFTs // Mastercard. 2022. 9 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.mastercard.com/news/perspectives/2022/simple-nft-purchasing-on-nft-marketplaces/> (дата обращения: 04.08.2022).

⁵ SK Square to Demand Metaverse Presence for Portfolio Companies: Report [Электронный ресурс] // CoinDesk. 2021. 13 декабря. URL: <https://www.coindesk.com/business/2021/12/13/sk-square-to-demand-metaverse-presence-for-portfolio-companies-report/> (дата обращения: 04.08.2022).

⁶ Meta launches 'meta avatars store' to dress up avatars with prada, balenciaga & thom browne // Designboom. 2021. 22 июня [Электронный ресурс]. URL: <https://www.designboom.com/technology/meta-avatars-store-high-fashion-luxury-brands-06-22-2022/> (дата обращения: 04.08.2022).

Обеспечение безопасности данных пользователей является одним из уязвимых аспектов развития метавселенной. С одной стороны, инновационный инструментарий позволит пользователям получить доступ к комплексной системе по обеспечению конфиденциальности информации, включающей механизм распознавания лиц, отслеживания глаз, состояния пользователя и другие современные механизмы защиты как персональных данных пользователей, так и их личных активов в виртуальном пространстве. С другой стороны, высокая волатильность криптовалютных рынков и трудности в выстраивании долгосрочных прогнозных сценариев в отношении их развития свидетельствуют о пока еще высоких рисках в этом сегменте рынка. Данные факторы уже привели к тому, что в ряде государств криптовалюты либо полностью запрещены (Индия, Египет, Боливия, Непал, Алжир, Северная Македония и пр.)¹, либо возможность инвестирования в криптовалюты ограничена (Катар, Бахрейн), а их национальное правовое регулирование требует более детальной проработки и осмысления. Другие сложности в части перспектив развития метавселенной в 2022 г. (по мнению пользователей интернета по всему миру в 2021 г.²) можно разделить на три структурные группы:

Опасность увлечься виртуальной реальностью	47%
Сложности с обеспечением полной конфиденциальности информации.	41%
Влияние на психическое здоровье	41%

Широкий спектр инструментов метавселенной, который она способна представить как экспертному и научному сообществу, так и простым пользователям, впечатляет: возможность не только создавать контент и владеть им, но и управлять платформами, на которых он размещен; строительство и эксплуатация цифровой недвижимости на виртуальных площадках (продажа, покупка, сдача в аренду); создание масштабных художественных галерей без привязки к географическому расположению пользователя, национальным, социальным, политическим и другим аспектам и др. Таким образом, можно сделать вывод о том, что метавселенная стимулирует рост рынка цифровых активов, в том числе способствуя распространению криптовалют в качестве платежного инструмента внутри своей системы.

Литература

1. Алабина Т. А., Дзангиева Х. С., Юшковская А. А. Метавселенная как глобальный тренд экономики // Экономика, профессия, бизнес. 2022. № 1. С. 5–12. DOI: 10.14258/epb202201.
2. Баранов Я. В., Радченко И. А., Миронов А. Ю. Использование средств обработки естественного языка для улучшения произношения на иностранном языке // Информатизация образования и науки. 2018. № 3 (39). С. 98–105.
3. Долгих Е. Ю. Анализ состояния рынка продуктов с иммерсивными технологиями и перспективы его развития // Экономика, предпринимательство и право. 2021. Т. 11. № 12. С. 2705–2720. DOI: 10.18334/ep.11.12.113933.
4. Кунцман А. А. Построение эффективной архитектуры предприятия как необходимое условие адаптации к цифровой экономике // Вопросы инновационной экономики. 2018. № 4. С. 753–770. DOI: 10.18334/vines.8.4.39477.

¹ Как вводили ограничения на оборот криптовалют в разных странах // ТАСС. 2021. 29 апреля [Электронный ресурс]. URL: https://tass.ru/info/11277999?utm_source=yandex.ru&utm_medium=organic&utm_campaign=yandex.ru&utm_referrer=yandex.ru (дата обращения: 04.08.2022).

² Dangers of the metaverse according to internet users worldwide in 2021 // Statista. 2022 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.statista.com/statistics/1288822/metaverse-dangers/> (дата обращения: 04.08.2022).

5. Южно А. С., Генкин А. С. Актуальные вопросы применения технологии блокчейн в контексте современного корпоративного управления. Управление риском. 2021. № 1(97). С. 45–52.
6. Южно А. С. Перспективы использования искусственного интеллекта в корпоративном управлении // Страхование право. 2019. № 4 (85). С. 26–32.
7. Южно А. С. Перспективы и риски применения умных контрактов в корпоративном управлении // Страхование право. 2020. № 1 (86). С. 40–43.
8. Chandra Y. Non-fungible token-enabled entrepreneurship: A conceptual framework // Journal of Business Venturing Insights. 2022. Т. 18. DOI: 10.1016/j.jbvi.2022.e00323.
9. Dwivedi Y. K., Hughes L., Baabdullah A. M., Ribeiro-Navarrete S. *et al.* Metaverse beyond the hype: Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice and policy // International Journal of Information Management. 2022. Т. 66. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2022.102542.
10. Garon J. M. Legal Implications of a Ubiquitous Metaverse and a Web3 Future // Federal Reserve Bank of New York Staff Report. 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4002551.
11. Liberatore M. J., Wagner W. P. Virtual, mixed, and augmented reality: a systematic review for immersive systems research // Virtual Reality. 2021. Т. 189. С. 773–799. [Электронный ресурс]. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10055-020-00492-0> (дата обращения: 02.09.2022).
12. Serrano B., Banos R. M., Botella C. Virtual reality and stimulation of touch and smell for inducing relaxation: A randomized controlled trial // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 55. P. A. P. 1–8 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563215300856?via%3Dihub> (дата обращения: 02.09.2022).
13. The Metaverse, Blockchain Gaming, and NFTs: Navigating the Internet's Uncharted Waters. Newzoo Trend Report. 2022. P. 1–8.
14. Thomason J. Metaverse, Token Economies, and Chronic Diseases // Global Health Journal. 2022. Vol. 1 (1). P. 13–16.
15. Vidal-Tomas D. The Illusion of the Metaverse and Meta-Economy // Finance Research Letters. 2022. P. 1–25. DOI: 10.2139/ssrn.
16. Vidal-Tomas D. The new crypto niche: NFTs, play-to-earn, and metaverse tokens // Finance Research Letters. 2022. DOI: 10.1016/j.frl.2022.102742.

Об авторах:

Южно Александр Сергеевич, Институт государственного управления и государственной службы Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (ИГСУ РАНХиГС) (Москва, Российская Федерация), кандидат юридических наук; as.yukhno@mail.ru

Умаров Хусан Сунатуллаевич, генеральный директор ООО «KVELL» (www.kvell.group) (Москва, Российская Федерация), кандидат экономических наук; husan@kvell.ru

References

1. Alabina T. A., Dzagieva H. S., Yushkovskaya A. A. The Metaverse as a global economic trend // Economy, profession, business [Ekonomika, professiya, biznes]. 2022. N 1. P. 5–12 (in Rus). DOI: 10.14258/epb202201.
2. Baranov Y. V., Radchenko I. A., Mironov A. U. Using natural language processing tools to improve pronunciation in a foreign language // Informatization of education and science [Informatizaciya obrazovaniya i nauki]. 2018. N 3 (39). P. 98–105 (in Rus).
3. Dolgih E. U. Analysis of the state of the market of products with immersive technologies and prospects for its development // Economics, entrepreneurship and law [Ekonomika, predprinimatel'stvo i pravo]. 2021. Vol. 11. N 12. P. 2705–2720. DOI: 10.18334/epb.11.12.113933 (in Rus).
4. Kuncman A. A. Building an effective enterprise architecture as a necessary condition for adaptation to the digital economy // Issues of innovative economy [Voprosy innovacionnoj ekonomiki]. 2018. N 4. P. 753–770. DOI: 10.18334/vinec.8.4.39477 (in Rus).
5. Yukhno A. S., Genkin A. S. Current blockchain application issues in the context of modern corporate governance cases // Risk management [Upravlenie riskom]. 2021. N 1 (97). P. 45–52 (in Rus).
6. Yukhno A. S. Prospects for the use of artificial intelligence in corporate governance // Insurance law [Strahovoe pravo]. 2019. N 4 (85). P. 26–32 (in Rus).

7. Yukhno A. S. Prospects and risks of using smart contracts in corporate governance // Insurance Law [Strakhovoe pravo]. 2020. N 1. P. 40–43 (in Rus).
8. Chandra Y. Non-fungible token-enabled entrepreneurship: A conceptual framework // Journal of Business Venturing Insights. 2022. Vol. 18. DOI: 10.1016/j.jbvi.2022.e00323.
9. Dwivedi Y.K., Hughes L., Baabdullah A.M., Ribeiro-Navarrete S. at al. Metaverse beyond the hype: Multidisciplinary perspectives on emerging challenges, opportunities, and agenda for research, practice and policy // International Journal of Information Management. 2022. Vol. 66. DOI: 10.1016/j.ijinfomgt.2022.102542.
10. Garon J. M. Legal Implications of a Ubiquitous Metaverse and a Web3 Future // Federal Reserve Bank of New York Staff Report. 2022. DOI: 10.2139/ssrn.4002551.
11. Liberatore M. J., Wagner W. P. Virtual, mixed, and augmented reality: a systematic review for immersive systems research // Virtual Reality. 2021. Vol. 189 [Electronic source]. URL: P. 773–799. <https://link.springer.com/article/10.1007/s10055-020-00492-0> (accessed: 02.09.2022).
12. Serrano B., Banos R. M., Botella C. Virtual reality and stimulation of touch and smell for inducing relaxation: A randomized controlled trial // Computers in Human Behavior. 2016. Vol. 55. Part A. P. 1–8 [Electronic source]. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/abs/pii/S0747563215300856?via%3Dihub> (accessed: 02.09.2022).
13. The Metaverse, Blockchain Gaming, and NFTs: Navigating the Internet’s Uncharted Waters. Newzoo Trend Report. 2022. P. 1–8.
14. Thomason J. Metaverse, Token Economies, and Chronic Diseases // Global Health Journal. 2022. Vol. 1 (1). P. 13–16.
15. Vidal-Tomas D. The Illusion of the Metaverse and Meta-Economy // Finance Research Letters. 2022. P. 1–25. DOI: 10.2139/ssrn.
16. Vidal-Tomas D. The new crypto niche: NFTs, play-to-earn, and metaverse tokens // Finance Research Letters. 2022. DOI: 10.1016/j.frl.2022.102742.

About the authors:

Alexander S. Yukhno, Institute of Public Administration and Civil Service of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Associate Professor, Candidate of Science (Law); as.yukhno@mail.ru

Husan S. Umarov, General Manager of KVELL LLC (www.kvell.group) (Moscow, Russian Federation), Candidate of Economic Sciences; husan@kvell.ru

Трансформация коммуникативных технологий в условиях цифрового общества: благо или зло?

*Ветренко И. А. *, Штриков С. А.*

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *Vetrenko-IA@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассмотрен процесс трансформации коммуникативных технологий в условиях влияния на них цифровизации, которая сегодня сформировала смысл существования самого социума, сделав из него цифровое общество. Авторы содержательно разделяют понятия «информационное общество» и «цифровое общество», демонстрируя при этом как они влияют на каналы, формы и способы коммуникаций между отдельными людьми и социальными институтами. В работе дан подробный анализ современных коммуникативных технологий и выявлена их природа. Рассмотрение этого аспекта через призму этической оценки: благо или зло, позволяет расширить исследовательские границы и показать все составляющие коммуникационного процесса в современных условиях. Методологической основой работы является анализ существующих коммуникационных практик в условиях цифровой реальности. На основе анализа выявлены позитивные и негативные факторы, повлиявшие на трансформацию коммуникативных технологий в современном обществе на примере органов государственной власти. Трансформация коммуникативных технологий способна привести к трансформации самого государства и каналов реализации им властных отношений, этот вывод сделан в статье на основе рассмотрения систем политического управления на разных этапах их развития.

Ключевые слова: цифровое общество, информационное общество, коммуникативные технологии, большие данные, цифровая экономика, цифровое государство

Для цитирования: *Ветренко И. А., Штриков С. А.* Трансформация коммуникативных технологий в условиях цифрового общества: благо или зло? // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 54–64.

Transformation of Communication Technologies in a Digital Society: Good or Evil?

Inna A. Vetrenko, Sergey A. Shtrikov*

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *Vetrenko-IA@ranepa.ru

ABSTRACT

This article examines the process of transformation of communication technologies under the influence of digitalization, which today has formed the meaning of the existence of society itself, making it a digital society. The authors meaningfully separate the concepts of “information society” and “digital society”, while demonstrating how they affect the channels, forms and methods of communication between individuals and social institutions. The paper provides a detailed analysis of modern communication technologies and reveals their nature. Considering this aspect through the prism of ethical evaluation: good or evil, allows you to expand research boundaries and show all the components of the communication process in modern conditions. The methodological basis of the work is the analysis of existing communication practices in the conditions of digital reality. On the basis of the analysis, positive and negative factors that influenced the transformation of communication technologies in modern society are identified by the example of public authorities. The transformation of communication tech-

nologies can lead to the transformation of the state itself and the channels of its implementation of power relations, this conclusion is made in the article based on the consideration of political management systems at different stages of their development.

Keywords: digital society, information society, communication technologies, big data, digital economy, digital state

For citing: Vetrenko I.A., Shtrikov S.A. Transformation of communication technologies in a digital society: good or evil? // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 54–64.

Процесс цифровизации и его последствия в виде формирования новых коммуникационных каналов для общественных и государственных институтов являются самыми распространенными парадигмами и маркерами социальных изменений в современном мире. Причина этого кроется в том, что данный процесс в корне меняет весь коммуникационный процесс в обществе. С одной стороны, делает его более простым и доступным, а с другой — безличным и чрезмерно технологичным (см., например, [5; 8; 12; 16; 17; 20 и др.]). Все это позволяет констатировать тот факт, что мы живем в цифровом обществе.

В свою очередь, под цифровым мы понимаем общество, которое воспроизводит себя при помощи цифровых решений и технологий, к которым относятся алгоритмические системы обработки информации, кибербезопасность, искусственный интеллект и другие, а базовой формой и площадкой организации и социальной коммуникации являются сетевые структуры и платформы.

Сегодня коммуникационный процесс вообще и в отдельных отраслях — в частности способен интегрировать в себе меседжи из разных источников и кодировать их, в рамках цифровизации это представляется крайне важным. В силу того что «конструирование смыслов и значений, а также их обработка в формате кодирования происходит в человеческом сознании и зависит от потоков информации, передающихся через сети, то власть принадлежит коммуникационным сетям и их владельцам»¹. Об этом пишет и М. Кастельс в своей работе, которая стала классикой в этой сфере [4]. Когда цифровые следы человека, к которым относятся операции по кредитным картам, информация о финансовых операциях, телефонных звонках, сообщениях, о любой компьютерной активности, поисковые запросы, переписка по электронной почте, общение в соцсетях являются связанными в единой коммуникативной среде, то «цифровое наблюдение становится обязательным ее элементом. В свою очередь такие условия для осуществления тотального цифрового надзора определяют особенность проявления власти в цифровом обществе»². На наш взгляд, это является самой уязвимой частью процесса цифровизации, поскольку сразу всплывают правовые и этические аспекты этого процесса.

В мировой практике уже есть прецеденты решения этого вопроса, речь идет о системе социального кредита (ССК или SCS), созданного в рамках системы государственного регулирования использования больших данных в Китайской Народной Республике (КНР). Поскольку ССК становится частью государственной системы управления всем Китаем, постольку она обязана соответствовать идеологии китайского менеджмента, которая сложилась исторически.

В китайской же этике, пронизанной конфуцианством, отношения между управляющим и управляемыми основываются на таких принципах: сыновнее почтение в семье, уважение и верность лидеру и при этом отеческая забота, а также добродетельность и справедливость управленческих решений. Баланс этического (спра-

¹ Добринская Д. Е. Что такое цифровое общество? // Социология науки и технологий. 2021. Т. 12. № 2. С. 115.

² Там же.

ведливого) и коммуникативного (информационного) плана достигается за счет китайского менталитета, в основе которого лежат исторический опыт и национальная философия.

Если проанализировать основные принципы ССК, то становится очевидным, что эта система позволяет реализовать на практике принцип середины пути¹:

- соблюдение необходимой умеренности и неприятия двух крайностей — избытка и недостатка;
- осуждение всякой крайности и стремлении к полноценной, открытой, не имеющей темных секретов жизни от окружающих;
- усиление справедливости, когда не чиновники или соседи, а искусственный интеллект оценивает проступки и выносит суждения, свободные от предвзятости и односторонности;
- выработка усредненных норм и ценностей, приемлемых для широких слоев населения;
- отказ от чрезмерной и неплотдотворной регламентации всех сторон жизни китайцев, администрирования и зависимости жизни простых людей от возможного произвола чиновников, не выполняющих партийные указания и не следующих курсу китайской мечты [7, с. 168].

В научном контексте до сих пор остается много вопросов, связанных с такими понятиями, как «информационное общество» и «цифровое общество». Одни исследователи считают, что это практически синонимы, другие же утверждают, что это два совершенно разных этапа развития общества. В рамках данной статьи мы ставим перед собой задачу рассмотреть коммуникационные различия в этих двух состояниях общества.

Исследователи, рассматривая понятие «информационное общество», часто отмечают, что это общество совершенно нового типа, в его основу положено взрывное развитие и конвергенция информационных и телекоммуникационных технологий [15]; это общество знания, в котором главным условием благополучия каждого человека и каждого государства становится знание, полученное благодаря беспрепятственному доступу к информации и умению с ней работать; это глобальное общество, в котором обмен информацией не будет иметь ни временных, ни пространственных, ни политических границ; где с помощью научной обработки данных и поддержки знания будут приниматься более продуманные и обоснованные решения с целью улучшения качества жизни во всех ее аспектах [13].

Во всех развитых странах использование информационно-коммуникационных технологий получает все большее распространение. Это можно увидеть через наличие таких проектов, как электронное голосование, электронное правительство, полная информационная открытость, электронная демократия и многое другое.

Накопленная и систематизированная информация постепенно переходит к процессу ее автоматического сбора и хранения, который ведет к ее оцифровке и использованию в управлении общественными процессами. Сегодня во многих странах мира данные и информация становятся не просто определяющими факторами промышленного производства, но и развития всего государства — в плане всего спектра социальных, экономических, культурных и политических отношений. Алгоритм формирования цифрового общества таков: цифровая экономика, с нее все начинается, и она есть базис, затем цифровое государство, т.е. переход цифрового контента в систему госуправления и предоставления услуг. Сегодня процесс формирования цифровой экономики в приоритете у таких стран-экономических форвардов, как США, Великобритания, Германия, Япония, Франция и Китай. Для стран — лиде-

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://narzur.ru/dukhovnoe-vozhrozhdenie-kitaja-na-fone-rasche-lovechivaniya-i-vumiraniya-naroda-rossii/> (дата обращения: 12.07.2022).

ров цифровизации характерен эволюционный процесс перехода к новому типу развития и преемственность приоритетов, от «построения базовой информационно-коммуникационной инфраструктуры до формирования скоординированной политики в этой сфере и программ поддержки повсеместного внедрения цифровых технологий» [9]. Рост количества коммуникативных транзакций, их динамика, объем и требования к их качеству принимают массовый, можно сказать, критический характер.

Об исторических причинах коммуникативных трансформаций в своей работе подробно пишет Д. Белл, который среди главных требований информационного общества выделял доступ к информации, умение с ней работать, а также защиту информации и информационную безопасность. Профессионализм работников именно в работе с информацией, по мнению Белла, является основанием их статусного развития и профессионального роста. На этой основе Белл предсказывал рост спроса на квалифицированные кадры с высшим образованием в сфере сбора и обработки информации, т. е. фактически он говорит о компетенциях в сфере социального инжиниринга, который сегодня является очень популярным. Важным атрибутом информационного общества Белл называл экспертный совет, в обязанности которого входили направления развития той или иной организации и разработка рекомендаций на базе авторитетных знаний [11, с. 574–579].

Как мы уже отмечали ранее в своих работах, «М. Порат среди атрибутов информационного общества выделял информационный капитал, к которому относил в основном материальную атрибутику (компьютеры, калькуляторы, терминалы, копиры), и информационных работников — исследователей, инженеров, проектировщиков, менеджеров, юристов — то есть всех тех, кому платят за создание знаний, разработку идей и обработку информации. Многие отечественные исследователи информационного общества выделяют вовлеченность людей в процессы управления, их нематериальную заинтересованность, а также потенцию к риску» [10, с. 63; 18].

В своей статье мы также отмечали важность информатизации для системы государственного и публичного политического управления. Так, «в контексте данных условий вопрос об эффективности распространения информации имеет важнейшее значение для политического управления [3, с. 132], поскольку одна из основных задач, которые преследует современное государство в условиях информационного общества или стремления к нему, заключается в построении систем коммуникации, обеспечивающих диалог властных структур и общества с целью придания легитимности власти и стабильности общественного развития [19, с. 64]. Согласно ряду важнейших международных конвенций, положенных в основу стратегического развития многих стран (США, Франции, Финляндии, Японии и др.), повсеместная цифровизация может и должна развиваться только в условиях грамотной и продуманной коммуникационной политики органов государственной власти [15, с. 50]. Признание формирования общества знаний и информационной экономики как общественного интереса, то есть интереса, разделяемого различными социальными группами, предполагает наличие определенных характеристик коммуникационной системы, а именно, что регулятивное вмешательство государства, надзор за коммуникацией и ее целенаправленное формирование в той или иной форме возможны и желательны [19, с. 198]. Общественный интерес, как правило, понимается как главный ориентир для принятия решений политиками, а также как главный критерий, по которому оценивается политика. Поэтому коммуникационная политика и ее формирование в обществе знаний представляет собой стратегический выбор государства в ответ на нестабильность международной среды, вызовы исторического развития и возможные технологические, экологические и социальные угрозы» [10].

Концепция М. Кастельса и его последователей во многом опирается на рассуждения Ю. Хабермаса о том, что коммуникационные сети являются основой

институциональной стабильности социальной системы только в том случае, если они позволяют развивать интересы и ценности различных социальных групп. Если же напротив «государство вторгается в публичную сферу от имени специфических интересов, преобладающих в государстве, оно вызывает кризис легитимности, потому что разоблачает себя как инструмент доминирования вместо того, чтобы быть институтом представительства» [4, с. 57]. Поскольку в условиях информационного общества потоки коммуникаций существенно усиливаются, то конфликты интересов и ценностей становятся очевидными как никогда раньше. При этом «институты и парайнституты государства (например, религиозные институты, университеты, образованные элиты, в некоторой степени медиа) являются основными источниками этих дискурсов» [4, с. 37].

Одной из главных особенностей информационного общества сегодня, как мы отмечали ранее, «является трансформация сферы коммуникаций, представляющей собой публичное пространство когнитивного характера, то есть пространство, в котором сознание людей получает информацию и формирует свои взгляды путем обработки сигналов от общества в целом. Трансформация — основной постулат коммуникационной теории власти, которая, в отличие от других теорий политической и социальной коммуникации, исходит из принятия информационного общества не как цели, а как данности — то есть объективной реальности, в которой мы живем уже сегодня. Сквозь призму коммуникативного воздействия, современное общество представляет собой социальную структуру, основанную на сетях, управляемых информационно-коммуникативными технологиями, основанных на микроэлектронике и цифровых компьютерных сетях, которые генерируют, обрабатывают и распространяют информацию на основе знаний, накопленных различными индивидами и социальными группами» [10, с. 66]. Коммуникативные сети, по Кастельсу, Монге и Контрактору, это «паттерны контактов, которые создаются с помощью потока сообщений между коммуникаторами в пространстве и времени <...> сети производят потоки. Потоки представляют собой движение информации между узлами, циркулирующее по каналам связи между узлами <...> Сотрудничество основывается на способности сетей коммуницировать между собой» [14, с. 7].

Мы рассматривали данный аспект на основе электронного правительства ранее, «оно имеет уже довольно долгую и успешную историю развития, его стандартные технологии (сайты органов власти, электронные приемные) не обладают достаточной мобильностью и респонсивностью. Поэтому распространение так называемой самонаправленной массовой коммуникации [1, с. 13]: социальных сетей, блогов, влогов (видеоблогов), микроблогов, потоковой передачи данных и других интерактивных форм компьютерной связи — получает столь активное распространение в том числе и в работе органов государственного управления. Благодаря своим техническим особенностям социальные сети и блоги становятся удобными коммуникативными инструментами, в которых может участвовать множество коммуникативных агентов одновременно [6, с. 224]. Использование этих новых инструментов коммуникационной политики позволяет осуществить коммуникации в реальном времени без существенных затрат на отправку, доставку и получение сообщения» [10].

Сегодня можно выделить два сложившихся подхода к организации коммуникации в цифровом пространстве. Некоторые органы власти и бизнес-корпорации определяют цифровизацию и коммуникативный процесс в ее рамках в самостоятельное направление в рамках бизнес-процессов организации, при этом другие пытаются совмещать цифровые технологии с реальными (живыми) коммуникативными процессами. Если провести анализ каждого из этих подходов, то можно выделить их сильные и слабые стороны. Так, в большинстве торговых предприятий предпочитают второй подход. Безусловно, «цифровые коммуникации не противоречат ос-

новам маркетинга, хотя вносят свои особые инструменты в маркетинг-микс»¹. Нам представляется неэффективным иметь два отдельных отдела и плана деятельности, один из которых отвечает за живой процесс коммуникации, а другой — за онлайн-общение. Еще менее эффективно это выглядит для органов власти, которые систематически упрекают в раздутости штата и задвоивании функционала, чрезмерной бюрократичности.

Мы уже констатировали, что «самонаправленная массовая коммуникация является массовой коммуникацией, потому что она распространяется через интернет и потенциально может достигать всей планеты. В то же время она является самонаправленной, поскольку зачастую инициируется отдельными лицами или группами лиц самостоятельно, в обход конгломератов медийного бизнеса и менее крупных агентов медийной системы. Самонаправленная массовая коммуникация создает новую систему глобальных, горизонтальных сетей связи, которая впервые в истории позволяет людям интенсивно и массово общаться друг с другом так, что их сообщения не проходят по каналам, созданным институтами государства и общества для социализированной и регулируемой коммуникации» [10, с. 66–67].

Схематичное отображение изменений в коммуникационной системе выглядит следующим образом, как показано на рисунке.

Как видно из схемы, если в традиционной модели коммуникаций центральной точкой ее реализации был код (который в том числе транслировался органами

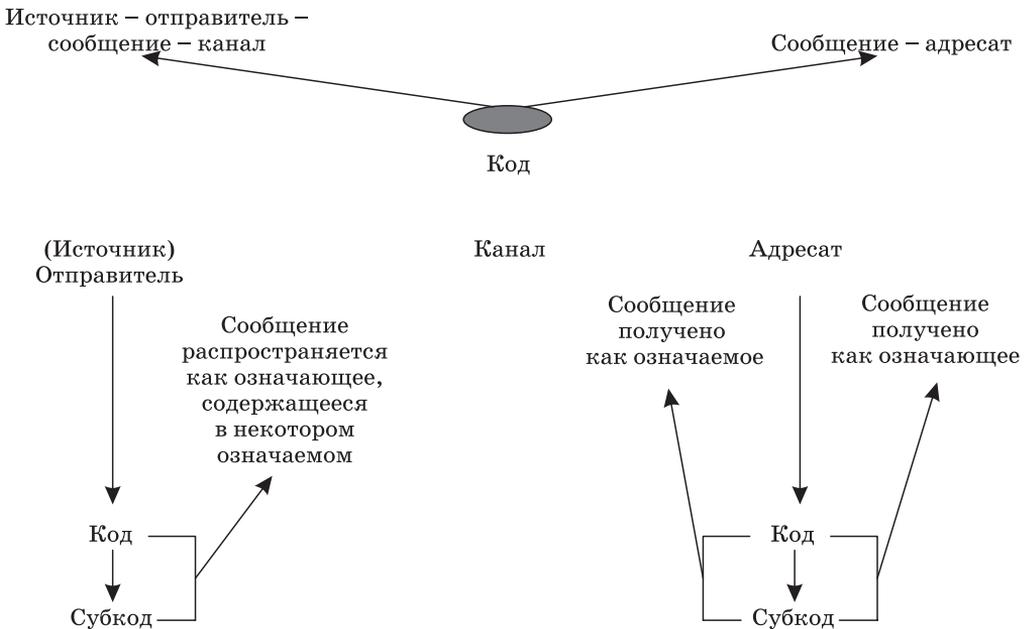

Рис. Схематическое изображение коммуникативного процесса.

В верхней части традиционная модель, в нижней части перестроенная модель

Fig. Schematic representation of a communication process. At the top of the traditional model, at the bottom of the rebuilt model

Источник: [4].

¹ Федюнин Д. В., Гончарова Н. Ю. Современные особенности построения цифровых коммуникаций и их эффективность // Практический маркетинг. 2012. № 11 (189). С. 29.

государственной власти различным социальным группам), то в условиях самонаправленной массовой коммуникации центральную роль играет канал. Так, по мнению Кастельса, «доминирование медиапространства над сознанием людей осуществляется через фундаментальный механизм: наличие/отсутствие месседжа (message) в медиапространстве. Все или все, что отсутствует в этом пространстве, не может попасть в общественное сознание, поэтому оно становится единым целым. Этот «двоичный» (либо да, либо нет) характер современной массовой коммуникации имеет критическое значение для развития коммуникативной политики государства. Кроме того, социальные сети, в отличие от текущего, все еще во многом доминирующего, но обреченного на смену основного инструмента массовой коммуникации — телевидения, — продуцируют метафоры, а не образы» [14, с. 16].

Органы государственной власти в этой коммуникационной системе в каждый конкретный момент времени, при решении каждой задачи имеют дело не с одним, а с множеством коммуникационных каналов, постоянно развивающихся и пересекающихся в формате самонаправленной коммуникации. Различные группы стейкхолдеров могут предпочитать различные информационные каналы, а также развивать свою собственную коммуникационную систему, мониторинг которой также входит в задачи коммуникационной политики органов власти.

Изменение коммуникационной политики в ответ на трансформации коммуникативных практик в современном обществе способно привести к развитию нового типа государства — сетевого государства, которое характеризуется «разделением суверенитета и ответственности между разными государствами на разных уровнях правления, подвижностью управленческих процедур и большим разнообразием пространственно-временных отношений между правительством и гражданами по сравнению с предшествующей формой национального государства» [4, с. 58]. При этом сущность государства не меняется — его трактовка в концепции Кастельса достаточно стандартная: «под государством я понимаю институты управления обществом и их институциональные органы политической репрезентации, управления и контроля социальной жизни; таковы исполнительная, законодательная и судебная власть, государственное управление, вооруженные силы, правоохранительные органы, надзорные органы и политические партии на разных уровнях правления: национальном, региональном, локальном и международном» [4, с. 56–57]. Таким образом, изменение коммуникационной политики носит не системно-революционный, а структурно-содержательный характер. Не изменяя сути государственного устройства, коммуникационная политика органов государственной власти становится связующим элементом между государством и обществом нового типа.

Миссией трансформации коммуникационной политики органов государственной власти является изменение формы государственного взаимодействия с обществом таким образом, чтобы оно органично соответствовало неизбежным социальным тенденциям. Таким образом, к основным доминантам трансформации государственной коммуникационной политики в условиях информационного общества относятся содержательные изменения принципов организации коммуникационных каналов с учетом активного распространения самонаправленной массовой коммуникации в современном обществе. В ситуации, когда ни один предложенный властью коммуникационный канал не может быть доминирующим для стейкхолдеров той или иной проблемы, задачи или ситуации, сохранение сложившейся линейной модели коммуникации невозможно. Переизбыток информации, характерный для современного информационного общества, приводит к настолько сильной диверсификации интересов индивидов, что значимые социальные институты — такие, как политика или государственная власть — перестают входить в сферу рутинных интересов среднестатистического российского интернет-пользователя. Поэтому перед трансформацией коммуникационной политики органов государственной власти стоят более глобальные задачи.

Сегодня коммуникационная политика представляет собой одну из основ развития организации любого типа, начиная небольшой фирмой и заканчивая целым государством. В XXI в. развитие интернет-технологий существенно изменило коммуникационную матрицу «галактики Маклюэна». Интернет — ключевая единица современной коммуникативной системы — активно вытесняет телевидение и другие способы электронной коммуникации, трансформируя информационно-коммуникативное поле и создавая новые общественные институты. Классическая и наиболее популярная в литературе схема коммуникационного процесса, предложенная Лассуэлом, претерпевает все большие изменения, связанные с трансформациями не только пяти элементов коммуникационного процесса — коммуникатора, канала, сообщения, получателя и последствия (ответа), — но и усложняющейся социальной среды, которую характеризует высокий уровень переизбытка информации и информационного шума. Кастельс подчеркивает, что современная коммуникация — это «коллективное использование смыслов в процессе обмена информацией. Процесс коммуникации определяется технологией коммуникации, характеристиками отправителей и получателей информации, их культурными кодами и протоколами коммуникации, а также рамками коммуникационного процесса. Значение может быть понято только в контексте социальных отношений, в которых происходят процессы обмена информацией и коммуникации» [4, с. 73].

Несмотря на то, что государство как «тотальная» организация, так или иначе регулирующая все сферы деятельности людей, обладает высоким уровнем консерватизма и даже закрытости, новые веяния информационных трансформаций все больше касаются и его. Использование новейших коммуникационных технологий превращается в отдельную строку бюджета государственных организаций; общественные приемные уступают место виртуальным; задача государственного имиджа решается во многом эффективным использованием государственных коммуникационных ресурсов; метаинформационные системы государственного регулирования общественных процессов — система обязательного единого государственного экзамена в образовании или практика медицинского скрининга в здравоохранении — внедряются на общегосударственном уровне в разных странах мира, в том числе и в России. В отличие от предыдущих этапов развития коммуникативных систем, активное распространение интернет-технологий позволяет организовать массовую двустороннюю коммуникацию между гражданами и государственными институтами.

Поскольку мы определили для себя критический подход в качестве основного для анализа процесса коммуникаций в цифровом обществе, постольку отметим негативное влияние цифровизации на коммуникационный процесс. Так, проведенные ранее эмпирические исследования [2] выявили отрицательные эффекты влияния цифровых коммуникаций. Со ссылкой на данные исследования приведем отрицательные эффекты: эффект когнитивной редукции, он состоит в некритическом отношении к интернет-контенту; отсутствии навыка отбора качественной и достоверной информации в глобальной сети; неспособности к работе с большими массивами данных; явлении информационной перегрузки; усложнении поиска данных, релевантных задачам; формировании фрагментарности сознания; несистемности видения явлений (феномене концентрации внимания на деталях в ущерб видения общей картины). Эффект цифрового алармизма и игромании, которые проявляются в несформированности навыков управления рисками интернет-коммуникации; подверженности манипуляции массовым сознанием в новых медиа; явлении перевода фокуса внимания в виртуальную среду и уходе от объективной реальности; отрицательном влиянии платных онлайн-курсов низкого качества; негативном эффекте распространения псевдонаучных знаний и сложности их верификации; онлайн игровой зависимости и неспособности отличить реальность от виртуального пространства. Эффект коммуникативной деструкции состоит в потере навыков меж-

личностных деловых коммуникаций; снижении авторитетности и понимания служебной иерархии; снижении глубины коммуникации и неразвитости эмоционального интеллекта. Эффект атрофии профессиональной среды, норм и ценностей заключается в неспособности к выстраиванию долгосрочных отношений в профессиональной сфере; пустой трате рабочего времени в социальных сетях. И наконец, эффект навязывания «цифровизации» как неизбежного феномена состоит в обязательном требовании использования новых современных гаджетов, программно-обеспечения и т. д. как элемента престижа работника в организации; подмене истинных профессиональных качеств владением новейшими цифровыми инструментами [2, с. 16–17].

Изменение сути коммуникативных процессов, происходящих в цифровом обществе, должно быть так или иначе поддержано трансформацией коммуникационной политики органов государственной власти — и эта трансформация действительно происходит сегодня в том числе и в России. Основные изменения касаются организационно-структурного оформления коммуникационной политики: в структуру задач отдела или службы по связям с общественностью практически всегда включаются медиаполитика, работа с интернет-технологиями. Однако, как показывает теоретический анализ, таких организационно-структурных изменений недостаточно. Простое «добавление» мультимедиа-отделов в структуры связей с общественностью органов государственной власти неспособно перестроить коммуникационную политику в русле глобальных изменений. Перед российской коммуникационной политикой сегодня стоят более глубокие задачи, которые вызвала цифровая трансформация, решение их позволит достичь баланс между тремя главными составляющими: информацией, коммуникацией и цифровизацией.

Литература

1. *Быков И. А.* Сетевая политическая коммуникация в условиях трансформации общества : дис. ... д-ра полит. наук. СПб., 2016 [Электронный ресурс]. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1460022404_4158.pdf (дата обращения: 20.05.2022).
2. *Евгеньева Т. В., Усманова З. Р.* Особенности влияния цифровых коммуникаций на профессиональную культуру и адаптацию студентов социально-политических специальностей // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. № 6. С. 12–18.
3. *Ершова Г. Г.* Антропосистема: коммуникативные модели и регулируемая интеграция // Исторический журнал: научные исследования. 2012. № 4. С. 11–25.
4. *Кастельс М.* Власть коммуникации. М. : Изд. дом ВШЭ, 2016. 564 с.
5. *Матвеев А. С.* Коммуникационная природа социального управления // Философия и культура. 2013. № 5. С. 643–649.
6. *Филатова О. Г., Шабанова Е. С.* Публичные коммуникации органов государственной власти РФ в пространстве Web 2.0: анализ блогов и социальных сетей // Интернет и современное общество. Труды XIV Всероссийской объединенной конференции. СПб., 2011. С. 220–224.
7. *Цифровизация общества и система социального кредита: проблемы, перспективы: монография / колл. авт. ; науч. ред. И. А. Ветренко.* СПб. : ИПЦ СЗИУ РАНХиГС, 2022. 352 с.
8. *Чернышев А. И.* Необходимость применения современных электронных коммуникаций органами государственной власти в России // Социодинамика. 2014. № 8. С. 132–138.
9. *Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение : докл. к XX Апр. междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др. ; науч. ред. Л. М. Гохберг; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2019. 210 с.*
10. *Штриков С. А.* Управленческое проектирование коммуникационной политики органов государственной власти субъектов Российской Федерации в условиях утверждения информационного общества // Управленческое консультирование. 2019. № 11 (131). С. 57–69.
11. *Bell D.* The Coming of the Post-Industrial Society. The Educational Forum. 1976. № 40 (4). 580 с.

12. Gillespie T. *Wired Shut: Copyright and the Shape of Digital Culture*. Cambridge, MA : MIT Press, 2007.
13. Drahos P., Braithwaite J. *Information feudalism: who owns the knowledge economy?* NY : New Press, 2002.
14. Castells M., Cardoso G. *The Network Society: From Knowledge to Policy*. Washington DC: Center for Transatlantic Relations, 2006. 310 c.
15. Crozier M. *Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy*, *Political Communication*. 2007. № 24 (1). С. 1–18.
16. Martin W. *The global information society*. Aldershot : Gower, 1995.
17. Monge P., Contractor N.S. *Theories of communication networks*. Oxford : Oxford University Press, 2003. 160 c.
18. Porat M. U. *Global Implications of An Information Society*. *Journal of Communication*. 1978. № 28 (1). С. 70–80.
19. Raboy M., Landry N., Shtern J. *Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance*. NY : Peter Lang, 2010. 200 c.
20. Sivarajah U., Weerakkody V., Waller P., Lee H. *at al*. *The role of e-participation and open data in evidence-based policy decision making in local government // Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce*. 2016. № 26 (1–2). С. 64–79.

Об авторах:

Ветренко Инна Александровна, заведующий кафедрой социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор политических наук, профессор; Vetrenko-IA@ranepa.ru

Штриков Сергей Анатольевич, аспирант Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация); shtrikov_sa@cnrg-group.com

References

1. Bykov I.A. *Network political communication in the conditions of transformation of society: Doctoral Dissertation*. St. Petersburg, 2016 [Electronic source]. URL: http://jf.spbu.ru/upload/files/file_1460022404_4158.pdf (accessed: 20.05.2022) (in Rus).
2. Evgenieva T.V., Usmanova Z.R. Features of the influence of digital communications on professional culture and adaptation of students of socio-political specialties // *Humanities. Bulletin of the Financial University [Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta]*. 2018. N 6. P. 12–18 (in Rus).
3. Ershova G.G. Anthroposystem: communicative models and regulated integration // *Historical Journal: scientific research [Istoricheskii zhurnal: nauchnye issledovaniya]*. 2012. N 4. P. 11–25 (in Rus).
4. Castels M. *The power of communication*. M. : Publishing House of the HSE, 2016. 564 p. (in Rus).
5. Matveev A.S. The communicative nature of social management // *Philosophy and Culture [Filosofiya i kul'tura]*. 2013. N 5. P. 643–649 (in Rus).
6. Filatova O.G., Shabanova E.S. Public communications of state authorities of the Russian Federation in the Web 2.0 space: analysis of blogs and social networks // *The Internet and modern society. Proceedings of the XIV All-Russian Joint Conference*. St. Petersburg, 2011. P. 220–224 (in Rus).
7. *Digitalization of society and the social credit system: problems, prospects : monograph / scientific ed. by I.A. Vetrenko*. SPb. : NWIM of RANEPa, 2022. 352 p. (in Rus).
8. Chernyshev A.I. The need for the use of modern electronic communications by public authorities in Russia // *Sociodynamics*. 2014. N 8. P. 132–138 (in Rus).
9. *What is the digital economy? Trends, competencies, measurement: report to the XX Apr. international Scientific Conference on problems of Economic and Social development, Moscow, 9–12 Apr. 2019 / G.I. Abdrakhmanova, K.O. Vishnevsky, L.M. Gokhberg et al; scientific ed. L.M. Gokhberg; Higher School of Economics*. M. : Publishing House of the Higher School of Economics, 2019. 210 p. (in Rus).
10. Shtrikov S.A. Managerial design of communication policy of public authorities of the subjects of the Russian Federation in the conditions of approval of the information society // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2019. N 11 (131). P. 57–69 (in Rus).

11. Bell D. The Coming of the Post-Industrial Society. The Educational Forum. 1976. N 40 (4). 580 p.
12. Gillespie T. Wired Shut: Copyright and the Shape of Digital Culture. Cambridge, MA: MIT Press, 2007.
13. Drahos P., Braithwaite J. Information feudalism: who owns the knowledge economy? NY : New Press, 2002.
14. Castells M., Cardoso G. The Network Society: From Knowledge to Policy. Washington DC : Center for Transatlantic Relations, 2006. 310 p.
15. Crozier M. Recursive Governance: Contemporary Political Communication and Public Policy, Political Communication. 2007. N 24 (1). P. 1–18.
16. Martin W. The global information society. Aldershot : Gower, 1995.
17. Monge P., Contractor N. S. Theories of communication networks. Oxford : Oxford University Press, 2003. 160 p.
18. Porat M. U. Global Implications of an Information Society. Journal of Communication. 1978. N 28 (1). P. 70–80.
19. Raboy M., Landry N., Shtern J. Digital Solidarities, Communication Policy and Multi-Stakeholder Global Governance. 2010. NY : Peter Lang. 200 p.
20. Sivarajah U., Weerakkody V., Waller P., Lee H. at al. The role of e-participation and open data in evidence-based policy decision making in local government // Journal of Organizational Computing and Electronic Commerce. 2016. N 26 (1–2). P. 64–79.

About the authors:

Inna A. Vetrenko, Doctor of Science (Political Sciences), Professor, Head of the Chair of Social Technologies of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); Vetrenko-IA@ranepa.ru

Sergey A. Shtrikov, Applicant of North-West Institute of Management, Branch of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation); shtrikov_sa@cnrg-group.com

Исследование компетентностной модели образовательной программы на основе интеллектуального анализа профессиональных требований рынка труда

Минаев Д. В.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация, post@minaevdv.pro

РЕФЕРАТ

Образовательные стандарты высшего образования ФГОС3++ требуют проектировать образовательные программы (ОП) на базе профессиональных компетенций, востребованных на рынке труда. Рекомендуется использовать профстандарты. Этот путь имеет определенные недостатки. Например, профстандарты описывают трудовые функции, а в ОП требуются компетенции. Использование профстандартов при разработке ОП заведомо предопределяет определенный лаг в реакции на изменение рынка труда. Альтернатива проектирования ОП — прямой анализ требований рынка. Инструменты интеллектуального анализа (ИА): дейтамайнинг и машинное обучение могут облегчить такой анализ. Дается обзор разработок в этом направлении. Представлены результаты применения ИА на базе аналитической платформы KNIME для определения модели компетенций ОП в области управления проектами. Автоматизация затронула: сбор требований более 6000 вакансий работодателей онлайн ресурса Head Hunter; анализ текстов (описания ОП разных вузов, профстандартов и руководящих материалов профассоциаций — COBHET-Agile, IPMA OCB&ICB), представленных на естественном языке. На основе этих дейтасетов проведена токенизация; выделение коллокаций терминов и тем, кластеризация тем. Осуществлена кроссклассификация профстандартов и руководящих материалов на основе предварительно обученной компетентностной модели ОП. Результаты подтвердили работоспособность методики. Такая аналитика позволяет динамически проводить систематизацию описаний профессиональной деятельности и формулировать соображения об элементах, структуре, взаимном соответствии моделей компетенций ОП и естественными моделями компетенций рынка труда. В совокупности с традиционной экспертной оценкой она может способствовать формированию более полного изоморфизма между качествами ОП и профессиональной деятельности.

Ключевые слова: модель компетенций, компетентностный подход; цифровой образовательный инжиниринг; машинное обучение; интеллектуальный анализ; цифровизация; ФГОС3; аналитическая платформа KNIME; обработка текста на естественном языке

Для цитирования: *Минаев Д. В.* Исследование компетентностной модели образовательной программы на основе интеллектуального анализа профессиональных требований рынка труда // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 65–83.

The Study of the Educational Program Competence Model Based on the Intellectual Analysis of the Labor Market Professional Requirements

Dmitry V. Minaev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Saint Petersburg, Russian Federation; post@minaevdv.pro

ABSTRACT

The educational standards of higher education — FGOS3++ require designing educational programs (EP) based on professional competencies in demand in the labor market. It is rec-

ommended to use professional standards. This way has certain disadvantages. For example, professional standards describe labor functions, but in the EP competencies are required. The use of professional standards in the development of the EP obviously determines a certain lag in the reaction in the labor market changes. An alternative to such EP design is a direct analysis of market requirements. Intelligent Analysis (IA) tools: data mining and machine learning can facilitate such analysis. An overview of developments in this direction is given. The results of the application of IA based on the KNIME analytical platform for determining the competence model of the EP in the field of project management are presented. Automation affected: the collection of requirements for more than 6000 vacancies of employers of the Head Hunter online resource; the analysis of texts presented in natural language (descriptions of EP of different universities, professional standards and guidance materials of professional associations — SOVNET-Agile, IPMA OCB&ICB). Based on these data sets was carried out: tokenization, collocation of terms and topics, clustering of topics, the cross-classification of professional standards and guidance materials based on a pre-trained competence model of the EP. The results confirmed the efficiency of the used technique. Such analytics allows us to dynamically systematize descriptions of professional activities and formulate considerations about the elements, structure, and mutual correspondence of the EP competence models and the competencies natural models on the labor market. In combination with the traditional expert assessment, it can contribute to the formation of a more complete isomorphism between the qualifications of EP and professional activity.

Keywords: competence model, competence-based approach, digital educational engineering, machine learning, intelligent analysis, digitalization, the Federal State Educational Standards, KNIME analytical platform, natural language text processing

For citing: Minaev D. V. The study of the educational program competence model based on the intellectual analysis of the labor market professional requirements // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 65–83.

Введение

Формирование идеала качества человека — ключевая задача развития российского образования в XXI в. Приняв терминологию А.И. Субетто [12], можно отметить, что магистральный путь ее решения лежит через синтез культурогенетической и целенормативной парадигм. Культурогенетический подход отражает культурные традиции в рефлексии качеств человека. Здесь речь идет о ценностях, этико-эстетических аспектах развития личности человека, о воспитании. Целенормативный подход отражает другую — прагматическую сторону запросов общества и системно проявляется в первую очередь в экономических процессах. Именно этот подход в свою очередь преимущественно структурирует организацию профессиональной сферы.

В профессиональном образовании эта парадигма нашла выражение через развитие идей «компетентностного подхода». Общая его суть проста — поиск и достижение инвариантов между программами подготовки и соответствующими профессиональными видами деятельности. Однако за простой концепцией скрывается достаточно разветвленная и сложная научно-методическая проблематика.

На рубеже XXI в. этот подход как системная концепция описания образованности человека стал интенсивно продвигаться через Болонский процесс. В России «компетентностное» движение нашло отражение на нормативном уровне в виде разработки развивающейся серии государственных образовательных стандартов третьего поколения высшего профессионального образования (обозначим их сокращенно ФГОС).

В каждой новой версии этих стандартов (ФГОС, ФГОС+, ФГОС++) уровень сопряжения с требованиями профессиональной сферы все более возрастал. Начальная версия — ФГОС (2009 г.) содержала лишь общую декларацию о необходимости увязки образовательной программы (ОП) с требованиями работодателей. Основным критерием успешности ОП был предметный результат через подробное

раскрытие дидактики содержания отдельных дисциплин: знания-умения-навыки (ЗУНы). Следующий ФГОС+ (20014 — 2016 г.) уже вводил перечень профессиональных компетенций (ПК), который должен был корреспондироваться с требованиями экономики. Наконец, ФГОС++ (2020 г.) нацелил само проектирование ОП изначально проводить на основе реальных требований к профессиональной деятельности. Отметим, что ФГОС++ сохраняет унификацию ОП через механизм использования примерных основных образовательных программ (ПООП), которые предустанавливают обязательное ядро ПК.

Несмотря на серьезную методическую проработку вопросов проектирования ОП на базе компетентностного подхода (например, [8]), его полная практическая актуализация на сегодняшний день далеко еще не завершена. Этому есть несколько причин.

Первая — чисто теоретико-методологическая, связана с определением компетентностной модели профессиональной деятельности и ее конвертации в содержание ОП. И, соответственно, описание теоретической модели того, как дидактические единицы ОП трансформируются через личностное восприятие и деятельностные акты студента в его компетенции (методика такого моделирования обсуждалась, в том числе, в авторской монографии [6] и ряде статей автора).

Здесь в полной мере проявляется основная проблематика системного метода: относительно просто решается аналитическая задача разложения профессиональной деятельности или содержания ОП на элементы. Но «таинство» формирования эмерджентного эффекта из этих элементов познается и формализуется с гораздо большим трудом. Это проявляется как на нижнем уровне системного моделирования отдельных компетенций, так и при моделировании целостного профессионального вида деятельности/профессии (данный факт хорошо иллюстрируется публикациями [7; 10; 14]). Из этого вытекает и проблематика более высокого уровня: классифицирования и соотнесения пространства образовательных программ и пространства фактически реализуемой профессиональной деятельности.

И если ранее, до «компетентностной» эпохи, системная сборка ОП разрешалась на основе знаний, опыта и интуиции внутри умов профессуры — они экспертно и напрямую формировали ее дидактику (ЗУНы), то с введением «проплюсованных» ФГОС обозначена амбициозная задача полной формализации процесса проектирования ОП с точной квалиметрией результата.

В целом в теоретико-методологической плоскости по-прежнему сохраняется много неясностей.

Другая причина торможения внедрения компетентностного подхода более прозаична — недостаток формализованной и структурированной информации о требованиях к компетенциям на стороне работодателей. Несмотря на настойчивые административные толчки со стороны федеральных органов управления трудовой сферой, разработка профстандартов, описывающих модели компетенций, в течение длительного периода времени осуществлялась sporadически (подробный анализ ситуации приведен в [2]). После 2014 г. этот процесс ускорился, но все равно далек от потребностей высшего профессионального образования, поставленного в рамки ФГОС++.

Сложившуюся ситуацию можно проиллюстрировать на примере профессиональной сферы управления проектами. На конец 2021 г. утверждены всего 7 стандартов, хотя этот вид деятельности широко применяется в самых разных областях.

Всего введено в действие 1363 стандарта (на 16.11.2021)¹. Однако, согласно ЕТКС, в России сейчас существует около 7 тыс. уникальных наименований про-

¹ Реестр профессиональных стандартов [Электронный ресурс]. URL: <https://profstandart.rosmintrud.ru/obshchiy-informatsionnyy-blok/natsionalnyy-reestr-professionalnykh-standartov/reestr-professionalnykh-standartov/> (дата обращения: 13.08.2022).

фессий. АНО «Центр научных исследований в сфере профориентации и психологии труда», реализуя проект цифровой модели рынка труда, выявил еще больше — около 25 тыс. уникальных наименований профессий/специальностей¹.

Альтернативой использованию профстандартов является прямое обращение к субъектам трудовой сферы, через опросы и другие инструменты. Однако для проектантов ОП это дополнительная специфичная и весьма трудоемкая информационная работа, которую они крайне неохотно выполняют. Теоретико-методологическую сложность, с которой приходится при этом сталкиваться, мы уже отметили.

Подводя промежуточный итог, отметим, — возможность автоматизации процедур анализа компетенций профессиональной деятельности представляется весьма актуальной. Нарботка эмпирического массива компетенций, их систематизация позволили бы ускорить и сделать более обоснованной также и теоретико-методологическую проработку компетентностных моделей и их имплементацию в ОП. Такая возможность становится реальной с развитием информационных технологий, которые обеспечивают обработку разнотипной и плохо структурированной информации, в том числе, — текстовой. Речь идет о современных технологиях дейтамайнинг, машинного обучения, больших данных и других, развиваемых в сфере интеллектуальной обработки данных и искусственного интеллекта (обозначим их совокупность акронимом ИА). Именно на экспериментальную проверку работоспособности такого рода методов и направлено было исследование.

Обзор литературы

До сих пор выявление, оценка и систематизация компетенций как в сфере труда, так и в сфере профессионального образования проводились преимущественно экспертно-аналитическим путем, с участием высококвалифицированных специалистов и на основе репрезентативного опроса профессионалов. За рубежом к таким проектам, например, можно отнести исследование профессиональных навыков взрослых, проведенное в 2017–2018 ОЭСР², а также Европейское исследование навыков и рабочих мест (European skills and jobs survey — ESJS³), которое проводит Европейский центр развития профессиональной подготовки⁴. Задействование технологий ИА для задач, связанных с применением компетентностного подхода, стало привлекаться относительно недавно.

В последнее время рядом европейских национальных и исследовательских организаций реализовано несколько проектов, связанных с использованием ИА для выявления навыков и компетенций. В материалах CEDEFOP⁵ проводится обзор таких разработок, связанных с анализом навыков, удовлетворяющих спрос на рабочую силу, описанием карьерных путей выпускников высших учебных заведений, исследованием закономерностей распространения цифровых технологий и их влияния на рынок труда и других направлений.

Одним из таких проектов является совместная разработка CEDEFOP с Евростатом системы сбора и анализа онлайн объявлений о вакансиях в Европейском сою-

¹ Проект цифровой модели рынка труда. Центра научных исследований в сфере профориентации и психологии труда [Электронный ресурс]. URL: <https://crcg.ru/skolko-vsego-professiy-v-mire/> (дата обращения: 13.08.2022).

² OECD The Survey of Adult Skills Reader's Companion, Third Edition; 2019. 132 p. URL: <https://doi.org/10.1787/f70238c7-en>

³ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cedefop.europa.eu/en/projects/european-skills-and-jobs-survey-esjs> (дата обращения: 13.08.2022).

⁴ CEDEFOP. Annual report 2019. Luxembourg: Publications Office; 2019 [Электронный ресурс]. URL: <http://data.europa.eu/doi/10.2801/79286> (дата обращения: 13.08.2022).

⁵ CEDEFOP Perspectives on policy and practice Tapping into the potential of big data for skills policy; 2021, Luxembourg: Publications Office of the European Union

зе (online job advertisements — OJAS), выходные данные которой доступны через облачную базу данных Skills-OVATE¹. Онлайн объявления о вакансиях в последнее время стали богатым источником информации о требованиях к работе, которые трудно собрать традиционными методами. В Skills-OVATE доступна информация, основанная на миллионах объявлений, собранных в полуавтоматическом режиме из тысяч источников, включая порталы государственных служб занятости, HR-агентства, частные порталы вакансий, онлайн-газеты и корпоративные веб-сайты. Эта база данных обновляется 4 раза в год.

В целом проект укладывается в продвигаемую Евростатом концепцию доступных больших данных — Web Intelligence Hub (Центр веб-аналитики), которые могут быть использованы для смягчения проблем рынка труда, уменьшения несоответствия навыков и укрепления связей между рынком труда и обучением². Актуальность использования больших данных (big data) для прогнозирования и сопоставления потребностей в навыках подчеркивалась и группой экспертов MOT³.

Опыт использования информационных источников типа Skills-OVATE с задействованием ИА для анализа феномена цифровизации на компетентностные модели профессий анализируется К. Поулиакасом (Pouliakas, K.) [15]. Им описываются прогностические модели, использующие методы машинного обучения, которые в 7 из 10 случаев относительно точно предсказывают — является ли занятие автоматизируемым или нет. К таким моделям отнесены: классификатор на базе нейронных сетей, логистическая регрессия и метод случайного леса (Random Forest, RANFOR).

В Европе разработана многоязычная классификация навыков, компетенций и профессий ESCO (European Skills, Competences, Qualifications and Occupations)⁴. Это словарь, идентифицирующий и классифицирующий профессиональные занятия и навыки, на рынке труда и в системе образования. ESCO приводит описания 2942 профессий и связанных с ними 13 485 навыков, переведенных на 27 языков. Классификатор используется различными онлайн-платформами для сопоставления навыков соискателя с предлагаемой работой, для предложения обучения людям, которые хотят переквалифицироваться или повысить квалификацию и т. д. Отметим, что при актуализации последних версий ESCO, также активно начали задействоваться методы ИА.

К месту отметим, что понятие «профессиональная компетенция» сейчас нормативно не закреплено в отечественной практике ни в Законе об образовании ФЗ-273, ни в Трудовом кодексе Российской Федерации. Разработка описаний компетенций в России пока децентрализована, — она замкнута внутри процедур разработки профстандартов и деятельности по проектированию ОП, в частности при проведении предусмотренных ФГОС++ так называемых форсайт-анализов. Более того, ряд авторов отмечает различие в подходах к трактовке элементов компетентностного подхода в России и за рубежом. Изучив компетентностный подход

¹ [Электронный ресурс]. URL: <https://www.cedefop.europa.eu/en/tools/skills-online-vacancies> (дата обращения: 13.08.2022).

² CEDEFOP; European Commission; ETF; ILO; OECD; UNESCO. Perspectives on policy and practice: tapping into the potential of big data for skills policy; 2021, Luxembourg: Publications Office [Электронный ресурс]. URL: <http://data.europa.eu/doi/10.2801/25160> (дата обращения: 13.08.2022).

³ ILO The feasibility of using big data in anticipating and matching skills needs. ILO Geneva, Publications Production Unit (PRODOC) of the ILO; 2020. URL: https://www.ilo.org/skills/areas/skills-training-for-poverty-reduction/WCMS_759330/lang--en/index.htm

⁴ ESCO handbook. EC. Directorate-General for Employment, Social Affairs and Inclusion. Directorate E. 2nd ed.; 2019. DOI: 10.2767/934956 [Электронный ресурс]. URL: <https://ec.europa.eu/esco/portal/document/en/0a89839c-098d-4e34-846c-54cbd5684d24> (дата обращения: 13.08.2022).

в России и зарубежных странах, Е. В. Чучулина, А. А. Базеян выделяют основные отличия [13] (табл. 1).

В задачи нашего исследования не входил более глубокий анализ и систематизация понятийного поля описания профессиональной деятельности. Данные, соответствующие смежным понятиям компетентностной модели: компетенция, навык, трудовая функция, использовались совместно как характеристики способности выполнять задачи, решать проблемы. При этом абстрагировалась содержательная сторона профессиональной деятельности. Влияние такого упрощения на результаты требует отдельного обсуждения, которое выходит за рамки статьи. Однако оно не сказывается на принципиальную оценку самой возможности использования ИА для решения нашей задачи.

В России попытки использования методов ИА в процедурах оценки компетенций в большей мере получили развитие в сфере образования. Большая часть из них нацелена на автоматизацию процессов сопровождения учебного процесса в рамках реализации парадигмы личностно ориентированного образования. Из исследований, близких к обсуждаемой нами проблематике, можно упомянуть следующие.

В качестве одной из ранних работ в этом направлении можно отметить публикацию С. П. Грушевского, Н. Ю. Добровольской, Ю. В. Кольцова [4]. Авторы концептуально обсуждают схему организации процесса обучения и описывается функционирование системы с применением нейросетевой компьютерной обучающей системы, которая позволяет индивидуализировать процесс обучения за счет построения уникальной для каждого учащегося траектории обучения. Конкретный пример реализации такого подхода, однако, там не приводится.

С. Ю. Ржеуцкая и М. В. Харина описывают решение задачи автоматической многопараметрической классификации пар «студент-задание», которые имеются в базе данных системы электронного обучения [9]. Цель — индивидуальный автоматический подбор заданий для самостоятельного выполнения, основанного на прогнозировании трудности задания и обучающего эффекта с учетом подготовленности студента. Для классификации используются алгоритмы машинного обучения «с учителем». Обучные модели проводится на основе выборки, содержащей данные о прецедентах выполнения заданий. В контексте нашей задачи отметим, что подготовленность студентов, очевидно, коррелируется с компетенциями.

И. Г. Захарова описывает опыт применения методов машинного обучения для диагностики и прогнозирования профессионального развития обучающихся [5]. В частности, предлагается оценивать степень профессионального развития студентов путем автоматического анализа подготавливаемых ими учебных текстов.

Таблица 1

Основные отличия компетентностного подхода в России и зарубежных странах

Table 1. The main differences are the competence approach in Russia and foreign countries

Понятие	Система образования в России	Система образования в ЕС
Компетенции	Инструмент измерения полуженного знания	Идеология образования
Направление	Научная область, теория	Общественный сектор (наука, образование, практика)
Профиль	Один из прикладных элементов направления	Запрос рынка труда на специализацию
Квалификация	Специализация, которую дает вуз	Запрос рынка труда на специализацию

Для этого используется метод кластеризации k -средних. А для построения модели классификации студентов — статистический метод распознавания Байеса.

Е. А. Гаврилина и М. А. Захаров [3] рассматривают применимость ряда методов машинного обучения с точки зрения решения практических задач по количественной оценке метакомпетенций учащихся. В поле их внимания попадают: обучение с учителем и без, обучение с подкреплением, активное обучение, многоуровневое обучение, многозадачное обучение. В качестве даннь x для такой оценки авторы используют информацию из различных обучающих и пользовательских сред.

Приведенный анализ показывает, что использование технологий ИА в части формирования компетентностных моделей как в сфере описания и регулирования трудовой сферы, так и в области определения профессионально ориентированного обучения вышло за рамки простого формирования концепций. В Европе эти инструменты уже даже используются на нормативном уровне. Описанные разработки принимались во внимание в нашем исследовании в части общих концепций и некоторых идей использования конкретного инструментария. Следует, однако, отметить, что на сегодняшний день эти два направления цифровизации развиваются относительно независимо. Не удалось обнаружить разработок, которые ставили бы задачу развития цифрового инжиниринга в части непосредственного проектирования моделей компетенций ОП на базе требования работодателей. Именно эту лауну в определенной мере закрывает проведенное исследование.

Материалы и методы

Общая логика разворачивания компетентностного подхода с участием системы образования представлена на рис. большой дугообразной стрелкой. В конечном счете обучающийся должен демонстрировать именно те компетенции, которые необходимы работодателям. Эту картину можно разложить на элементы, которые обозначают критические проблемные области и логические отношения между ними. Условно все нечетные сплошные стрелки обозначают отношение причинно-следственного влияния, а нечетные пунктирные — отношения соответствия. То есть, первые отражают трансляцию некоторого идеализированного образа компетентностной модели от элемента к элементу. А вторые — проверку соответствия фактически реализованной модели по отношению к предыдущему элементу. Понятно, что на каждом шаге возможно некоторое искажение исходной компетентностной модели.

Отношение 7 — означает фактическое предъявление компетенций обучающегося на его рабочем месте, а 8 — методы проверки такого соответствия. Стрелки 1, 3 соответствуют стандартному подходу ФГОС++ в проектировании ОП, — через требования профстандартов. Соответственно, 2 и 4 — методы проверки такого соответствия, стрелка 9 — проектирование ОП напрямую через изучение требований работодателей и 10 проверка — насколько удается это сделать. Стрелки 5, 6 — это внутреннее дело образовательной системы, связанное с обеспечением качества подготовки.

Профстандарты, в идеале, должны адекватно отображать систему компетенций соответствующей профессии (стрелка 1 на рис.). Но уже здесь появляются методические вопросы. Например, в принятой системе формирования профстандартов говорится не о компетенциях, а о трудовых функциях и квалификациях. Причем, согласно их определению, они не эквивалентны понятию компетенция: «Обобщенная трудовая функция (ОТФ) — совокупность связанных между собой трудовых функций, сложившаяся в результате разделения труда в конкретном производственном процессе» и «Трудовая функция (ТФ) — система трудовых действий в рамках обобщенной трудовой функции». Эти трудовые функции нужно каким-то образом трансформировать в компетенции ОП (стрелка 2).

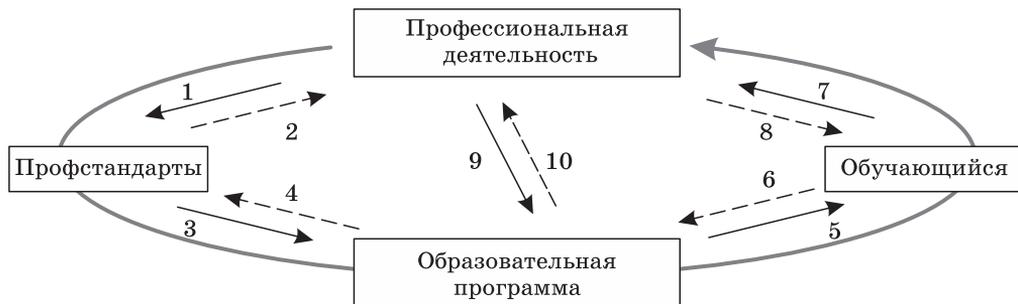

Рис. Общая логика разворачивания компетентностного подхода с участием системы образования

Fig. General logic for deploying a competency approach involving the education system

У профстандартов, как основного источника компетенций в проектировании ОП, есть и другой минус. Их использование заведомо формирует определенный лаг между систематизацией модели компетенций профессии и созданием соответствующей ОП. Это приводит к тому, что проектирование ОП, которая по идее должна формировать компетенции специалиста будущего, опирается на модель компетенций прошлого с отставанием на несколько лет. Особенно это критично для новых профессий постиндустриального общества, во многом определяющих экономический прогресс. В этом смысле прямое обращение к рынку труда выглядит более перспективно.

Если обобщить на базе представленной модели описанные ранее примеры использования ИА, то можно отметить, что они закрывают области 1, 2, 5, 6, 7, 8. Наше исследование по своей сути направлено на области 3, 4, 9, 10. Можно еще более конкретизировать решаемые задачи.

Развитие дидактического обеспечения в рамках компетентностного подхода ФГОС++ с использованием ИА может быть связано с решением широкого спектра конкретных задач. В частности это, как минимум:

- I. Формирование общего массива тегов профессиональных компетенций.
- II. Формирование эталона компетенций (набора эталонов).
- III. Построение дерева классификации профессиональных требований.
- IV. Определение способов верификации рабочих программ, обеспечивающих оценку близости ОП к требованиям:
 - ♦ вакансий, предлагаемых работодателями;
 - ♦ профессиональных стандартов;
 - ♦ аттестационных и сертификационных систем профессиональной деятельности.
- V. Оценка близости ОП между собой и построение дерева классификации ОП.
- VI. Создание «адвайзора» ОП, обеспечивающий формирование списка отсутствующих компетенций (по отношению к эталону).

В исследовании в той или иной мере прорабатывались задачи I–VI на примере образовательной программы магистерского уровня и для конкретной профессиональной сферы управления проектами.

Соображения, связанные с отбором источников данных, достаточно просты. Должны использоваться те документы, которые в той или иной мере содержат описания компетентностной модели. Необходимые данные в образовательной сфере имеются в:

- 1) описании примерных основных образовательных программ;
- 2) описаниях существующих образовательных программ вузов;
- 3) конкретизирующих документах образовательных программ (Рабочие программы дисциплин, Аннотации к РПД, Учебный план, Программа практик, тесты и др.);
- 4) профориентационных и рекламных информационных материалах вузов.

Наибольшую ценность представляет документ «описание программы», так как он содержит необходимый минимум информационных единиц, а также более или менее стандартизован по структуре их представления.

В части представления требований профессиональной среды могут рассматриваться следующие источники информации:

- 1) профессиональные стандарты;
- 2) описание вакансий от работодателей (Head Hunter, trudvsem.ru и другие);
- 3) стандарты и руководящие документы международных институтов и профессиональных сообществ;
- 4) аттестационные и сертификационные требования профессиональных, международных организаций;
- 5) ресурсы профессиональных сообществ (блоги, статьи и др.).

Что касается профстандартов, то здесь все очевидно. Из них могут извлекаться разделы, касающиеся описания трудовых функций — обобщенных и «элементарных». Использование описаний вакансий от работодателей, с учетом наличия онлайн ресурсов, также не связано с какими-либо трудностями. Они могут использоваться «как есть», с селекцией соответствующего поля извлекаемой записи вакансии. Наконец, источники в) и г) могут рассматриваться как единая группа: аттестационные и сертификационные требования обычно корреспондируются с соответствующими стандартами и руководящими документами отраслевых институтов и профессиональных сообществ. Например, для нашего случая, могут быть использованы разделы, описывающие функциональные требования к проектному делу из таких документов, типа: РМВоК, разработанного Институтом проектного менеджмента (PMI)¹. И т. д.

При выборе программного инструментария для ИА встает вопрос определения «тактического» пути: «Какой подход использовать — аналитико-статистический или нейросетевой?». По ряду соображений выбран первый. Для использования нейросетевого варианта требуется большой объем данных. Он более эффективен, если требуется работать с небольшим количеством параметров, определенных на дельтасете с большим количеством информационных срезов, и который можно разделить на обучающую, тестовую и рабочую выборки. В данном случае иная ситуация. Количество первичных документов, формирующих дейтасет относительно невелико — максимум десятки. Наоборот, количество параметров, определяющих искомую природу компетентностной модели, потенциально может быть большим: от нескольких десятков, до сотен. Второй аргумент — результаты аналитического подхода легче интерпретировать. Методы машинного обучения, реализующие аналитический подход, например, — деревья решений, в отличие от нейросетей, представляют правила прогнозирования в явной форме. Ну и наконец, чисто технологически развертывание нейросетевого инструментария в общем случае может быть более трудоемко и требует больших вычислительных ресурсов.

В качестве основного инструмента выбрана аналитическая платформа KNIME. Основной механизм разработки алгоритмов обработки в KNIME реализуется в форме визуальной компоновки готовых элементов (node, узлы) алгоритма обработки.

Решение поставленных задач укладывается в область компьютерной обработки и машинного обучения, связанную с обработкой естественного языка (NLP). Технологии NLP достигли практического уровня развития (актуальный обзор здесь [1]). KNIME содержит ряд встроенных средств такого рода. Дополнительно может быть использован библиотеки обработки текста на языке Python и других языковых сред, которые легко интегрируются в KNIME в виде узлов, содержащих фрагменты кода.

¹ PMBOK guide Project Management Body of Knowledge. Project Management Institute. A guide to the project management body of knowledge. — 7-th ed.; 2017. Newtown Square, PA.

Общий алгоритм обработки текстов с помощью узлов KNIME Text Processing предусматривает выполнение следующих шагов: 1) импорт данных, формирование датасета; 2) обогащение — фильтрация шума (стоп-слов), семантическое обогащение; 3) препроцессинг — распознавание сущностей (например, имен собственных), токенизация, POS-теги, выделение N-gram, коллокаций; 4) преобразование — преобразование в «мешок» слов, векторное представление; 5) первичная аналитика — подсчет частотности ключевых слов, основная статистика; 6) кластеризация, тематическое моделирование, собственно машинное обучение и другие продвинутые методы интеллектуального анализа данных. Реализованная в проекте процедура в целом следовала описанной выше логике.

Результаты исследования и обсуждение

В ходе исследования были реализованы следующие шаги и получены следующие результаты.

На этапе выявления и импорта данных был сформирован первичный датасет, вобравший в себя подходящий набор документов из образовательной системы и рынка труда, содержащих данные компетентностной модели.

В качестве опорного документа использовалась актуальная версия описания основной образовательной программы магистратуры «Управление проектами и программами», реализуемой в СЗИУ РАНХиГС. Данные магистерских программ других вузов собирались в разрезе любых отраслей деятельности и/или отдельных функциональных срезов проектного менеджмента. Примеры подходящих тематик программ: управление проектами, управление проектами в международной деятельности, менеджмент креативных проектов. В основном эти программы реализуются в рамках направления 38.04.02 «Менеджмент», но возможны и другие направления. Не рассматривались программы, связанные с подготовкой в области проектирования в технико-технологическом смысле. Примеры неподходящих тематик: автоматизированное проектирование конструкций, художественное проектирование швейных изделий, архитектурное проектирование.

В табл. 2 представлен использованный набор программ.

Структура этих документов более или менее стандартизована. Тем не менее с использованием предварительной ручной подготовки были удалены лишние разделы — служебные элементы текста, не имеющие прямого отношения к компетентностной модели: титульный лист, нормативные ссылки, требования к материальному обеспечению учебного процесса и другое. Оставлены в том виде как есть разделы:

- области и (или) сферы профессиональной деятельности выпускника;
- объект(ы) профессиональной деятельности выпускника;
- универсальные компетенции выпускников и индикаторы их достижения;
- общепрофессиональные компетенции выпускников и индикаторы их достижения;
- профессиональные компетенции выпускников.

В части формирования датасета требований рынка труда были отобраны профстандарты в сфере управления проектами (в скобках — число организаций разработчиков):

- 06.016 Руководитель проектов в области информационных технологий (14);
- 08.036 Специалист по работе с инвестиционными проектами (2);
- 10.015 Специалист по организации архитектурно-строительного проектирования (2);
- 24.005 Специалист по управлению проектами и программами в области атомного флота (1);
- 24.009 Специалист по управлению проектами и программами в области производства электроэнергии атомными электростанциями (1);

Состав дейтасета образовательных программ

Table 2. The composition of the dataset of educational programs

Наименование	Направление подготовки	ВУЗ	Год
Управление проектами и программами	38.04.02 Менеджмент	ФГБОУ Северо-Западный институт управления РАНХиГС	2021
Управление проектами	38.04.02 Менеджмент	ФГБОУ НИУ «МЭИ» Инженерно-экономический институт	2020
Маркетинг и управление проектом	38.04.02 Менеджмент	ФГБОУ Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б. Н. Ельцина	2020
Управление инновационными проектами и целевыми программами	38.04.04 Государственное и муниципальное управление	ФГБОУ «Российский государственный университет правосудия»	2021

- 24.093 Специалист по календарно-сетевому планированию проектов сооружения объектов использования атомной энергии (1);
- 40.034 Специалист по проектному управлению в области разработки и постановки производства полупроводниковых приборов и систем с использованием нанотехнологий (1).

Структура этих документов тоже более или менее стандартизована. Так же, как и с ОП и по тем же причинам, документы подверглись ручной обработке с удалением служебной нерелевантной информации. Были оставлены только разделы: «Описание трудовых функций, входящих в профессиональный стандарт (функциональная карта вида профессиональной деятельности)» и подразделы «Трудовая функция» в разделах «Характеристика обобщенных трудовых функций».

Информация о требованиях к работникам, непосредственно предъявляемых на рынке труда, была получена на основе анализа вакансий, размещенных на портале Head Hunter. Отбирались вакансии работников, принимаемых на позиции: руководитель проекта, project manager, проект-менеджер, специалист управления проектами, координатор проекта, администратор проекта. Для извлечения информации использовался механизм API. Всего получено информации по 5788 открытым вакансиям в разных регионах.

Наконец, в состав дейтасета была включена информация из набора документов сертификационных систем, стандартов и руководящих материалов профессиональных ассоциаций и институтов. В частности, были использованы рабочие материалы российской Ассоциации управления проектами COVNET по подготовке национального профессионального стандарта «Специалист по управлению проектом» [11]. А также требования к компетентности профессионалов в управлении проектами, программами и портфелями, разработанные международной ассоциацией управления проектами IPMA: на уровне организации — Organizational Competence Baseline¹ и на индивидуальном уровне — Individual Competence Baseline².

На этапе *предварительной обработки и фильтрации* и для повышения возможности соотнесения текстов проведена лемматизация. Здесь использовалась под-

¹ IPMA OCB, Organizational Competence Baseline / Требования к компетентности организации в области управления проектами. М.: ОЧУ «УКЦ «Проектная ПРАКТИКА», 2014. 137 с.

² IPMA ICB, Individual Competence Baseline, version 4 — IPMA, 2015.

ключенная к KNIME библиотека текстового анализа rymorphy¹, написанная на языке Python, а также Python-библиотека Pandas². Текст был также приведен к единому регистру и очищен от слов, не несущих содержательной информации (стоп-слова).

На этапе предварительного анализа с использованием имеющихся узлов KNIME: N-Gram Creator, Term Co-Occurrence Counter проведен частотный анализ изучаемых текстов, а также совместное использование терминов. В табл. 3 представлен фрагмент устойчивых словосочетаний, выявленных на материалах требований работодателей и в описании ОП «Управление проектами и программами».

Эти результаты позволяют сделать предварительный вывод о том, что наиболее часто употребляемые элементы формулировок требований к компетенциям, представленных в вакансиях Head Hunter, с одной стороны, и в исследуемом образце ОП, с другой, имеют мало совпадений. Работодатели и разработчики ОП делают разные акценты в контексте компетентностной модели. Отметим, однако, что в данном случае речь о «средней температуре по больнице» — частотность терминов в описаниях вакансий определялась на всем их массиве, без какой-либо структуризации этой профессиональной деятельности. Вполне возможно, что рассматриваемая магистерская программа соответствует какой-то конкретной разновидности профессии. Для уточнения ситуации необходимо реализовать ряд последующих шагов.

Первый из них — *выделение характерных укрупненных трудовых функций на материале требований, которые выставляют работодатели*. Для этого использовались методы машинного обучения. В частности, на начальной фазе использован узел KNIME: Topic Extractor (Parallel LDA). Алгоритм опирается на библиотеку моделирования тем³. Результат обработки массива требований вакансий Head Hunter представлен в табл. 4.

Метод Parallel LDA выделяет характерные части текстов: темы (topic), опираясь на логическую увязку используемой в них терминологии. Дальнейшая экспертная оценка позволяет предложить, например, следующую смысловую интерпретацию таким образом автоматически выявленных тем (см. соответствующую графу в табл. 4):

Таблица 3

Совместное появление терминов в описаниях вакансий работодателей и образовательной программы (фрагмент, словосочетания отсортированы по мере убывания частоты появления)

Table 3. The joint appearance of terms in the descriptions of vacancies of employers and the educational program (fragment, phrases are sorted as the frequency of appearance decreases)

Вакансии Head Hunter			Магистерская программа «Управление проектами и программами»		
Term1	Term2	SC*	Term1	Term2	SC
ведение	проект	300	исследовательский	научно	8
покупатель	тайный	240	государственный	организация	6
бизнес	лицо	226	организационно	управленческий	6
...	...	...	...	...	4

* SC (Sentence cooccurrence) — количество предложений, содержащих сочетание терминов.

¹ [Электронный ресурс]. URL: rymorphy2 <https://rymorphy2.readthedocs.io/en/0.2/index.html> (дата обращения: 13.08.2022).

² [Электронный ресурс]. URL: <https://pandas.pydata.org> (дата обращения: 13.08.2022).

³ MALLET: A Machine Learning for Language Toolkit [Электронный ресурс]. URL: <https://mimno.github.io/Mallet/index> (дата обращения: 13.08.2022).

Темы укрупненных трудовых функций, выделенные из требований работодателей (источник Head Hunter)

Table 4. Topics of enlarged labor functions, separated from the requirements of employers

Topic id	Concatenate (Term)	Интерпретация				
		1	2	3	4	5
topic_5	разработка, сайт, интернет, проект	*				
topic_4	процесс, бизнес, компания, оптимизация		*			
topic_8	проект, ведение, организация, руководитель		*			
topic_12	проект, управление, разработка, внедрение			*		
topic_10	технический, разработка, требование, задание			*		
topic_7	проект, контроль, работа, персонал			*		
topic_13	проект, контроль, управление, срок			*		
topic_3	работа, контроль, организация, строительство	*		*		
topic_0	заказчик, проект, потребность, организация				*	
topic_11	подготовка, коммерческий, договор, предложение				*	*
topic_1	клиент, поиск, новый, база				*	*
topic_9	покупатель, поиск, работа, тайный				*	*
topic_2	проект, команда, управлять, клиент			*		*
topic_6	продажа, курс, клиент, продукт					*

1 — явная предметная специфика (здесь: WEB-разработка и строительство);

2 — управление проектами развития организаций (организационное проектирование);

3 — общий менеджмент проектов (в том числе разнесенный по стадиям: планирование, организация, контроль);

4 — маркетинговая стадия проектирования;

5 — сопровождение проектов в коммерческом процессе (клиент, покупатель, продажа).

Аналитика KNIME сохраняет соотношение выявленных тематик с исходными требованиями вакансий (в их первичной формулировке). Например, для topic_10 к таким требованиям отнесены (представлен фрагмент из трех формулировок из имеющих 116):

- работа с входящими обращениями потенциальных клиентов. Коммуникации с клиентом, выявление потребностей, бриф, сбор и анализ требований, погружение в тему заказчика...;
- участие в подготовке и согласовании технических заданий и прочей документации по проектам. Взаимодействие с заказчиками проекта ...;
- аналитическая работа с проектами (анализ предметной области, ЦА и т. д.); Проектирование сайтов и мобильных приложений. Написание технических заданий.

Такой отобранный массив информации позволяет более точно, но уже в ручном режиме провести интерпретацию соответствующей темы. Например, мы видим, что в целом все формулировки укладываются в общий шаблон для topic_9: «технический, разработка, требование, задание». Но в последней формулировке присутствует предметная специфика (WEB-разработка). То есть ее можно было бы отнести и к topic_5.

Характер внутренней тематической целостности можно оценить косвенными способами. Например, можно попробовать провести укрупнение тематик, используя алгоритм кластеризации — узел KNIME: k-Means. Выбор количества кластеров в этом случае — процесс эвристический. В табл. 5 представлены 2 варианта: 5 и 3 кластера. Таблицу можно анализировать ортогонально по двум направлениям.

При анализе по строкам можно обнаружить, что наиболее характерными являются темы 0, 1, 4, 5 и отчасти — 9. Они контрастно соотносятся только с одним из кластеров. Причем в обоих вариантах кластеризации. Остальные хоть и имеют некоторые центры притяжения, тем не менее в некоторой степени уже разнесены по нескольким кластерам. Причем при изменении количества кластеров с 3 до 5 картина расслоения тем практически не меняется. Такая картина косвенно может характеризовать степень внутренней согласованности тем.

Таблица 5

Укрупненная кластеризация тем укрупненных трудовых функций
Table 5. Enlarged clustering of topics of enlarged labor functions

Темы	Количество вакансий темы, попадающих в кластер								Term
	Для пяти кластеров					Для трех кластеров			
	5.1	5.2	5.3	5.4	5.5	3.1	3.2	3.3	
topic_0	2		566	12		4	574	2	Клиент, переговоры, ведение, подготовка
topic_1				13	883		18	878	Проект, контроль, управление, работа
topic_2	5		1	218	10	6	217	11	Работа, покупатель, поиск, тайный
topic_3	5		11	346	9	6	355	10	Проект, поиск, оборудование, работа
topic_4	515	3		4		518	4		Проект, разработка, бизнес, внедрение
topic_5	5	4	6	624	18	8	620	29	Работа, организация, контроль, строительство
topic_6	5	3	10	323	21	6	335	21	Разработка, проект, сайт, клиент
topic_7		341		6		11	322	14	Проект, команда, заказчик, управлять
topic_8	3	1		188	3	4	188	3	Компания, сотрудник, проведение, продажа
topic_9	4		6	404	12	7	401	18	Проект, работа, руководитель, контроль
topic_10	4	4	9	316	4	5	327	5	Клиент, работа, продажа, новый
topic_11	5	1	15	326	12	7	340	12	Проект, ведение, управление, работа
topic_12	2	3	9	334	7	2	345	8	Проект, запуск, мероприятие, новый

«Вертикальный» анализ по столбцам объясняет характер самих кластеров. Наименее четкими выглядят кластеры 3.2 и 5.4. Они включают в себя в той или иной мере все темы. При увеличении числа кластеров с трех до пяти, кластер 3.2 как раз первым подвергается наибольшему расслоению — распадается на несколько кластеров. За счет выделения из него темы 0 образуется новый кластер 5.3, темы 7 — новый кластер 5.2. При этом кластеры 5.4. и 5.5 по-прежнему сохраняют комплексный характер. Подвержены ли они дальнейшему расслоению, можно будет судить только в случае последующего увеличения степени дробления. Наоборот, взаимосоответствующие пары кластеров 3.1 — 5.1 и 3.3 — 5.5 имеют устойчивый характер и практически не меняют своей природы. Это можно трактовать как обнаружение достаточно характерного паттерна компетенций. Такой анализ может быть полезен для выявления обобщенных компетенций или трудовых функций. Изменяя количество кластеров, можно подобрать ситуацию, с достаточной полнотой характеризующую тематическое пространство компетенций.

Следующим восходящим этапом в аналитической процедуре выступает *кросс-классификация документов*. Тут исследовался вопрос степени близости профессиональных требований из двух различных групп документов, например, — образовательных программ и профстандартов. Для проведения такого анализа документы преобразуются в векторную форму. Такая форма позволяет использовать широкий спектр алгоритмов машинного обучения: классификацию с помощью дерева решений, машины опорных векторов (SVM) и k ближайших соседей, а также ряд других алгоритмов ИА. Применяя полученное на одном наборе документов дерево решений к другому набору документов, мы получаем некоторую кросс-матрицу соответствия. В табл. 6 представлены результаты использования дерева решений, обученного на выборке документов образовательных программ, к набору профстандартов.

Смысловая интерпретация полученных данных может выглядеть следующим образом. Все магистерские программы полностью соответствуют требованиям ПрфСт 24.009 (этот феномен далее не анализировался). Программа СЗИУ РАНХиГС лучше удовлетворяет требования ПрфСт 08.041 и ПрфСт 08.036. А программа МЭИ — ПрфСт 40.034. Последние интерпретации вполне ожидаемы в силу специализации указанных вузов. Но при этом программа МЭИ демонстрирует и высокий уровень соответствия требованиям проектного менеджмента в области строительства и архитектуры.

Аналогично можно провести такую же кроссклассификацию требований между образовательными программами и руководящими материалами — табл. 7.

Таблица 6

Кросс-классификация ООП и профстандартов (метод Decision Tree, обучающая выборка — ООП, тестовая — Профстандарты, значения нормализованы в части учета размера документов)

Table 6. Cross-classification of Core Education Program and professional standards (Decision Tree method, training sample — Core Education Program, test — Professional standards, values are normalized in terms of accounting for document size)

Профстандарт	Коэффициенты связи образовательных программ с профстандартами			
	РАНХиГС	МЭИ	РГУП	УрФУ
ПрфСт 06.016_Руководитель проектов в области инфотехнологий_2021	0,025	0,000	0,053	0,321
ПрфСт 24.009_Спец по управлению проектами и программами в области производства электроэнергии атомэлектростанциями_2021	1,000	1,000	1,000	1,000

Профстандарт	Коэффициенты связи образовательных программ с профстандартами			
	РАНХиГС	МЭИ	РГУП	УрФУ
ПрфСт 25.037_ Спец по управлению проектами и программами в ракетно-космической промышленности 2021	0,138	0,000	0,326	0,137
ПрфСт 08.036_ Спец по работе с инвестиционными проектами_2021	0,288	0,250	0,266	0,298
ПрфСт 10.015_ Спец по организации архитектурно-строительного проектирования	0,200	0,500	0,155	0,047
ПрфСт 08.041_ Спец в сфере управления проектами ГЧП 2021	0,300	0,000	0,169	0,294
ПрфСт 40.034_ Спец по проектному управлению в области разработки и постановки производства П/П приборов и систем с использованием нанотехнологий	0,175	0,500	0,212	0,252

Таблица 7

Кросс-классификация стандартов/руководящих материалов и образовательных программ (Метод Decision Tree; обучающая выборка — Стандарты и руководящие материалы, тестовая — ОП, значения нормализованы в части учета размера документов)

Table 7. Cross-classification of standards/guidelines and educational programs (Decision Tree method; training set — Standards and guidelines, test — Education Program, values normalized in terms of accounting for document size)

ООП	IPMA 4.0 ОСВ	IPMA 4.0 ICB	COBHET Agile
РАНХиГС	1,000	0,167	0,569
МЭИ	0,000	1,000	0,872
РГУП	0,000	1,000	0,202
УрФУ	0,000	0,667	1,000

Интерпретируя эти данные, видим, что, например, развиваемая в ОП РАНХиГС компетентностная модель в большей мере корреспондируется с требованиями IPMA ОСВ и COBHET Agile, а ОП РГУП в наибольшей мере соответствует требованиям IPMA ICB. Дальнейший анализ и интерпретация получаемых результатов предполагают исследование и объяснение получаемых в ходе машинного анализа артефактов, но уже экспертным образом.

Заключение

Полученные результаты показывают, что задействование современных аналитических инструментов, реализующих технологии ИА, при относительно небольших затратах позволяет вполне успешно решать ряд задач проектирования компетентностных моделей ОП. В частности, для первичного выявления элементов компетенций, систематизации естественной структуры профессиональной деятельности на большом массиве данных, получаемых непосредственно с рынка труда. Другим полезным направлением является перекрестное сравнение раз-

личных моделей компетенций между собой с выявлением близости и конкретных различий.

Интеллектуальный анализ может найти применение и для решения метазадач. Например, на массиве компетентностных моделей достаточно большого объема уже разработанных ОП можно выявить общую кластерную структуру покрываемой ими профессиональной деятельности. И понять, насколько пересекаются образовательные программы разных вузов. Такой анализ может быть полезен, например, при конкурентном анализе. Можно попытаться определить степень покрытия полями компетентностных моделей ОП, совокупного поля компетентностных моделей профстандартов. И выявить лакуны. И так далее. Становится доступным и непрерывный мониторинг поля компетенций, что дает основу для усовершенствования используемых моделей.

Вместе с тем следует отметить, что некоторые полученные промежуточные результаты демонстрируют наличие не до конца разрешенных вопросов. Они касаются как охвата постановки задач, так и используемого инструментария ИА и интерпретации получаемых результатов. Например, в исследовании не опробовались перспективные нейросетевые технологии.

Требуют проработки вопросы оценки адекватности и точности получаемых машинным способом моделей. Двигаясь по этому пути, можно приближать использование технологий ИА в проектировании компетентностных моделей к полностью автоматическому режиму. На сегодняшнем уровне развития эта технология не может исключить экспертную оценку, реализуемую человеком. Однако роль технологий машинного обучения и дейтамайнинг может быть весьма значительной и заключаться в существенном сокращении размерности анализируемых данных. Они могут избавить эксперта, например, от необходимости сбора, просмотра и первичной группировки огромного количества первичных описаний профессиональных требований. Такие технологии позволяют автоматически генерировать обозримое поле рабочих гипотез, касающихся содержания компетентностных моделей.

Есть еще один принципиальный момент. Сам компетентностный подход как определенный вид формализации, своеобразной «компетентностной рационализации», имеет свои ограничения и недостатки и не может рассматриваться как доминирующий для описания качеств подготовки и профессиональной деятельности. Мы не имеем права сбрасывать со счетов социальные, этико-эстетические аспекты природы человека. А они часто остаются в общем поле общественного дискурса — реализуются «по умолчанию» и не попадают в сферу формального представления. Таким образом, они могут выпадать и из поля машинной аналитики. Следовательно, более высокие оценочные и прогностические суждения могут быть достигнуты только при совместном использовании ИА с экспертной оценкой, проводимой человеком. Такой синтез должен сохранить, наряду с выгодами привносимыми целенормативным подходом, роль в проектировании компетентностных моделей гуманистической составляющей культурогенетического подхода. Тем не менее применение ИА может способствовать формированию более полного изоморфизма между системой качеств образовательных программ и системой качеств профессиональной деятельности.

Литература

1. Белов С. Д., Зрелова Д. П., Зрелов П. В., Кореньков В. В. Обзор методов автоматической обработки текстов на естественном языке // Системный анализ в науке и образовании. 2020. № 3. С. 8–22.
2. Бородай А. Д. Профессиональные стандарты как фактор модернизации образовательных программ в рамках ФГОС 3++ // Сб. научн. трудов по материалам МНПК 2016–2020 гг.

- «Образование 4.0: конкуренция, компетенции, коммуникации и креатив». М. : Российский государственный гуманитарный университет, 2020. С. 32–40.
3. *Гаврилина Е. А., Захаров М. А.* Количественная оценка метакомпетенций учащихся на основе методов машинного обучения // Наука и Образование. Электронный журнал. 2015. № 04. С. 228–253. DOI: 10.7463/0415.0764221.
 4. *Грушевский С. П., Добровольская Н. Ю., Кольцов Ю. В.* Организация учебного процесса на основе нейросетевой компьютерной обучающей системы // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер. 3: Педагогика и психология. 2008. № 7. С. 142–148.
 5. *Захарова И. Г.* Методы машинного обучения для информационного обеспечения управления профессиональным развитием студентов // Образование и наука. 2018. Т. 20, № 9. С. 91–114. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-9-91-114.
 6. *Минаев Д. В.* Теоретические аспекты анализа образовательного товара и рынка профессионального образования. СПб. : СПбГИЭУ, 2003.
 7. *Пилипенко С. А., Жидков А. А., Караваева Е. В., Серова А. В.* Сопряжение ФГОС и профессиональных стандартов: выявленные проблемы, возможные подходы, рекомендации по актуализации // Высшее образование в России. 2016. № 6 (202). С. 5–15
 8. *Проектирование* основных образовательных программ, реализующих федеральные государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования: Методические рекомендации для руководителей и актива учебно-методических объединений вузов. Первая ред. М. : Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, Координационный совет учебно-методических объединений и научно-методических советов высшей школы, 2009. 80 с.
 9. *Ржеуцкая С. Ю., Харина М. В.* Способ автоматического подбора учебно-тренировочных заданий в информационной среде обучения студентов ИТ-направлений // Открытое образование. 2020. Т. 24. № 2. С. 17–28. DOI: 10.21686/1818-4243-2020-2-17-28.
 10. *Сазонов Б. А.* Классификация профессиональных образовательных программ в Российской Федерации: проблемы и возможные решения // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 20–30.
 11. *SOVNET-Agile*: руководство по компетентности профессионалов в управлении проектами классическими и гибкими методами в российских условиях. М. : Ассоциация SOVNET; Новые печатные технологии, 2020. 144 с.
 12. *Субетто А. И.* Онтология и эпистемология компетентностного подхода, классификация и квалиметрия компетенций. СПб. ; Кострома : Костромской государственный университет им. Н. А. Некрасова, 2006. 70 с.
 13. *Чучулина Е. В., Базеян А. А.* Разработка модели формирования человеческого капитала в условиях интеграции высшего образования России на мировой рынок образовательных услуг: монография. Пермь : Пермский государственный национальный исследовательский университет, 2020. 100 с. [Электронный ресурс]. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/chuchulina_bazeyan_razrabotka_modeli_chelov_kapitala.pdf (дата обращения: 20.03.2021).
 14. *Шехонин А. А., Тарлыков В. А., Вознесенская А. О., Бахолдин А. В.* Гармонизация квалификаций в системе высшего образования и в сфере труда // Высшее образование в России. 2017. № 11 (217). С. 5–11.
 15. *Pouliakas K.* Artificial intelligence and job automation: an EU analysis using online job vacancy data. Luxembourg: Publications Office of the European Union // Cedefop working paper. № 6. 2021 [Электронный ресурс]. URL: <http://data.europa.eu/doi/10.2801/305373> (дата обращения: 20.03.2021).

Об авторе:

Минаев Дмитрий Всеволодович, профессор кафедры менеджмента Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор экономических наук, профессор; minaev-dv@ranepa.ru

References

1. Belov S. D., Mature D. P., Rielov P. V., Korenkov V. V. Review of methods for automatic processing of texts in the natural language // System analysis in science and education [Sistemnyy analiz v nauke i obrazovanii]. 2020. N 3. P. 8–22 (in Rus).

2. Borodai A. D. Professional standards as a factor in the modernization of educational programs within the framework of the Federal State Educational Standard 3 + + // Sat. scientific works on the materials of the MNPk 2016–2020 “Education 4.0: competition, competencies, communications and creativity.” M. : Russian State University of the Humanities, 2020. P. 32–40 (in Rus).
3. Gavrulina E. A., Zakharov M. A. Quantitative assessment of student metacompetitions based on machine learning methods // Science and Education [Nauka i Obrazovanie]. Electron journal. 2015. N 04. P. 228–253. DOI: 10.7463/0415.0764221 (in Rus).
4. Grushevsky S. P., Dobrovolskaya N. Yu., Koltsov Yu. V. Organization of the educational process based on the neural network computer training system // Bulletin of Adygea State University [Vestnik Adygeiskogo Gosudarstvennogo Universiteta]. Ser. 3: Pedagogy and Psychology. 2008. N 7. P. 142–148 (in Rus).
5. Zakharova I. G. Machine learning methods for information support of student professional development management // Education and science [Obrazovanie i nauka]. 2018. Vol. 20, N 9. P. 91–114. DOI: 10.17853/1994-5639-2018-9-91-114 (in Rus).
6. Minaev D. V. Theoretical aspects of the analysis of the educational product and the market for vocational education. SPb. : St. Petersburg State University of Engineering and Economics, 2003 (in Rus).
7. Pilipenko S. A., Zhidkov A. A., Karavaeva E. V., Serova A. V. Conjugation of the FGPS and professional standards: identified problems, possible approaches, recommendations for updating // Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2016. N 6 (202). P. 5–15 (in Rus).
8. Design of the main educational programs implementing federal state educational standards of higher professional education: Methodological recommendations for managers and assets of educational and methodological associations of universities. First edition. M. : Research Center for Quality Problems of Training Specialists, Coordination Council of Educational and Methodological Associations and Scientific and Methodological Councils of Higher Education, 2009. 80 p. (in Rus).
9. Rzhetskaya S. Yu., Kharina M. V. Method of automatic selection of educational and training tasks in the information environment for teaching students in IT areas // Open education [Otkrytoe obrazovanie]. 2020. Vol. 24. N 2. P. 17–28. DOI: 10.21686/1818-4243-2020-2-17-28.
10. Sazonov B. A. Classification of professional educational programs in the Russian Federation: problems and possible solutions // Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2017. N 11 (217). P. 20–30. (in Rus).
11. SOVNET-Agile: a guide to the competence of professionals in project management by classical and flexible methods in Russian conditions. M. : SOVNET Association; New printed technologies, 2020. 144 p. (in Rus).
12. Subetto A. I. Ontology and epistemology of the competent approach, classification and quality of competencies. SPb.; Kostroma : Kostroma State University named after N. A. Nekrasov, 2006. 70 p. (in Rus).
13. Chuchulina E. V., Bazeyan A. A. Development of a model for the formation of human capital in the context of the integration of higher education in Russia into the world market of educational services: monograph [Electronic resource]. Perm : Perm State National Research University, 2020. 100 p. [Electronic source]. URL: http://www.psu.ru/files/docs/science/books/mono/chuchulina_bazeyan_razrabotka_modeli_chelov_kapitala.pdf (accessed: 20.03.2021) (in Rus).
14. Shekhonin A. A., Tarlykov V. A., Voznesenskaya A. O., Bakholdin A. V. Harmonization of qualifications in the system of higher education and in the field of labor // Higher education in Russia [Vysshee obrazovanie v Rossii]. 2017. N 11 (217). P. 5–11 (in Rus).
15. Pouliakas K. Artificial intelligence and job automation: an EU analysis using online job vacancy data. Luxembourg: Publications Office of the European Union // Cedefop working paper. N 6; 2021 [Electronic source]. URL: <http://data.europa.eu/doi/10.2801/305373> (accessed: 20.03.2021).

About the author:

Dmitry V. Minaev, Professor of the Chair of Management of North-West Institute of Management, Branch of RANEPa (St. Petersburg, Russian Federation), Doctor of Science (Economics), Professor; minaev-dv@ranepa.ru

Подходы к оценке состояния системы регионального профобразования*

Григорьев В. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Российская Федерация; grigorev-vy@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В статье рассматривается подход к построению системы индикаторов оценки состояния систем профессионального образования в регионах Российской Федерации, приводятся результаты выявленных статистических зависимостей между индикаторами состояния и влияющими на систему факторами.

Ключевые слова: показатели состояния системы профобразования, эконометрический анализ, доступность образования, факторы влияния

Для цитирования: Григорьев В. Ю. Подходы к оценке состояния системы регионально-го профобразования // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 84–98.

Approaches to Assessing the State of the Regional Vocational Education System

Valery Yu. Grigorev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russian Federation; grigorev-vy@ranepa.ru

ABSTRACT

The article discusses building a system of indicators for assessing the state of vocational education systems in the regions of the Russian Federation, proposes an approach for its assessment and presents the results of the identified statistical relationships between the state indicators and the factors affecting the system

Keywords: indicators of the state of the professional education system, econometric analysis, accessibility of education, factors of influence

For citing: Grigorev V. Yu. Approaches to Assessing the State of the Regional Vocational Education System // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 84–98.

В условиях введения санкций против Российской Федерации странами Запада вопрос подготовки профессиональных специалистов стал еще более актуален. Это касается как качества подготовки специалистов, так и соответствия структурных и количественных показателей подготовки по специальностям и профессиям среднего профессионального образования реальным потребностям экономики региона и России в целом. Важным является обоснованное целеполагание уровней участия населения в составе рабочей силы региона и, соответственно, в системе среднего профессионального и высшего образования. Задача обоснованного и адекватного определения контрольных цифр приема и объемов выделяемого бюджетного финансирования является методически неоднозначной, так как определяется не только экономическими, но и демографическими и социально-политическими факторами.

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР государственного задания РАНХиГС по теме «Оценка механизмов обеспечения устойчивого развития региональных систем профессионального образования».

Ее корректное решение позволило бы существенно повысить эффективность системы профессионального образования страны, что положительно сказалось бы на снижении давления на экономику страны за счет уже упомянутых санкций и ухода иностранных компаний и технологий из России и на общем улучшении «прозрачности» и обоснованности функционирования системы профобразования.

Вместе с тем предварительный анализ проводимых в России исследований в области образования не позволяет использовать полученные в них результаты в силу их ориентации на решение других задач, не связанных с анализом результативности функционирования самой системы профобразования. По-прежнему остается актуальной проблема получения ответа на вопрос, насколько эффективной является система профобразования в России, насколько обоснованы существующие контрольные цифры приема, насколько система сбалансирована и отказоустойчива.

В первом разделе настоящей статьи описывается постановка задачи и представлен обзор работ по исследуемой тематике. Во втором разделе описаны подход, методология, данные и результаты дескриптивного анализа. В третьем разделе описаны подход, методология, данные и результаты оценивания факторов. В четвертом разделе проведен обобщенный анализ зависимостей. В заключение сделаны выводы.

1. Анализ опубликованных за последние годы результатов российских и зарубежных исследований в области образования свидетельствует о существенных методологических прорывах по ряду направлений. Особенно впечатляют работы, связанные с анализом миграционных процессов в образовании [1; 2; 3; 9; 15] на базе гравитационной модели, когда уровень дискуссии вышел на стадию обсуждения нюансов метода оценивания и выбора предпочтительного для этого подхода между пуассоновской регрессией с фиксированными эффектами и методом максимального правдоподобия в пространственной авторегрессионной модели. Однако подавляющее большинство исследований профессионального образования так или иначе направлено на изучение специфики трудоустройства выпускников с выявлением, как правило, внутренних факторов, влияющих на его успешность [5; 8; 12; 13; 14; 16; 17]. В данном контексте под успешностью авторами понимается соотношение текущего занятия работников и полученных ими профессий, уровня и профиля полученного образования. В других работах акцент делается на выявление факторов, влияющих на продолжительность поиска работы [10; 11].

Часто успешность трудоустройства рассматривается как индикатор спроса и предложения [4]. С этим трудно не согласиться, но важно не забывать, что «спрос» на выпускников не тождественен «спросу» на образование. А при анализе образования, вообще говоря, важны доступность именно образования и спрос на «поступление» в образовательную организацию. До перехода на рынок труда еще неплохо бы закончить обучение, и на новом витке экономического развития страны в целом и региона в частности актуализировать список наиболее востребованных профессий и специальностей, рейтинги которых могут существенно поменяться за годы учебы. Поступающим в организации среднего профессионального образования (СПО) несомненно полезно знать о связи между работой студентов СПО во время обучения и успешностью их последующего трудоустройства, в том числе по полученной профессии или специальности [7], но при этом роль самой системы образования в определенной степени остается «за кадром».

Очевидно, что различных по предмету исследования групп много, но их результаты не позволяют в полной мере ответить на вопрос — а что происходит с самой системой профобразования? Достаточно ли она эффективна и устойчива? Сбалансирована ли она по спросу и доступности? Какие индикаторы позволяют оценить ее состояние и от чего оно реально зависит. В данной работе рассматривается

возможный подход к получению ответов на такие вопросы. Гипотеза исследования исходит из того, что существуют индикаторы, которыми можно попытаться оценить состояние самой системы регионального профобразования, а также статистически значимые зависимости между этими индикаторами и факторами влияния.

II. Оставляя за кадром вопрос качества образования, с экономических позиций можно говорить о трех блоках индикаторов, характеризующих всю систему профобразования: «Доступность — спрос»; «Устойчивость — сбалансированность»; «Эффективность — полезность», тем самым развивая тему, поднятую в [6]. Можно предполагать, что к блоку «доступность — спрос» относится большое число групп индикаторов, связанных как с прямыми показателями спроса-доступности, так и с косвенными, например, различные соотношения «профобразование-школарынок труда» в рамках общей возрастной группы или взаимосвязь образовательной миграции и профобразования региона. В настоящей статье рассматриваются индикаторы из двух групп — «уровень участия в СПО населения» и «прямая доступность СПО», непосредственно характеризующих спрос — доступность.

Первая группа — «уровень участия в СПО населения» (процентное отношение численности студентов в образовательных организациях среднего профессионального образования определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы) — отражает уровень охвата населения региона программами подготовки специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих.

Для анализа и оценки уровня участия в СПО населения использованы данные сводных отчетов по форме федерального статистического наблюдения № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования» и данные о численности постоянного населения по однолетним возрастам¹. На первом этапе оценка проводилась для девяти различных секторов СПО² и семнадцати возрастных групп³ для последнего релевантного 2019 года. Сводные результаты представлены в табл. 1 и 2.

Результаты в табл. 1 отсортированы по полю «Значение показателя по РФ в целом, %». Максимальное значение уровня участия 60,39% достигается в возрастной группе 18 лет и наблюдается в Вологодской области. В данной возрастной группе

¹ Численность постоянного населения — женщин по возрасту на 1 января // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/33459>. (дата обращения: 09.04.2022).

Численность постоянного населения — мужчин по возрасту на 1 января // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31548>. (дата обращения: 09.04.2022).

² СПО ВСЕГО — общая численность учащихся в образовательных организациях СПО;

СПО ППССЗ — численность учащихся СПО по программам подготовки специалистов среднего звена;

СПО ППКРС — численность учащихся СПО по программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих;

СПО ООО — численность учащихся СПО на базе основного общего образования;

СПО СОО — численность учащихся СПО на базе среднего общего образования;

СПО ГОС — численность учащихся СПО в государственных и муниципальных образовательных организациях;

СПО НЕГОС — численность учащихся СПО в частных образовательных организациях;

СПО ОФО — численность учащихся СПО по очной форме обучения;

СПО ЗФО — численность учащихся СПО по заочной и очно-заочной формам обучения.

³ Расчеты проводились для семнадцати возрастных групп: 13–39 лет; 15 лет; 16 лет; 15–16 лет; 17 лет; 15–17 лет; 18 лет; 15–18 лет; 19 лет; 15–19 лет; 16–18 лет; 16–19 лет; 17–18 лет; 20–24 года; 25–29 лет; 30–34 года; 35–39 лет.

**Уровень участия в СПО населения по возрастным группам
и регионам для категории СПО, всего, %**

Table 1. Level of participation in secondary vocational education of the population
by age groups and regions for the category of secondary vocational education, total, %

Возрастная группа	Значение показателя по РФ в целом, %	Значение максимума, %	Значение минимума, %	Регион максимума	Регион минимума
18 лет	47,65	60,39	22,01	Вологодская область	Чукотский автономный округ
17–18 лет	46,27	57,12	16,07	Оренбургская область	Чукотский автономный округ
17 лет	44,97	57,32	11,25	Оренбургская область	Чукотский автономный округ
16–18 лет	43,24	54,85	12,53	Оренбургская область	Чукотский автономный округ
16–19 лет	40,24	49,93	14,66	Оренбургская область	Чукотский автономный округ
16 лет	37,59	51,96	6,51	Краснодарский край	Чукотский автономный округ
15–18 лет	33,86	42,16	9,01	Краснодарский край	Чукотский автономный округ
15–19 лет	33,30	35,29	11,18	Костромская область	Чукотский автономный округ
19 лет	30,97	43,50	14,84	Пермский край	г. Севастополь
15–17 лет	29,67	38,70	5,81	Белгородская область	Чукотский автономный округ
15–16 лет	22,32	32,92	3,43	Карачаево-Черкесская Республика	Чукотский автономный округ
15 лет	7,22	23,05	0,75	Карачаево-Черкесская Республика	Чукотский автономный округ
13–39 лет	5,99	8,06	2,83	Республика Алтай	Ленинградская область
20–24 года	5,75	11,36	1,95	Республика Саха (Якутия)	Республика Адыгея

Возрастная группа	Значение показателя по РФ в целом, %	Значение максимума, %	Значение минимума, %	Регион максимума	Регион минимума
25–29 лет	1,31	4,41	0,35	Республика Калмыкия	Карачаево-Черкесская Республика
30–34 года	0,71	2,63	0,13	Магаданская область	Республика Дагестан
35–39 лет	0,53	2,05	0,10	Магаданская область	Карачаево-Черкесская Республика

Таблица 2

Уровень участия в СПО населения по возрастным группам и категориям СПО для Российской Федерации в целом, %

Table 2. Level of participation in secondary vocational education of the population by age groups and categories of secondary vocational education for the Russian Federation as a whole, %

Возрастная группа	СПО ВСЕГО	СПО ПИССЗ	СПО ПИКРС	СПО ООО	СПО СОО	СПО ГОС	СПО НЕГОС	СПО ОФО	СПО ЗФО
18 лет	47,7	38	9,7	39,6	8,0	44,3	3,3	46,2	1,5
17–18 лет	46,3	36,2	10,1	41,2	5,1	43,0	3,3	45,1	1,2
17 лет	45	34,6	10,4	42,6	2,4	41,8	3,2	44,1	0,8
16–18 лет	43,2	33,8	9,4	39,8	3,4	40,1	3,1	42,3	0,9
16–19 лет	40,2	32,2	8,0	35,9	4,4	37,4	2,8	39,1	1,1
16 лет	37,6	29,4	8,2	37,4	0,2	37,4	2,9	37,1	0,5
15–18 лет	33,9	26,5	7,3	31,3	2,5	31,4	2,5	33,2	0,7
15–19 лет	33,3	26,7	6,6	29,8	3,5	30,9	2,4	32,4	0,9
19 лет	31,0	27,3	3,7	23,6	7,4	29,1	1,9	29,3	1,7
15–17 лет	29,7	23	6,6	28,8	0,8	27,4	2,3	29,2	0,5
15–16 лет	22,3	17,5	4,8	22,2	0,1	20,5	1,8	22,0	0,3
15 лет	7,2	5,7	1,5	7,2	0,0	6,5	0,8	7,1	0,1
13–39 лет	6,0	4,9	1,1	4,7	1,3	5,5	0,4	5,2	0,8
20–24 года	5,7	5,1	0,7	2,9	2,8	5,3	0,5	4,1	1,6
25–29 лет	1,3	1,2	0,1	0,3	1,0	1,2	0,1	0,3	1,0
30–34 года	0,7	0,7	0,0	0,1	0,6	0,7	0,1	0,1	0,6
35–39 лет	0,5	0,5	0,0	0,1	0,5	0,5	0,0	0,1	0,4

наблюдается также и абсолютный максимум, как на уровне региона, так и в среднем по России в целом. Важно заметить, что не стоит сбрасывать со счетов даже возрастную группу 20–24 года, в которой и в среднем по РФ значение показателя превышает стандартную статистическую ошибку в 5%, а в отдельных регионах превышает отметку в 10%.

Таблицу 2 можно условно назвать «атлас СПО России». Из нее, в том числе, хорошо видно, что СПО — это исключительно очное обучение, а численность обучающихся по очно-заочной и заочной форме укладывается в рамки статистической погрешности.

В силу ограничений на размер статьи в дальнейшем мы ограничимся тремя индикаторами для единственного сектора «СПО ВСЕГО» и трех различных возрастных групп — 18 лет; 13–39 лет и 15–19 лет (IND01; IND02; IND03 соответственно).

В возрастной группе «18 лет» (IND01) уровень участия в СПО населения менее 33,33% (менее трети) наблюдается в шести регионах, включая г. Москву, Республику Дагестан, Республику Ингушетию и Чеченскую Республику. То есть по данному показателю Москву безусловно следует относить к республикам Кавказа. При этом в сорока шести регионах (55% регионов РФ) значение индикатора превышает 50%, максимум достигается в Вологодской области, и это абсолютный максимум среди всех возрастных групп (60,39%), а отношение максимума значения этого показателя к минимуму составляет 2,74.

В возрастной группе «13–39 лет» (IND02) три последних места занимают Московская область, г. Москва и Ленинградская область с уровнем участия в СПО населения менее 4%. При этом отношение максимума к минимуму составляет 2,85 и почти совпадает с показателем по группе «18 лет». В возрастной группе «15–19 лет» (IND03) после отбрасывания Чукотского автономного округа отношение максимума к минимуму составляет 2,24, при этом г. Москва и Ленинградская область снова оказываются в числе замыкающих список. Таким образом, во всех возрастных группах отношение максимума к минимуму превышает 2,2 раза.

Вторая группа с условным названием «прямая доступность СПО» представлена пятью индикаторами¹:

- отношение общей численности принятых в образовательные организации СПО региона на базе основного общего образования к общей численности выпускников организаций общего образования региона, получивших аттестат об основном общем образовании — характеризует предельный потенциал региона осуществлять подготовку специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих (IND04);
- отношение общей численности принятых в образовательные организации СПО региона на базе основного общего образования к общей численности выпускников школ региона, получивших аттестат об основном общем образовании, за вычетом численности продолживших обучение по образовательной программе среднего общего образования в школах региона — характеризует предельную текущую возможность региона осуществлять подготовку специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих (IND05);
- отношение общей численности принятых на базе основного общего образования в образовательные организации СПО региона на обучение за счет бюджетных

¹ Для анализа использованы данные сводных отчетов по формам федерального статистического наблюдения № ОО-1 «Сведения об организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам начального общего, основного общего, среднего общего образования» и № СПО-1 «Сведения об образовательной организации, осуществляющей образовательную деятельность по образовательным программам среднего профессионального образования».

- ассигнований к общей численности выпускников школ региона, получивших аттестат об основном общем образовании — характеризует предельный потенциал региона осуществлять подготовку специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих на бюджетной основе (IND06);
- отношение общей численности принятых на базе ООО в образовательные организации СПО региона на обучение за счет бюджетных ассигнований к общей численности выпускников школ региона, получивших аттестат об основном общем образовании, за вычетом численности продолживших обучение по образовательной программе среднего образования в школах региона — характеризует предельную текущую возможность региона осуществлять подготовку специалистов среднего звена и квалифицированных рабочих и служащих на бюджетной основе (IND07);
 - отношение стоимости одного семестра обучения в образовательных организациях среднего профессионального образования к средней заработной плате по региону — характеризует относительную доступность платного СПО (IND08)¹.

Количественные характеристики перечисленных выше индикаторов следующие. Значение индикатора IND04 менее 40% имеют 6 регионов, включая Ленинградскую и Московскую области (за вычетом Чукотского автономного округа), минимальное значение составляет 34,24%. С такими цифрами довольно проблематично говорить о возможности быстрого импортозамещения, основанного на профессиональном образовании. При этом, отношение максимума к минимуму составляет 2,13 (максимальное значение 73% достигается в Астраханской области).

Значение индикатора IND05 две трети и менее имеют 4 региона, включая Ленинградскую и Московскую области (минимальное значение составляет 57,23%). Это означает, что десятки процентов выпускников девятых классов, не пошедших (или не принятых) в 10 класс, ни при каком раскладе не могут попасть в систему среднего профессионального образования своего региона. У выпускников три пути: на рынок труда неквалифицированными рабочими; миграция в другой регион с целью поступления в образовательную организацию СПО там; «отдых».

В 11 регионах России значение индикатора IND06 составляет более 50%, однако еще в 18 регионах — менее трети, причем с ростом числа выпускников 9-х классов снижается число бюджетных мест в СПО, приходящихся на одного выпускника (рис. 1²). В 10 регионах России значение показателя не превышает 30%, причем, Москва уверенно занимает предпоследнее место, отставая на два процентных пункта даже от Республики Дагестан (Республика Ингушетия — 18,19%; г. Москва — 22,28%; Республика Дагестан — 24,16%).

С индикатором IND07 ситуация снова неоднородная, с одной стороны, в девяти регионах Российской Федерации на каждых 10 человек, не пошедших в 10-й класс, приходится более девяти бюджетных мест в СПО, а в трех регионах число бюджетных мест в СПО и вовсе превышает выпуск: г. Севастополь — 100,88%; Магаданская область — 104,76%; г. Санкт-Петербург — 116,38%. С другой стороны,

¹ Для анализа использованы следующие данные: 1) Средние потребительские цены (тарифы) на товары и услуги // Росстат. ЕМИСС. Государственная статистика [Электронный ресурс]. URL: <https://fedstat.ru/indicator/31448>. (дата обращения: 09.04.2022). 2) Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике по субъектам Российской Федерации за 2000-2021 гг. // Официальный сайт федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries. (дата обращения: 09.04.2022).

² На рис. 1 и 2: верхняя линия — квантильная регрессия для значения $\tau = 0.9$ зависимой переменной; нижняя линия — квантильная регрессия для значения $\tau = 0.1$ зависимой переменной; средняя линия — «классическая» регрессия для среднего значения зависимой переменной в совокупности с 95% доверительным интервалом (серая область).

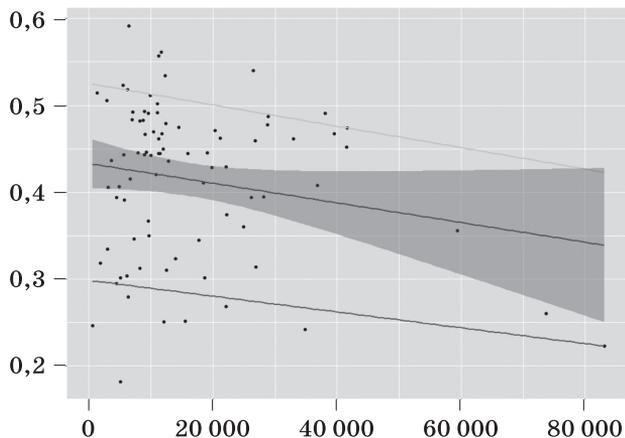

Рис. 1. Зависимость отношения общей численности принятых на базе основного общего образования в образовательные организации СПО региона на обучение за счет бюджетных ассигнований к общей численности выпускников школ региона, получивших аттестат об основном общем образовании, от общей численности выпускников школ региона, получивших аттестат об основном общем образовании

Fig. 1. The dependence of the ratio of the total number of students accepted on the basis of basic general education in educational organizations of secondary vocational education in the region on training at the expense of budgetary allocations to the total number of graduates of schools in the region who received a certificate of basic general education, on the total number of graduates of schools in the region who received a certificate of basic general education

в 38 регионах значение этого индикатора не превышает 75%, а в 19 субъектах России составляет менее 2/3 (включая Москву), и в 5 регионах — менее 50% (включая Московскую область). Абсолютный минимум в 31,7% наблюдается в Республике Дагестан.

Самое «относительно дешевое» СПО (IND08) имеет место в Магаданской области и Ямало-Ненецком автономном округе — стоимость годового обучения не превышает половины средней месячной заработной платы в регионе. Еще в одиннадцати субъектах Российской Федерации стоимость годового обучения с небольшим колебанием примерно соответствует средней месячной заработной плате в регионе. В 10 регионах России средняя годовая стоимость СПО превышает две средние месячные зарплаты в регионе, и абсолютными лидерами по «относительно дорогому» СПО являются: Новгородская область — годовая стоимость СПО составляет 249% средней зарплаты; г. Севастополь — 250%; Республика Дагестан — 253% и Кабардино-Балкарская Республика — 286%. При этом с ростом средней заработной платы в регионе отношение средней стоимости обучения к средней зарплате снижается (рис. 2), что вполне объяснимо.

III. На втором этапе выполнялось исследование зависимости индикаторов от факторов влияния. На верхнем уровне обобщения структура факторов, потенциально оказывающих существенное влияние на систему регионального профобразования, включает 8 факторных групп:

1. Группа 1 с условным названием «население», включающая демографические и структурные характеристики населения и миграционных аспектов, например: численность населения, удельный вес городского населения в общей численности населения, соотношение мужчин и женщин, возрастной состав населения, коэффициенты миграционного прироста и т. д.

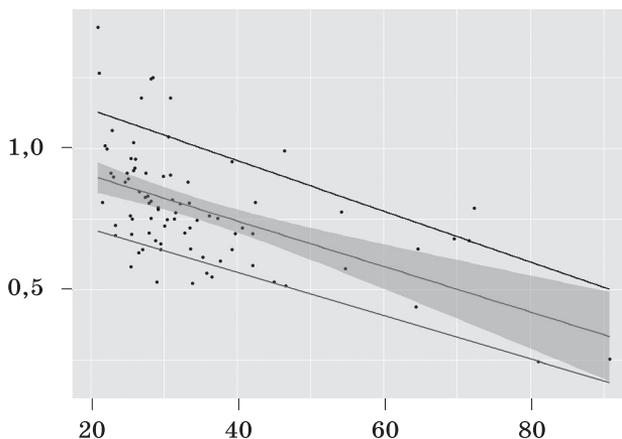

Рис. 2. Зависимость отношения средней стоимости обучения одного семестра в СПО к средней заработной плате по региону от средней зарплаты по региону
 Fig. 2. The dependence of the ratio of the average cost of training one semester to the average salary in the region on the average salary in the region

2. Группа 2 с условным названием «рынок труда», содержащая параметры рабочей силы, занятости и безработицы, например: численность и структура рабочей силы по возрастным группам и уровню образования, уровень участия в составе рабочей силы населения по возрастным группам, численность, структура и уровень безработицы по возрастным группам и уровню образования и др.

3. Группа 3 («цены и доходы») — характеристики уровня жизни населения и уровня цен в регионе, такие как: реальные денежные доходы, среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников организаций, численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, стоимость минимального (условного) набора потребительских товаров и услуг и т. д.

4. Группа 4 («образование») — параметры образовательных систем региона разных уровней, включая местную специфику и традиции, включающая в себя как данные различных форм статистических наблюдений (СПО-1,2; ВПО-1,2; ОО-1 и др.), так и расчетные показатели, сформированные на их основе.

5. Группа 5 («условия жизни») — параметры здравоохранения, культуры, туризма, экологии, жилищного строительства, услуг населению, автомобильных дорог, интернета и т. д., например: объем платных услуг населению, удельный вес домашних хозяйств, имевших широкополосный доступ к сети Интернет, плотность автомобильных дорог общего пользования с твердым покрытием; ввод в действие квартир на 1000 человек населения; численность среднего медицинского персонала на 10 000 человек населения и т. д.

6. Группа 6 («уровень развития и структура экономики») — валовый региональный продукт и его структура, основные фонды, инвестиции.

7. К характеристикам группы 7 («наука») отнесены параметры, попадающие в раздел 18 сборника «Социально-экономические показатели по субъектам Российской Федерации»¹, например, численность персонала, занятого научными исследованиями и разработками, внутренние затраты на научные исследования и разработки и т. п.

¹ Статистическое издание «Регионы России. Социально-экономические показатели» // Официальный сайт федеральной службы государственной статистики [Электронный ресурс]. URL: <https://rosstat.gov.ru/folder/210/document/13204>. (дата обращения: 09.04.2022).

8. Группа 8 («внутренние параметры системы профобразования») — структура подготовки кадров по профессиям и специальностям СПО; диверсификация и вариативность профессий и специальностей; баланс между показателями уровней образования в СПО, например, между численностью обучающихся по программам подготовки специалистов среднего звена и программам подготовки квалифицированных рабочих и служащих; внутренние дисбалансы системы, например, высокий процент пожилых педагогических работников.

В рамках данной статьи рассматривается влияние на индикаторы состояния системы СПО ряда факторов, связанных с группой «рынок труда». После предварительного анализа для регрессионной модели были оставлены семь факторов из двух факторных подгрупп — состав и структура рабочей силы региона и безработица¹:

- F3124 — уровень участия в составе рабочей силы населения региона, %;
- F3148 — средний возраст рабочей силы региона, лет;
- F3168 — доля имеющих среднее профессиональное образование в общей численности рабочей силы региона, %;
- F3062 — уровень безработицы населения региона, %;
- F3100 — доля безработных в возрасте 20–29 лет в общей численности безработных региона, %;
- F3084 — доля безработных со средним профессиональным образованием в общей численности безработных региона, %;
- F3105 — средний возраст безработных региона, лет.

Для каждой зависимости строилось три варианта модели — одна линейная и две логлинейных (в первом случае логарифмировалась только зависимая переменная, во втором — логарифмировались и зависимая, и объясняющие переменные):

$$Y_i = a + b_1x_{1i} + b_2x_{2i} + \dots + b_nx_{ni} + \varepsilon_i$$

$$\ln Y_i = a + b_1x_{1i} + b_2x_{2i} + \dots + b_nx_{ni} + \varepsilon_i$$

$$\ln Y_i = a + b_1 \ln x_{1i} + b_2 \times \ln x_{2i} + \dots + b_n \ln x_{ni} + \varepsilon_i,$$

где y — вектор индикатора состояния; x — матрица факторов влияния.

Технически для каждого варианта модели в цикле выполнялся следующий набор операций:

- выполнялась оценка модели обычным МНК;
- для проверки наличия гетероскедастичности выполнялись тесты Бройша — Пагана и Голдфельда — Квандта;
- для оценки вероятности пропуска объясняющих переменных выполнялся тест Рамсея;
- вычислялась матрица робастных ошибок коэффициентов, устойчивых к гетероскедастичности.

Ниже показан пример результата выполнения цикла расчетов для индикатора IND01 в варианте линейной модели.

```
## lm(formula = IND01 ~ F3124 + F3168 + F3148 + F3062 + F3100 +
##     F3084 + F3105, data = SPO)
##
## Residuals:
##      Min       1Q   Median       3Q      Max
## -25.4168  -3.3786   0.8193   3.8208  12.9014
##
## Coefficients:
##              Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
```

¹ Для краткости написания оставлена ID адресация переменных, используемая в единой базе ЦЭНО РАНХиГС.

```
## (Intercept) 89.8841 38.5305 2.333 0.02231 *
## F3124 -0.4630 0.1731 -2.674 0.00916 **
## F3168 0.5370 0.1918 2.800 0.00648 **
## F3148 -1.8184 1.0368 -1.754 0.08348 .
## F3062 -0.2501 0.2794 -0.895 0.37351
## F3100 0.1437 0.2088 0.688 0.49347
## F3084 0.1802 0.1395 1.292 0.20043
## F3105 0.7069 0.7191 0.983 0.32870
## ---
## Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
##
## Residual standard error: 6.305 on 76 degrees of freedom
## Multiple R-squared: 0.4984, Adjusted R-squared: 0.4522
## F-statistic: 10.79 on 7 and 76 DF, p-value: 2.303e-09
```

Тест Бройша-Пагана

```
##
## studentized Breusch-Pagan test
##
## data: model_SPO_1
## BP = 5.0783, df = 7, p-value = 0.6504
```

Тест Голдфельда-Квандта

```
##
## Goldfeld-Quandt test
##
## data: model_SPO_1
## GQ = 2.2277, df1 = 28, df2 = 27, p-value = 0.02032
## alternative hypothesis: variance increases from segment 1 to 2
```

Тест Рамсея

```
##
## RESET test
##
## data: model_SPO_1
## RESET = 0.78792, df1 = 2, df2 = 74, p-value = 0.4586
```

Робастные коэффициенты

```
##
## t test of coefficients:
##
## Estimate Std. Error t value Pr(>|t|)
## (Intercept) 89.88409 43.28553 2.0765 0.041225 *
## F3124 -0.46299 0.23261 -1.9904 0.050142 .
## F3168 0.53704 0.17175 3.1268 0.002504 **
## F3148 -1.81836 1.34936 -1.3476 0.181801
## F3062 -0.25010 0.27333 -0.9150 0.363077
## F3100 0.14370 0.34050 0.4220 0.674194
## F3084 0.18019 0.17233 1.0456 0.299072
## F3105 0.70687 1.20400 0.5871 0.558877
## ---
## Signif. codes: 0 '***' 0.001 '**' 0.01 '*' 0.05 '.' 0.1 ' ' 1
```

Сводные данные по результатам оценивания представлены в табл. 3.

Сводные данные по результатам оценивания регрессионных моделей

Table 3. Summary data on the results of the evaluation of regression models

Индикатор	Наилучший вид зависимости	R ²	F3124	F3168	F3148	F3062	F3100	F3084	F3105
IND01	y ~ X	0,498	-0.463 ¹	0.537**					
IND02	y ~ X	0,430		0.066*	-0.391*				
IND02	ln(Y) ~ ~ ln(X)	0,428		0.504*	-2.401.	0.129*			
IND03	y ~ X	0,473	-0.562**						
IND04	y ~ X	0,324	-0.643.					0.407.	
IND05	y ~ X	Статистически значимой зависимости не обнаружено							
IND06	ln(Y) ~ X	0,556				-0.0204*		0.0103*	
IND07	y ~ X	0,352				-0.897.			
IND08	ln(Y) ~ X	0,256	-0.034*		0.113*				

Примечание: ¹ Статистическая значимость: 0 **** 0.001 *** 0.01 ** 0.05 ' ' 0.1 ' ' 1

Приведенные в табл. 3 данные позволяют сделать следующие «частные» количественные выводы:

1) На уровне статистической значимости 1% при росте доли имеющих среднее профессиональное образование в структуре рабочей силы региона на один процентный пункт, уровень участия в СПО населения в возрасте 18 лет возрастает на 0,54 процентных пункта. Данная модель объясняет 50% общей дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,4984$).

2-1) Линейная модель: на 5% уровне статистической значимости а) при росте доли имеющих среднее профессиональное образование в структуре рабочей силы региона на один процентный пункт, уровень участия в СПО населения в возрасте 13–39 лет возрастает на 0,066 процентных пункта; б) при росте среднего возраста рабочей силы региона на один год, уровень участия в СПО населения в возрасте 13–39 лет сокращается на 0,39 процентных пункта. Данная модель объясняет 43% общей дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,4304$).

2-2) Логлинейная модель: на 5% уровне статистической значимости при росте уровня безработицы населения на 1% уровень участия в СПО населения в возрасте 13–39 лет сокращается на 0,13 процента. Данная модель объясняет 43% общей дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,4279$).

3) На 1% уровне статистической значимости при росте уровня участия в составе рабочей силы населения на один процентный пункт, уровень участия в СПО населения в возрасте 15–19 лет снижается на 0,56 процентных пункта. Данная модель объясняет 47% общей дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,4727$).

4) На 10% уровне значимости: а) при росте уровня участия в составе рабочей силы населения на один процентный пункт, отношение общего приема в СПО на базе ООО к общему выпуску из 9 класса снижается на 0,64 процентных пункта; б) при росте доли безработных со средним профессиональным образованием в общей численности безработных в регионе на один процентный пункт, отношение общего приема в СПО

на базе ООО к общему выпуску из 9 класса возрастает на 0,41 процентных пункта. Данная модель объясняет 47% общей дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,3237$).

5) Не выявлено статистически значимой зависимости между индикатором «Отношение общего приема в СПО на базе ООО к численности не пошедших в 10 класс» и ни одним из рассмотренных регрессоров.

6) На 5% уровне значимости: а) при росте уровня безработицы населения на один процентный пункт, отношение приема на бюджет в СПО на базе ООО к общему выпуску из 9-го класса снижается на 2%; б) при росте доли безработных со средним профессиональным образованием в общей численности безработных в регионе на один процентный пункт, отношение приема на бюджет в СПО на базе ООО к общему выпуску из 9 класса возрастает на 1%. Данная модель объясняет более 55% общей дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,5564$).

7) На 10% уровне значимости: при росте уровня безработицы населения в регионе на один процентный пункт, отношение приема на бюджет в СПО на базе ООО к численности не пошедших в 10 класс сокращается на 0,90 процентных пункта. Данная модель объясняет 35% общей дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,3516$).

8) На 5% уровне значимости: а) при росте уровня участия в составе рабочей силы населения на один процентный пункт, отношение средней стоимости обучения одного семестра в СПО к средней зарплате по региону уменьшается на 3,4%; б) при росте среднего возраста рабочей силы региона на один год, отношение средней стоимости обучения одного семестра в СПО к средней зарплате по региону возрастает на 11,3%. Данная модель объясняет 25,6 процентов общей дисперсии зависимой переменной ($R^2 = 0,2557$).

9) Не выявлено статистической зависимости ни одного из рассмотренных индикаторов от «доли безработных в возрасте 20–29 лет в общей численности безработных региона» и от «среднего возраста безработных».

IV. Более обобщенный анализ позволяет сделать следующие качественные выводы, часть которых еще требует дополнительного изучения:

1. Фактор «уровень участия в составе рабочей силы населения региона» всегда отрицательно влияет на вовлеченность в обучение в системе СПО и на доступность СПО, то есть, чем более экономически активно население региона, тем менее оно вовлечено в обучение в системе СПО, но и тем меньше доступность СПО в регионе.

2. Фактор «доля имеющих среднее профессиональное образование в структуре рабочей силы региона» всегда влияет положительно на вовлеченность в обучение в системе СПО — чем больше представлено СПО в структуре рабочей силы, тем более охотно поступают на обучение в систему СПО.

3. Аналогично (что несколько неожиданно) в плюс работает фактор «доля безработных со средним профессиональным образованием в общей численности безработных в регионе» — чем выше эта доля, тем больше процент выпускников поступает в СПО (и бюджетное и платное). Безусловно, этот вывод требует дальнейшего изучения, возможно, верна перевернутая гипотеза об обратном влиянии «массового» поступления в СПО на уровень безработицы.

4. «Уровень безработицы в регионе» отрицательно влияет на отношение численности бюджетного приема (то есть контрольных цифр приема в СПО) к количеству выпускников из 9 класса (как к общему выпуску, так и за вычетом продолжающих обучение в 10 классе), но положительно влияет на уровень участия населения в СПО для возрастной группы 13–39 лет, что представляется логичным.

5. Противоположным образом — негативно — на уровень участия населения в СПО в возрастной группе 13–39 лет влияет фактор «средний возраст рабочей силы», что возможно объяснить большей продолжительностью «дорабатывания» пенсионеров. Однако этот же показатель положительно влияет на стоимость плат-

ного обучения — можно сказать, что чем больше «долгорботающих пенсионеров» в регионе, тем относительно дороже там получить профессию в системе СПО.

V. Говоря языком эконометрики, на основании полученных результатов исследования можно утверждать, что нулевая гипотеза о возможности построения системы индикаторов оценки состояния региональных систем профессионального образования и комплекса влияющих на нее факторов не отвергается.

Приведенные результаты можно рассматривать как подход к формированию новой системы индикаторов состояния системы СПО, требующий дальнейшего развития и детализации.

Литература

1. Антосик Л. В., Ивашина Н. В. Моделирование пространственной зависимости миграционных потоков выпускников вузов РФ // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 54. С. 70–89.
2. Антосик Л. В., Ивашина Н. В. Факторы и направления межрегиональной миграции выпускников вузов в России // Вопросы образования. 2021. № 2. С. 107–125. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125>.
3. Вакуленко Е. С. Эконометрический анализ факторов внутренней миграции в России // Региональные исследования. 2015. № 4 (50). С. 83–93.
4. Варшавская Е. Я., Котырло Е. С. Выпускники инженерно-технических и экономических специальностей: между спросом и предложением // Вопросы образования. 2019. № 2. С. 98–128.
5. Гимпельсон В. Е., Капелюшников Р. И., Роцин С. Ю. (ред.). Российский рынок труда: тенденции, институты, структурные изменения. М.: Центр стратегических разработок, 2017.
6. Григорьев В. Ю. Оценка и анализ образования: что оцениваем? // Управленческое консультирование. 2019. № 11. С. 145–154. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-11-145-154>.
7. Дудырев Ф. Ф., Романова О. А., Травкин П. В. Трудоустройство выпускников системы среднего профессионального образования: все еще омут или уже брод // Вопросы образования. 2019. № 1. С. 109–136.
8. Лопатина М. В., Леонова Л. А., Травкин П. В., Роцин С. Ю., Рудаков В. Н. Выпускники среднего профессионального и высшего образования на российском рынке труда. Информационный бюллетень. М.: Изд. дом ВШЭ, 2020.
9. Москвина В. А. Моделирование межрегиональной мобильности выпускников вузов в России // Прикладная эконометрика. 2019. Т. 56. С. 99–122.
10. Мягков А. Ю. Студенты технического вуза: профессиональные компетенции и ожидания на рынке труда // Социологические исследования. 2016. № 6. С. 102–109.
11. Прахов И. А. Детерминанты ожидаемой отдачи от высшего образования в Москве // Вопросы образования. 2017. № 1. С. 25–57. doi: 10.17323/1814-9545-2017-1-25-57.
12. Стукен Т. Ю. Качество занятости выпускников на региональных рынках труда // Вестник КемГУ. Серия: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 33–39. doi:10.21603/2078-8975-2018-1-33-39.
13. Чередниченко Г. А. Положение на рынке труда выпускников системы высшего и среднего профессионального образования // Вопросы образования. 2020. № 1. С. 256–282.
14. McGuinness S., Pouliakas K., Redmond P. (2018) Skills Mismatch: Concepts, Measurement and Policy Approaches // Journal of Economic Surveys. <https://doi.org/10.1111/joes.12254>.
15. Mkrtchyan N., Vakulenko E. (2019) Interregional Migration in Russia at Different Stages of the Life Cycle // Geo Journal. Vol. 84. N 6. P. 1549–1565.
16. Smith E. (2017) Shortage or Surplus? A Long-Term Perspective on the Supply of Scientists and Engineers in the USA and the UK // Review of Education. Vol. 5. N 2. P. 171–199. doi: 10.1002/rev3.3091.
17. Verhaest D., Sellami S., van der Velden R. (2017) Differences in Horizontal and Vertical Mismatches across Countries and Fields of Study // International Labour Review. Vol. 156. N 1. P. 1–23. doi: 10.1111/j.1564-913X.2015.00031.x.

Об авторе:

Григорьев Валерий Юрьевич, ведущий научный сотрудник Института прикладных экономических исследований РАНХиГС (Москва, Российская Федерация), кандидат технических наук, доцент, лауреат Премии Президента России в области образования; grigorev-vy@ranepa.ru

References

1. Antosik L.V., Ivashina N.V. Modeling the spatial dependence of migration flows of graduates of universities of the Russian Federation // *Applied econometrics [Prikladnaya ekonometrika]*. 2019. Vol. 54. P. 70–89 (In Rus).
2. Antosik L.V., Ivashina N.V. Factors and directions of interregional migration of university graduates in Russia // *Educational Studies Moscow [Voprosy obrazovaniya]*. 2021. N 2. P. 107–125. <https://doi.org/10.17323/1814-9545-2021-2-107-125> (In Rus).
3. Vakulenko E. S. Econometric Analysis of Internal Migration Factors in Russia // *Regional Studies [Regional'nye issledovaniya]*. 2015. N 4 (50). P. 83–93 (In Rus).
4. Varshavskaya E. Ya., Kotyrlo E. S. Graduates of engineering, technical and economic specialties: between supply and demand // *Educational Studies Moscow [Voprosy obrazovaniya]*. 2019. N 2. P. 98–128 (In Rus).
5. Gimpelson V.E., Kapelyushnikov R.I., Roshchin S.Yu. (ed.). *Russian labor market: trends, institutions, structural changes*. M.: Center for Strategic Research, 2017 (In Rus).
6. Grigoriev V.Yu. Education assessment and analysis: what do we evaluate? // *Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]*. 2019. N 11. P. 145–154. <https://doi.org/10.22394/1726-1139-2019-11-145-154> (In Rus)
7. Dudyrev F.F., Romanova O.A., Travkin P.V. Employment of graduates of the secondary vocational education system: still a pool or already a ford // *Educational Studies Moscow [Voprosy obrazovaniya]*. 2019. N 1. P. 109–136 (In Rus).
8. Lopatina M.V., Leonova L.A., Travkin P.V., Roshchin S.Yu., Rudakov V.N. *Graduates of secondary vocational and higher education in the Russian labor market*. Newsletter. M.: Publishing house of HSE, 2020 (In Rus).
9. Moskvina V.A. Modeling of interregional mobility of university graduates in Russia // *Applied econometrics [Prikladnaya ekonometrika]*. 2019. Vol. 56. P. 99–122 (In Rus).
10. Myagkov A.Yu. Students of a technical university: professional competencies and expectations in the labor market // *Sociological research [Sotsiologicheskie issledovaniya]*. 2016. N 6. P. 102–109 (In Rus).
11. Prikhov I. A. Determinants of the expected return on higher education in Moscow // *Educational Studies Moscow [Voprosy obrazovaniya]*. 2017. N 1. P. 25–57. doi: 10.17323/1814-9545-2017-1-25-57 (In Rus).
12. Stuken T.Yu. Quality of employment of graduates in regional labor markets // *KemSU Bulletin. Series: Political, Sociological and Economic Sciences [Vestnik KemGU. Seriya: Politicheskie, sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki]*. 2018. N 1. P. 33–39. doi:10.21603/2078-8975-2018-1-33-39 (In Rus).
13. Cherednichenko G.A. Position on the labor market of graduates of the higher and secondary vocational education system // *Educational Studies Moscow [Voprosy obrazovaniya]*. 2020. N 1. P. 256–282 (In Rus).
14. McGuinness S., Pouliakas K., Redmond P. (2018) Skills Mismatch: Concepts, Measurement and Policy Approaches // *Journal of Economic Surveys*. <https://doi.org/10.1111/joes.12254>.
15. Mkrtychyan N., Vakulenko E. (2019) Interregional Migration in Russia at Different Stages of the Life Cycle // *Geo Journal*. Vol. 84. N 6. P. 1549–1565.
16. Smith E. (2017) Shortage or Surplus? A Long-Term Perspective on the Supply of Scientists and Engineers in the USA and the UK // *Review of Education*. Vol. 5. N 2. P. 171–199. doi: 10.1002/rev3.3091.
17. Verhaest D., Sellami S., van der Velden R. (2017) Differences in Horizontal and Vertical Mismatches across Countries and Fields of Study // *International Labour Review*. Vol 156. N 1. P. 1–23. doi: 10.1111/j.1564-913X.2015.00031.x.

About the author:

Valery Yu. Grigorev, Leading researcher of Institute for Applied Economic Research of RANEPА (Moscow, Russian Federation), PhD in Technical Sciences, Associate Professor, Laureate of the President of the Russian Federation Award in the Field of Education; grigorev-vy@ranepa.ru

Developing Students' Skills of Identifying Reliable Scientific Sources: The Role of a Librarian

Valeria A. Vasilyeva^{1, *}, Anatoly N. Shilov²

¹Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *vasileva-va@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-8300-5223

²Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; ORCID: 0000-0003-4870-9695

ABSTRACT

Purpose. The purpose of this paper is to provide modes of teaching Russian undergraduate students fundamental critical analysis of scientific papers and ways of identifying misinformation and disinformation in “Academic Writing” discipline.

Design/methodology/approach. “Academic Writing” discipline was taught to first-year undergraduate students by scientific library experts. At a starting period students were asked to complete a questionnaire and perform a test, and then write an essay to identify how students were able to assess Web scientific literature and verify their “tolerance” to inaccurate and fake scientific information. Then contact hours on theory and practice of identifying and assessing information were introduced into the curriculum. At the end of the semester lists of works cited in original essays and final essays were compared.

Findings. The findings reveal that entirely all first year undergraduate students lack the ability to differentiate between qualitative certain scientific information and misinformation and disinformation, and they willingly borrow anything from the Web. However, students acquired necessary skills to assess information critically using socio-technical systems infrastructures. This was demonstrated with list of literature analysis in students' essays and peer-checking.

Originality. It is headline news and social networks when it is necessary to distinguish from authentic and inaccurate information. However, skills of critical assessment of scientific publications are of vital importance at a starting period of studies. In publications of that sort falsifications, fabrications and other fake discoveries can lead to reputational and financial risks, and then trigger unethical demeanour of future researchers. It is qualified librarians being experts in electronic resources and data based use who are able to get students to “digital hygiene”.

Practical implications. The results of the paper can be used for teaching in university curriculum. Embedding information literacy and academic writing as well as involving information resources into students' curriculum are aimed at the ability to identify misinformation and disinformation. Librarian-developed “Academic writing” discipline component might be introduced into curriculum as a self-contained short course or a composing element of any students' academic discipline. All this mitigate the risks of applying low-equality, unverified and openly fake information in educational and scientific works.

Keywords: misinformation, disinformation, library expert, information literacy, academic writing, science information assessment, teaching critical thinking, digital hygiene

For citing: Vasilyeva V. A., Shilov A. N. Developing Students' Skills of Identifying Reliable Scientific Sources: The Role of a Librarian // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 99–115.

Развитие у учащихся навыков выявления достоверных научных источников: роль преподавателя-библиотекаря

Васильева В. А.^{1, *}, Шилов А. Н.²

¹Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *vasileva-va@ranepa.ru; ORCID: 0000-0002-8300-5223

²Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация; ORCID: 0000-0003-4870-9695

РЕФЕРАТ

Цель. Описать методы преподавания основ критического анализа научных документов и определения фейковой информации студентам бакалавриата в рамках дисциплины «Академическое письмо».

Методы. Дисциплину «Академическое письмо» готовили и преподавали студентам 1 курса специалисты научной библиотеки. В начале курса проводился небольшой опрос студентов и тест, а также было дано задание написать эссе, чтобы определить интересующую преподавателя ситуацию — умение студентов оценивать научную литературу в сети Интернет и уровень их «толерантности» к непроверенной научной информации. Затем в программу дисциплины были введены специальные часы, посвященные теории и практике определения и оценки информации и данных. По окончании семестра были подведены результаты обучения — проведен анализ списков использованных источников в первоначальных эссе и в эссе, написанных после изучения дисциплины.

Выводы. Практически все студенты бакалавриата на 1 курсе не могут отличить качественную, проверенную научную информацию от фейковой и легко воспринимают все, что «написано в интернете». Однако после серии лекций и практических занятий с применением инструментов анализа контента информационных платформ у студентов появились навыки критической оценки информации, что показала оценка списков литературы в эссе и взаимопроверка работ.

Оригинальность/ценность. О необходимости отличать качественную, проверенную информацию от дезинформации говорят в основном применительно к новостным лентам и социальным сетям. Однако в высшей школе с первого курса также важно дать навыки критической оценки научных публикаций, где фальсификации, фабрикация и иные фейковые открытия могут повлечь за собой репутационные и финансовые риски, а также спровоцировать неэтичное поведение будущих исследователей. Именно библиотечные специалисты, работающие с электронными ресурсами и базами данных, способны приучить студентов к «цифровой гигиене».

Практические последствия. Материалы данного исследования могут быть использованы в программах обучения университетов и колледжей. Дисциплины, направленные на обучение молодых людей информационной грамотности, академическому письму, работе с информационными ресурсами — все они сегодня должны содержать темы навыков распознавания фейковой информации. Разработанная библиотекарями часть модуля «Академическое письмо» может быть внедрена в обучение и как самостоятельный курс, и как часть любой дисциплины, связанной с научной работой студентов. Это значительно снизит риск использования обучающимися некачественной, непроверенной и откровенно фейковой информации в учебных и научных работах.

Ключевые слова: фейковая информация, дезинформация, информационная грамотность, академическое письмо, оценка научной информации, обучение критическому мышлению, цифровая гигиена

Для цитирования: Васильева В. А., Шилов А. Н. Развитие у учащихся навыков выявления достоверных научных источников: роль преподавателя-библиотекаря // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 99–115.

Introduction

The spread of the word “fake” over the Web has become ingrained in our everyday vocabulary. This term expresses both «false, often sensational, information disseminated under the guise of news reporting» [36] and Web publishing with no distinctive fake features. Detecting fakes is a process associated with informational social propriety. It also serves for securing fakes from being spread on a large scale. Fake aggression is pronounced in two ways. One is a social aspect when individual and public opinions are involved. Another is an extremist one associated with incitement to hatred and hostility that might later lead to fanning the unrest [41]. Considering the amount of disinformation and the speed it is spread by media we might witness harmful political, financial and social repercussions [43].

Mass media fake content is of attention of many. Scientific library experts are also of great concern in this matter as it is a library that manipulates with scientific information

in a capacity of a database explorer for higher institutions. However, experts, examining fake news, are indicative of considerable problems of verifying information as fake news may be false all way through or decontextualized which makes it false in part. Apart from this, there is news that angles real events. To challenge with that kind of information is obviously problematic. Under the circumstances, anti-faking in the Internet is creating a quandary situation. It is only possible when there are more specific media differentiating fake news and legitimate news, particular regulatory acts disseminating fake information, and continuous promoting and educative awareness [41]. The most difficult here is to detect scale and limits of scientific misinformation and disinformation. They consider “scientific” papers as fakes that are compiled from other sources or published with a great number of null or nonentitive references. In this connection, two terms have been introduced: “fake scientist” and “fake dissertation”. A term “fake scientist” is a dissertator presenting falsified or fake data in their research which in no point of fact has ever been done or performed. A term “fake dissertation” is a compilation of text fragments borrowed from another person’s works or an obvious supplantation. For example, in someone else’s researches they retain all qualitative indicators or quantitative implications, and in their research “meat” transforms into “milk”, the name of a geographical point is substituted for a different one, “managers” becomes “gynaecologists”, etc. [1; 31]. Open scientific misinformation and disinformation appear in nonpeer-reviewed, junk or predatory publications. In scientific discourse, for predacious publisher or predacious journal researchers they have discovered synonymies “false”, “pseudo”, “discredited” [19]. Other researchers [7] identified three broad types of fake information, namely, fabrications, broadscale hoaxes and humorous fakes. The term “misinformation” is also used, which refers to information that might be treated as honest mistakes [48].

Whatever term for fake publications is used it always leads to harmful effects. Whether such kind of information is spread through social network or news feeds or publications in journals it brings uniform hazard for society. Many researchers [2; 23; 24; 34; 44] paid a great deal of their attention to harmfulness of fake information for younger generation. However, scientific disinformation is to be under close research as a fake in science may do much more damage to society if compared to public grievance it might have from a fake about celebrities. This has become particularly clear in widespread danger of COVID-19 when numerous so-called researches might have had a great negative impact on public life [51].

A well-known story tells that three scientists purposely, for an experiment, created fake articles on social issues distributing them in journals. As a result, minimum seven out of total twenty articles were published, while their contents were not to be able to withstand even a moment’s scrutiny. With such an experiment researcher indicated the possibility of manipulations in scientific world. Manipulating may carve out a place in international scientific environment [27]. The publications generated by artificial intellect can also be treated as fakes, e. g. GPT-3 autoregressive language. Researchers in France and Russia detected an increase of publications of an incomprehensible and malformed contents and texts of empty meaning in Microprocessors and Microsystems, Elsevier publisher [5]. Along meaningless content such publications have erroneous references on unreliable and nonexistent sources, which can harm world science.

Detecting fake scientific information is not an easy thing even for professionals as scientific publications are mostly published in scientific journals and by reputable publishers. In 2020, Royal Chemical Society retracted nearly 70 published articles from their journals having detected systematic reproduction of falsified researchers. That activity got the name “paper mill” [49].

Occasionally, information is produced in a form of images, diagrams, tables or figures, so visual information is not easy to be recognized. Researchers in Great Britain proved that people are bad at identifying whether the image is true or undergone changes, using graphics editor, for example [32]. J. Schwartz [39] justifies necessity of introducing

a separate paragraph on visual literacy into information literacy. This shows that fake takes more sophisticated forms. In some cases, it may not be recognized. Distinguishing between fake and qualitative information is not easy even for a professional with no specialized knowledge. It is notably for Humanities. The last decades witnessed involution with pseudoscientific researches and publications. They are hardly distinguishable from quality publications, and in-depth study and rigorous evaluation of contents, structure, author's individual contribution and evidence of theses can help here. On the other hand, citation with no comments, not well-established complex scientific definitions, loose interpreting of terms or ambitious self-citation can also be indicative of low-quality scientific information [45]. No doubt, a younger generation student lacks relevant skills for objective reasons, which is illustrative of numerous researches all the world around.

In 2016 a group of Stanford University experts [42], conducted a challenging research aimed at estimating fundamental information competences with 1,000 young people all over the country. Those involved were secondary school, senior high school and college students. The participants were invited to use Web-resources of different levels — Facebook or Twitter news, online articles, Web-sites images, social networks posts, etc. depending on the type of a school or college. The obtained results were variegated and engaging, but general conclusion was rather disappointing — “digital natives” are very easily misled when it comes to evaluating or estimating information [42, p. 4].

Centres of academic writing or their counterparts are of great assistance to researchers and other scientific publishers all over the world. Those Centres secure assistance in evaluating quality of scientific information for citing. However, there are not many centres of this type in Russia, while there are a big number of educational institutions. In 2017, there were 14 centers but only 7 were really functioning [4]. The thing is even worth with “Academic Writing” discipline for students. While many professionals unanimously advocate for introducing that discipline into curriculum at a starting period of learning, better in school years, it has not become a part of curriculum at universities nowadays.

Once again, we have to make “Academic Writing” a mandatory discipline that teaches critical analysis of information, helps identify disinformation and leads to recognizing true materials borrowed from the Web.

Students are supposed to be taught to work with scientific information. We are in full alliance with those who think that it is a hard job for students to puzzle out the Web materials all by themselves [14; 30]. By no means all school curricula include information literacy disciplines. It means that in case there are no disciplines teaching university students how to differentiate between authentic and fake information, budding scientist and would-be pundit, objective and falsified research, then graduates will not be able to work with scientific information.

This study investigates teaching methods of critical evaluation of scientific information skills for first-year undergraduate North-West Institute of Management, branch RANEPА in their “Academic Writing” discipline. This discipline had been developed and taught by scientific library experts, who had been dealing with scientific information for years. Survey findings and tests at a starting period proved the idea of introducing contact hours for information analysis. The findings demonstrated low cognitive ability with first-year students to assess scientific materials properly. At the end of studies we estimated an acquired theoretical knowledge level and practical skills of students reasoning from produced essays and coursemates' peer-review.

Literature Review

Much has been written about information literacy. Researchers outline specialized disciplines, courses and seminars on information literacy teaching methods both in colleges and higher educational institutions [40; 47; 50] and public libraries [29]. It is mostly librar-

ians who organize those courses and seminars [46] since information resources in their traditional, paper and electronic format are accumulated in libraries. Besides, academic librarians work directly with information consumers — lecturers, students or participants in the course. They know problems related to their consumers' information literacy better than most [10].

A great number of information literacy courses promote critical thinking skills for qualitatively relevant information selection [33; 38]. V. Giri and M. Paily [15] examined the effects of applying the model of Toulmin's argumentation to enhance critical thinking upper-formers skills in secondary schools. They demonstrated this model to be more efficient in promoting critical thinking skills compared to a traditional approach.

However, it is not the entire picture of the matter concerned. In a broader sense, critical thinking is a keystone of civic engagement and inclusiveness [35], which makes it the main competence of the 21st century [14].

In this connection, it is becoming particularly important to teach students how to evaluate information from their first steps in a higher school. Young people find themselves in continuous communication when the primary means of communication for them are social networks and news feeds. This is the reason why researches on fake news and publications mainly concentrate on inaccurate or deceptive information being spread through multiple social media platforms and news feeds. They demonstrate methods in the battle against fake news via media literacy course [17; 29]. Recent research conducted by some researchers [34] reveals urgency of fake news in 2018. It also tells about wide spread of media literacy course in school curriculum.

The Role of Librarians in Promoting Students' Critical Literacies

Students find it difficult to evaluate adequacy and authenticity of educational and scientific information borrowed from the Internet. At that time they are not alive to the importance of the matter [26]. To identify students' true cognitive skills of literature selection some specific strategy and arrangements (tests, surveys, experiments, etc.) are required [8; 35]. Once the real matter of things becomes clear students are being taught skills of how to deal with scientific information. Along with traditional platforms of seminars and learning courses there might be unconventional forms of journalistic clubs [9] or activities on evaluation of articles containing deliberate mistakes [11].

It is library professionals who are busy with teaching media literacies skills at colleges and universities. Their role in a capacity of information professionals is on an incremental increase [13; 18; 33; 37]. Walsh [48] states that when teaching students how to evaluate information reliability librarians are supposed to teach how to identify disinformation. Disinformation and fake news are on a larger scale, thus it becomes difficult for librarians to enable students find ways of identifying reliable sources of information [28]. However, to prepare students to critically absorb information teaching librarians embrace aspects informational, media and digital literacies, in other words, "digital hygiene". At purpose seminars librarians introduce active components to see how reasonably students can detect fake news to make it clear if there are any vacancies in students' knowledge and assist them in getting required competence [3].

The literature emphasizes the urgent necessity of promoting critical thinking with students at colleges and universities nowadays, when social, scientific and personal communication is moving online. Students make at-risk group when they become consumers of fake information and disinformation. Librarian professionals fill in the blanks in pedagogics teaching critical evaluation of science literature for first-year undergraduate students in their "Academic Writing" discipline.

Research and Teaching Methodologies

Students are taught “Academic Writing” discipline in the first semester in their first year, i. e. at a starting period of education. “Academic Writing” discipline is a credit bearing course of three course credits. That equals 108 academic hours, which split as follows: 16 hours for lectures, 32 academic hours for practical studies, and the remaining 60 academic hours go to self-study. The purpose of the discipline is to develop writing skills and to teach an academic text strategy, rules of citation and referencing for first-year undergraduate students. The discipline lays the groundwork for students’ further disciplines where writing academic essays, scientific articles or any other kind of written tasks are required. In our particular case, there were totally 146 students for two academic years. There were young adults of 17–18 years old, who entered the Academy immediately straight after leaving secondary school. Before 2020 the discipline “Academic writing” had not been a part of academic curriculum, that it had not been taught to students. Since 2020 we have estimated effectiveness and usefulness of teaching thus discipline within two years. The results presented illustrate the scenario.

This made it reasonable to conduct a research to find a staging point to proceed further. It was dramatically important to realize whether students felt the difference between fake and verified information and where they were familiar with testing and checking it. The research was especially important to carry out because, as we have noted earlier, students are aware of their ability to “work” with information since their early years in the Internet and they see no problem in searching data. To motivate students for learning it becomes essential for professionals to realize where precisely students lack cognitive skills to perform relevant job sensibly.

The research was split into three stages, namely:

- (1) Quick recitation
- (2) Test on how to evaluate a scientific text
- (3) Analysing essays written by students

FIRST STAGE. The recitation included the following questions:

- Where do you receive information for your scientific paper?
- Can you distinguish between reliable and unverified science information?
- What makes scientific information different to any other (news, journalism, work of fiction)?
- What is quality indicator of science information for you?

As to the first question, totally 100% students responded that they borrow information from the Net. At the same time, they displayed full ignorance of electronic platforms providing access to scientific publications and data — Dimensions, Microsoft Academic, Scopus, Web of Science, etc. Not so many of them were familiar with Google Scholar and Russian Science Citation Index (RSCI).

The students also failed to differentiate authentic scientific information from unverified one. They were not able to call any checker. There were occasional responses when students treated the information as authentic in case they received it from their lecturer or teacher.

When asked a question what makes scientific information different from any other they failed to answer. Among the features that students contrasted between valid scientific information and unreliable information were scientese and academic voice, statistics and research methods used in scientific papers. However, reviewing process, when the article was reviewed and was considered scientific valid, remained vague for the students.

As to quality indicator for science information half of the students specified author’s reputation, scientific style of paper, true references. However, how to identify the reputation of an author students were not able to tell. Moreover, their knowledge of source reference quality was limited to Wikipedia.

Thus, the recitation revealed broad vacancies in students' knowledge on how to estimate authenticity and quality of scientific information.

SECOND STAGE. Students were asked to perform a test containing three reference links to articles of free access in the Net. The first reference made a link to a public article borrowed from Elsevier Publisher <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0148296319304564> (Fig. 1).

The second reference linked to an article borrowed from Social Science Research Network (SSRN) Repository, where authors are in a position to download their published works and preprints at their own discretion, which are censored afterwards — https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=3226476 (Fig. 2). The third article had a reference link to an article under a fictitious title in “The Atlantic” multiplatform publishers, in their “Science” sector — <https://www.theatlantic.com/science/archive/2016/08/sexism-in-the-stars/496037/article-comments>. The article was produced by a group of scientists making a social experiment spreading fake articles in different journals (Fig. 3).

Students were asked to distinguish between reliable and “suspicious” scientific papers. Students were not unanimous responding to that task. However, vast majority of students unflinchingly identified a scientific paper in Elsevier Publisher’s journal as a credible, verified and rigorously science-based one. Students also split over the two remaining papers, when half of them identified a SSRN Repository public article as a reliable paper while another half estimated The Atlantic popular science journal article as an original one. It is of particular note that students’ choice in favour of reliable paper was not a result of clear and rational basis as they were not able to produce evidence of their decision. It was a matter of “intuition”, of sensation rather than a reasoned choice.

THIRD STAGE. Students were asked to write a short academic essay on any topic of their interests. They were not posed any particular requirements or regulations or specific directions but only one — their essays should contain bibliography.

The screenshot shows the ScienceDirect website interface. The main article is titled "Literature review as a research methodology: An overview and guidelines" by Hannah Snyder, published in the Journal of Business Research, Volume 104, November 2019, Pages 333-339. The article is available under a Creative Commons license. The page includes an abstract, a table of contents, and a list of cited works. The abstract states: "Knowledge production within the field of business research is accelerating at a tremendous speed while at the same time remaining fragmented and interdisciplinary. This makes it hard to keep up with state-of-the-art and to be at the forefront of research, as well as to assess the collective evidence in a particular area of business research. This is why the literature review as a research method is more relevant than ever. Traditional literature reviews often lack thoroughness and rigor and are conducted ad hoc, rather than following a specific methodology. Therefore, questions can be raised about the quality and trustworthiness of these types of reviews. This paper discusses literature review as a methodology for conducting research and offers an overview of different types of reviews, as well as some guidelines to how to both conduct and evaluate a literature review paper. It also discusses common pitfalls and how to get literature reviews published." The page also features a sidebar with "Recommended articles" and "Article Metrics" (Citations: 9, Policy Citations: 9, Citation indexes: 1088, Captures: 14, Exports-Saves: 10795, Mentions: 1, Social Media: Shares, Likes & Comments: 1102, Tweets: 1097).

Fig. 1. Article from Elsevier Publisher

Fig. 2. Article from SSRN Repository

Fig. 3. Article from the Atlantic

Thus, at the initial seminars it became clear which particular aspects were to be of the most concern.

Students' essays contained very few valid references making a link to Web pages, Wikipedia specifically. In most cases the references did not reveal links to the source of information (a journal). There were links to URL but not the author's name. Apart from this, it became clear that students, when choosing such-like materials for citing in their essays, were easily bought into demonstratable features of fake information, such as impressive set expressions, nameless source materials ("British scientists"), manipulative semantics [43], etc.

Initially, "Academic Writing" discipline did not contain any components dealing with selection and analysis of scientific information, although principles and skills of citation made the subject of the lecture. Having performed the survey, we made some revisions in the curriculum for "Academic Writing" discipline with eight academic hours for theoretical and practical aspects of evaluation of scientific information.

Thematic discipline comprising eight academic hours was split into three components as follows:

- evaluation criteria by which reach and authenticity of information are ascertained (4 academic hours)
- reviewing scientific information as a quality attribute of an article (2 academic hours)
- ethics of source citation (2 academic hours)

Teaching Methods

Criteria for information evaluation

In their theoretical component (4 academic hours) students were explained the main criteria of reach and value of papers, namely: publisher's diagnosis; author's assessment; structure and content of a paper.

Such kind of approach for scientific information reliability assessment was introduced by P. Ky [25] where he made an assessment from four sides: authors and researchers' credentials, science-based feedback, peer-reviewing, and evaluation of scientific method.

As to how to diagnose a publisher and assess an author students were supposed to conduct an analysis using bibliometric data basis — Russian Science Citation Index, Scopus, Web of Science, alongside with public repository platforms and science social networks. Students were likely to develop the following skills:

1. Ability to search information to make sure the journal pertains to some publisher or some other institution, estimate time of origin of the journal, remit of the journal, editorial board composition, identify the rank of the journal in the world of science by means of research indicators;
2. Ability to identify author's affiliation to some institution, assess their publishing portfolio, academic field of interest, co-authorship;
3. Ability to assess a paper in terms of its structural composition, arguments, references and bibliography.

We made students clear that a risk of getting scientific disinformation becomes greater in case of placing it on uncertain sites or publishing it in unidentified and little-known journals. Special attention of students was drawn to verifying author's credentials, namely: wherever researcher's works were published, what their working area or affiliation is, who their co-authors are, if their contacts and affiliation are valid.

An infrastructure by means of which students were expected to identify and verify author or publisher's credentials was displayed through Web of Science and Scopus lists of journals indexed, Publons platform, SSNR and ResearchGate science-based social networks, and optional Dimensions and Microsoft Academic platforms.

In case of an obvious fake publication (above-mentioned part of the test with The Atlantic article) we demonstrated that there is no for-real author with such a name, no database contains any relevant information about them, and no possibility to identify their affiliation. All this is expected to get attention of those who use science literature.

In some cases, structural composition and content of scientific paper can assist a reader to differentiate a reliable scientific article from a fake one. Majority of journals follow a structured format for an article written, e.g. IMRAD (Introduction, Methods, Results and Discussion), that makes every aspect of a research clearer. Having examined IMRAD formatting, we emphasized that a scientific paper is to contain three essential elements as follows:

- theoretical background, i. e. literature review of the research of concern,
- a clear in-depth description of research methods,
- comprehensive and coherent description of findings.

Why do scientific articles contain these mandatory elements? This is for reason if a research and its article are not fake, any curious scientist might have a possibility to duplicate the research in whole or in part. There is also a possibility to duplicate only a part of the research, for example, use described methods with the aim of gaining their own alternative findings for a particular situation. Or, the findings in both researches are similar but the methods used were new. Whatever the case is science is progressing: researchers make arrangements for scholarly disputes and reveal new findings.

When a paper contains research methods obscurely described, findings not stated, literature review ignored, references are very few, worth a thought if it is true but a fake. Students were demonstrated every element in their case studies asking them to come up with validated and well-thought assessment.

Students were also warned of the importance of obvious note “Retraction”. Risk of using retracted publications is boosting, especially when searching for literature in bibliographic database. A case in point relates to articles retracted by Royal Chemical Society in 2020. Students were shown a search result based on Scopus scientometric base citation detecting a fake article and notifying it retracted [12]. (Fig. 4).

Search within results...

Refine results

Limit to Exclude

Open Access

All Open Access (2) >

Gold (2) >

Green (1) >

Learn more

Year

2021 (1) >

2019 (1) >

Author name

Fisher, L. (1) >

Jin, D. (1) >

Documents Secondary documents Patents View Mendeley Data (500058)

Analyze search results Show all abstracts Sort on: Date (newest)

All CSV export Download View citation overview View cited by Save to list

Document title	Authors	Year	Source	Cited by
1 Erratum: Berberine alleviates amyloid beta-induced injury in Alzheimer's disease by miR-107/ZNF217 (RSC Advances 2019) 9 (25232-25239) DOI: 10.1039/C9RA04500G <i>Open Access</i>	Fisher, L.	2021	RSC Advances 11(9), pp. 5001	0
View abstract View at Publisher				
2 Berberine alleviates amyloid beta-induced injury in Alzheimer's disease by miR-107/ZNF217 <i>Open Access</i>	Wang, J., Jin, D.	2019	RSC Advances 9(43), pp. 25232-25239	5
View abstract View at Publisher Related documents				

Display: 20 results per page 1 < > ^ Top of page

Fig. 4. Retracted article on Scopus scientometric base

Inexperience in information analysis stymies a reader to detect a fake in the initial publication. Students were alerted to pay particular attention to the warning “erratum” or “retraction” to make them realise whether the paper is authentic and reliable or fake.

Reviewing scientific information

Reviewing scientific information became the second thematic component of a revised curriculum of “Academic Writing” discipline with 2 academic hours. We were to intent on making students understand that reviewing is the main criterion of distinguishing between reliable and fake information [26]. Leading journals and reputable publishers maintain their own staff of reviewers who bear their responsibility for the information presented with them. Availability or deficiency of scientifically acceptable reviewing is also likely to be detected while assessing scientific information borrowed from the Net. Analysing reviewing of a publisher students’ attention was drawn to Publon platform where they could find reviewers’ credentials, journals’ reviewing record, list of confirmed reviewers on a particular discipline, region and concrete journal.

Students were extremely impressed with clear and easy to understand reference of disinformation: unverified information about causes of obesity or coronary heart disease when “saturated fat is the major dietary villain” [21], ozone layer depletion harmed by deo sprays [20] , seventy articles of Royal Chemical Society containing disinformation about chemicals and healthcare products for various diseases [6].

Ethics of source citation (2 academic hours)

Special students’ attention was paid to ethics of dealing with someone else’s texts, getting skills of accurate citation, detecting wrong, null or faulty references in science-based texts that shall hamper complicate scientific communication. Some warning was made to avoid referencing on Wikipedia, personal blogs or social networks in academic papers. Students were explained that using fake references from someone else’s unverified texts shall spread fake information even where the author’s text is valid and reasonable.

As a practical task students were asked to identify the primary source of information following references from the list of bibliography for a published quasiscientific article in a junk journal of poor quality papers. When completing the task students were astonished that following the references they were not able to detect indicated sources of information but found non-existent Web pages, and then “phantom” publications. They felt screwed, which was the best way to demonstrate how important it is to acquire proper citation skills.

Learning and Training Outcomes

Impact of teaching methods and principles for “Academic Writing” discipline was clarified upon examination results. First, students were to be ready for their performance appraisal composed of two parts:

- a written essay when students were offered either to stick to their original topic or choose a new topic for them,
- educational “double blind reviewing” role play where essays performed were randomly split among the students involved to check their coursemates’ essays.

Then, on condition the two parts were performed successfully students were to take an exam where they orally responded to the examiners’ questions.

The essays students presented for their exam were dramatically different to those they displayed initially at a training start. Considering the purpose of the paper is methods of teaching critical analysis of scientific literature via the Net validity of students’ essays in terms of academic writing, style, thoroughness of topic’s elucidation remains

beyond the scope of the research. The essays were scrutinized for using fake publications, unconvincing and unverified information, inaccurate and inadequate references in bibliography.

In total, 132 essays were presented and compared with 141 essays presented ad initium. Prior to a training start 42 essays out of 141 presented contained no references to the sources used, thus they were not considered for comparison. For a similar reason, 12 essays out of total 132 at the end of teaching period were withdrawn but it is worth mentioning that the essays with no references to the sources used were 10% fewer.

Remaining 120 essays were examined for the efficient use of applied methods of critical analysis of publications. At this stage the following results were obtained:

- (1) references to popular journals with unverified information via the Web — 13 essays;
- (2) references to licence information from corporate subscription resources (recommended) — 98 essays;
- (3) references to traditional paper publications (books) — 27 essays;
- (4) reference to legislative and regulatory documentation — 12 essays;
- (5) references to fiction — 6 essays;
- (6) references to credible sources with verified information — 46 essays.

A clarification should be made: a number of essays contained more than one types of references mentioned above.

Then the references produced were summarized and classified as verified, nominally verified and fake. The publications borrowed from licence materials (subscription resources), references to “golden open access” materials, regulatory documents and textbooks were treated as verified. References to fiction in its paper or electronic form were considered nominally verified. References to Wikipedia, advertising literature, blogs, popular tabloids and with-no-name Web pages were classified as fake.

Results obtained and results received at a training start were compared (Table).

Taking into account that the number of essays under examination differed all data were summarized and translated into quality approved approach (Fig. 5 and Fig. 6)

Results obtained demonstrated positive fallout from relevant teaching sessions., However, we have not managed to uproot students’ habit to refer to unknown pages in the Internet. 10% of works contained that kind of references. We assume the reason for that disappointing result was an unexpected transition to the hybrid education at the peak of second-wave corona virus pandemic when one of the most efficient ways of skills consolidation (public discourse or dialogue) became no longer possible. Another possible reason might be for those students who missed some sessions.

At the second stage of the task students were offered to take part in an educational game called “double blind peer reviewing”. Students were asked to evaluate someone else’s essay by using 3D discipline method introduced by B. Green [16]. This method

Table

Reference distribution per verified, nominally verified and fake in bibliography sources

Essays, total	Starting Point — 99	Completion — 120
References, total	95	164
References to 1st essay	1,0	1,4
References verified	30	143
References nominally verified	15	6
References fake	50	11

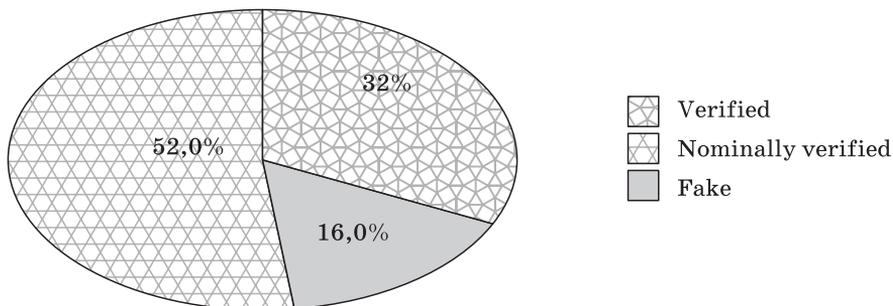

Fig. 5. Distribution of sources of information prior to a training start

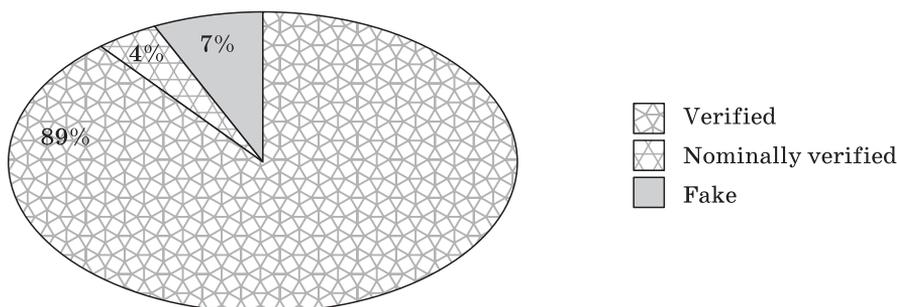

Fig. 6. Distribution of sources of information upon discipline completion

implicates three-dimensional text evaluation — operational, critical and cultural. Students were supposed to evaluate each dimension according to a points system (with maximum points 100), then they produced a narrative summary following no particular form, i. e. using own words. In a capacity of a reviewer students felt much more confident and could fairly identify inaccuracies. They gave their coursemates' lists of literature more meticulous attention compared with their focusing on the matter in their own essays. Such kind of a play inspired great students' interest proving suitable and productive way of refreshing or reiterating information evaluation. Some summarizing narratives made it clear that students had soundly digested the discipline content. In one of the summaries a student says:

“The arguments produced seem unconvincing easy assumptions and generalities. The author refers to general fiction rather than science-based articles, news or research results or findings. A number of unfounded claims are produced. The author blames Russia in autocracy or Bill Gates in conspiracy to dispeople the planet. That sort of broad statements should be underpinned by science-based articles or research evidence...”

Findings and Further Research

Librarians — both in Russia and many other countries — contribute greatly into promoting students' information literacy. It is worth noting that disciplines aimed at boosting critical thinking require undivided attention and continuous refreshment and perfecting. What is of primary current concern is detecting relevant information alongside with lowering the risk of using fake publications in all their varieties.

One major detected problem in terms of initial assessment of information with students is the fact that students ignore clear “hooks” used by those who spread fake informa-

tion, i. e. particular headlines, emotionally charged language to attract special attention, conspiracy theories and many more. Such type of information normally top an inquiry answer in search engines and presented in clear simple language, which for an inexperienced day-old school-leaver might seem authentic.

Problems arising from low cognitive students' skills of detecting disinformation and fake information are due to the fact that there are no widespread academic literacy disciplines in academic curriculum in Russian colleges and universities. Academic writing, critical thinking, information evaluation, policing content on communication platforms disciplines are by no means taught in Russian higher institutions. Unfortunately, it was only twelve years ago when foreign practices of teaching academic writing and critical thinking reached Russia being introduced in colleges and higher educational establishments through Academic Writing Centres recently setup. It is only nowadays when they are getting widespread use.

Experience gained proved that eight academic hours were fairly enough to teach students to lower the risk in their battle against fake science-based information for their self-study within "Academic Writing" discipline framework. On separate occasions, we taught graduate students how to deal with academic texts. Those students had not had "Academic Writing" discipline in their curriculum, nor had they had any academic hours for learning information verification skills. In most cases students distributed sources of information into verified, nominally verified and fake as poorly as our current students used to do at their initial steps of learning the discipline. It becomes obvious that it is only in their first year, at the start of their tuition, education students have a possibility to acquire the required writing skills, most probably with the help of library experts only. They will have no further opportunities for getting these skills. In their second and third years of undergraduate programmes students are focused on their major, vocational and qualification subjects. They have no possibilities of getting academic writing skills or, what is even more important, improving their information verification skills since their academic curriculum has not been timetabled for that purpose. In fact, the situation remains in place.

The fact that while peer-checking and assessing their coursemates' essays students displayed better understanding of academic writing principles, source use etiquette, and scientific information evaluation rather than in their own produced essays can be interpreted differently. On the one hand, students acquired fairly sophisticated skills in their ability to evaluate and assess academic texts. On the other hand, students lacked practices of producing their own texts within limited academic hours for "Academic Writing" discipline. We have full understanding of the fact that the discipline is to be expanded and enlarged, introducing extra academic hours for identifying information teaching. The mandatory discipline are as follows:

- Research factors and scientometric indicators (in order to be able to get clear information about journal rating, author's reputation and their affiliation to a relevant institution).
- Ethics in borrowings from texts (where and how to make references to science-based information).
- Information databases and platforms to be able to work with information and data, most of which are part of bibliography managers.
- "Predatory" and clone journals (it is them which spread unverified information and are fake in their nature).
- Guidelines of using drawings and illustrations borrowed from other authors' articles
- Principles of retracting scientific publications, etc.

Notwithstanding, whatever continuum of any abilities and skills, critical thinking and information selection skills included, there is no ending headway [22]. Improving and mastering the skills is a life-long process. A university teacher's challenging aim is to

provide a framework for students' further progress in their earliest years of education. We will teach young people to think critically assessing information acquired, avoid using fake news or falsified researches, analyse, dispute, challenge and verify, and then students will become scholastic informationally-armed competent professionals.

In the scope of current research there is no answer to the question whether the skills students obtained shall stay with them further. Today they are second-year undergraduate students, and we aim to continue our mutual collaboration with them but in a different format, for example, by arranging specialized seminars or involving them into "writing group" club.

References

1. Abalkina A. (2019), 'Scientific falsification'. *Troitskiy Variant — Nauka*, 270, 12. [Абалкина А. Научный фальсификат // Троицкий вариант — наука. 2019. № 270. P. 12]. (In Rus).
2. Allcott H. and Gentzkow M. (2017), 'Nber Working Paper Series Social Media and Fake News in the 2016 Election'. *Journal of Economic Perspectives*, 31, (2), 211–236.
3. Auberry K. (2018), 'Increasing students' ability to identify fake news through information literacy education and content management systems'. *The Reference Librarian*, 59, (4), 179–187.
4. Bazanova E. and Korotkina I. B. (2017), 'Russian Writing Centers Consortium'. *Higher Education in Russia*, 211, (4), 50–57. [Базанова Е. М., Короткина И. Б. Российский консорциум центров письма // Высшее образование в России. 2017. № 4 (211). P. 50–57]. (In Russ.).
5. Cabanac G., Labbé C. and Magazinov A. (2021), 'Tortured phrases: A dubious writing style emerging in science. Evidence of critical issues affecting established journals', arXiv:2107.06751, 0–3.
6. Christopher J. (2021), 'The raw truth about paper mills'. *FEBS Lett*, 595, 1751.
7. Conroy N. J., Rubin V. L. and Chen Y. (2015), 'Automatic deception detection: methods for finding fake news'. *Proceedings of the Association for Information Science and Technology*, 52, (1), 1–4.
8. Eldermire E. R. B., Fricke S., Alpi K. M., Davies E., Kepsel A. C. and Norton H. F. (2019), 'Information seeking and evaluation: A multi-institutional survey of veterinary students'. *Journal of the Medical Library Association*, 107, (4), 515–526.
9. Esiş M. (2007), 'Journal clubs'. *BMJ*, 335, (7623), s138 LP-s139.
10. Faix A. (2014), 'Assisting students to identify sources: An investigation'. *Library Review*, 63, 624–636.
11. Ferenc J., Červenák F., Birčák E., Juríková K., Goffová I., Gorilák P., Huraiová B., et al. (2018), 'Intentionally flawed manuscripts as means for teaching students to critically evaluate scientific papers'. *Biochemistry and Molecular Biology Education*, 46, (1), 22–30.
12. Fisher L. (2021), 'Erratum: Elevation of USP4 antagonizes oxygen glucose deprivation/reoxygenation-evoked microglia activation and neuroinflammation-mediated neurotoxicity: Via the TRAF6-NF-κB signaling (RSC Advances (2019) 9 (23916–23924) DOI: 10.1039/C9RA03614H)', *RSC Advances*. Royal Society of Chemistry, 11, (8), 4374.
13. Fong C. J., Kim Y., Davis C. W., Hoang T. and Kim Y. W. (2017), 'A meta-analysis on critical thinking and community college student achievement'. *Thinking Skills and Creativity*, Elsevier, 26, (June), 71–83.
14. Gelder T. van. (2005), 'Teaching Critical Thinking: Some Lessons From Cognitive Science'. *College Teaching*, 53, (1), 41–48.
15. Giri V. and Paily M. U. (2020), 'Effect of Scientific Argumentation on the Development of Critical Thinking'. *Science and Education*, 29, (3), 673–690.
16. Green B. (2012), *Literacy in 3D: An Integrated Perspective in Theory and Practice*, edited by Beaves, C., ACER Press, Camberwell.
17. Han K. and Kingsland E. S. (2020), 'Fake or for real? A fake news workshop'. *Reference Services Review*, 48, (1), 91–112.
18. Ince S., Hoadley C. and Kirschner P. A. (2019), 'The role of libraries in teaching doctoral students to become information-literate researchers: A review of existing practices and recommendations for the future'. *Information and Learning Science*, 120, (3–4), 158–172.
19. Inouye K. and Mills D. (2021), 'Fear of the academic fake? Journal editorials and the amplification of the 'predatory publishing' discourse'. *Learned Publishing*, 34, (3), 396–406.

20. Karim A. A. (1975), 'Unshielding the sun. Human effects'. *Environment*, 17, (3), 6–14.
21. Keys A. (1995), 'Mediterranean diet and public health: personal reflections'. *The American Journal of Clinical Nutrition*, 61, (6), 1321S–1323S.
22. Korotkina I. (2020), *Models of Training in the Academic Writing. Foreign and Domestic Experiences, Yurayt., Moscow. [Короткина И. Б. Модели обучения академическому письму. Зарубежный опыт и отечественная практика : Монография. Москва : Юрайт, 2020.]*. (In Rus).
23. Koshkarov N. N. (2018), 'Fake News: Creative or Fraudulent?'. *Bulletin of Tomsk State Pedagogical University*, 191, (2), 14–18. [Кошкарлова Н. Н. Фейковые новости: креативное решение или мошенничество? // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2018. № 2 (191). С. 14–18. DOI 10.23951/1609-624X-2018-2-14-18]. (In Rus).
24. Kumar S. and Shah N. (2018), 'False Information on Web and Social Media: A Survey', 1, (1), available at: <http://arxiv.org/abs/1804.08559> (accessed 10 August 2021).
25. Ky P. (2012), 'Qualifications, Weight of Opinion, Peer Review and Methodology: A Framework for Understanding the Evaluation of Science in Merits Review'. *Journal of Environmental Law*, 24, (2), 207–251.
26. Leung J. S. C. (2020), 'Students' adherences to epistemic understanding in evaluating scientific claims'. *Science Education*, 104, (2), 164–192.
27. Lindsay J., Pluckrose H. and Boghossian P. (2018), 'Academic Grievance Studies and the Corruption of Scholarship'. *Areo*, available at: <https://areomagazine.com/2018/10/02/academic-grievance-studies-and-the-corruption-of-scholarship/>.
28. Loertscher D. V. (2017), 'Fake news, a rant, and new standards'. *Teacher Librarian*, 44, (4), 44–45.
29. Matteson M. L. and Gersch B. (2019), 'Unique or ubiquitous: information literacy instruction outside academia'. *Reference Services Review*, 47, (1), 73–84.
30. McGrew S., Breakstone J., Ortega T., Smith M. and Wineburg S. (2018), 'Can Students Evaluate Online Sources? Learning From Assessments of Civic Online Reasoning'. *Theory and Research in Social Education*, Routledge, 46, (2), 165–193.
31. Melikhova L. G. (2017), 'The landscape of the magazine fake according to the 'Dissertationpedia of magazines'. *Troitskiy Variant — Nauka*, 238, 10–11. [Мелихова Л. Г. Ландшафт журнального фейка по данным «Диссеропедии журналов» // Троицкий вариант — Наука. 2017. № 238. Pp. 1011]. (In Rus).
32. Nightingale S. J., Wade K. A. and Watson D. G. (2017), 'Can people identify original and manipulated photos of real-world scenes?'. *Cognitive Research: Principles and Implications*, 2, (1). doi.org/10.1186/s41235-017-0067-2.
33. Niu L., Behar-Horenstein L. S. and Garvan C. W. (2013), 'Do instructional interventions influence college students' critical thinking skills? A meta-analysis'. *Educational Research Review*, Elsevier Ltd, 9, 114–128.
34. Ottonicar S. L. C., Valentim M. L. P., Jorge L. F. and Mosconi E. (2021), 'Fake news, big data and risks for democracy: New challenges for the information and media competence. Fake news, big data e o risco à democracia: Novos desafios à competência em informação e midiática'. *Ibersid*, 15, (1), 63–74.
35. Puig B., Blanco-Anaya P. and Pérez-Maceira J. J. (2021), 'Fake News' or Real Science? Critical Thinking to Assess Information on COVID-19'. *Frontiers in Education*, 6, (March 2020), 1–10.
36. Quin R. (2017), 'Collins 2017 word of the year shortlist', available at: www.collinsdictionary.com/word-lovers-blog/new/collins-2017-word-of-the-year-shortlist,396,HCB.html (accessed 12 August 2021).
37. El Rayess M., Chebl C., Mhanna J. and Hage R. M. (2018), 'Fake news judgement: The case of undergraduate students at Notre Dame University-Louaize, Lebanon'. *Reference Services Review*, 46, (1), 146–149.
38. Richards M. (2021), 'Is 'just googling it' good enough for first-year students?'. *College and Undergraduate Libraries*, doi.org/10.1080/10691316.2021.1894295.
39. Schwartz J. (2018), 'Visual literacy: academic libraries address 21st century challenges'. *Reference Services Review*, 46, (4), 479–499.
40. Seng C., Carlon M. K. J. J. and Cross J. S. (2020), 'Information literacy training effectiveness on Cambodia's province-based undergraduates'. *International Journal of Comparative Education and Development*, 22, (4), 263–280.
41. Shapovalova E. (2020), 'Improving Media Education as a Way to Combat Fake News'. *Media Education (Mediaobrazovanie)*, 60, (4), 730–735.
42. Stanford History Education Group, Wineburg S., McGrew S., Breakstone J. and Ortega T. (2016), 'Evaluating information: The cornerstone of civic online reasoning', *Stanford Digital Repository*, 29.

43. Sternin I. A. and Shecterina A. M. (2020), Fake Markers in Media Texts: Work Materials., ООО 'Ritm', Voronezh. [Стренин И. А., Шестерина А. М. Маркеры фейка в медиатекстах: рабочие материалы. Воронеж: ООО «РИТМ», 2020. 34 с.]. (In Rus).
44. Sukhodolov A. P. (2017), 'The phenomenon of 'fake news' in the modern media space'. Eurasian Cooperation: Humanitarian Aspects: Proceedings of the International Scientific and Practical Conference, Baykal state university, Irkutsk, 93–112.
45. Vanyushkina L. M., Tikhomirov S. A. and Kurakina I. I. (2019), 'How to write a good scientific article for a serious scientific journal'. Traditional Applied Arts and Education, 28, (1), 40/54.
46. Vasilyeva V. and Chigareva I. 'Academic Literacy Teacher Training: Problems and Solutions'. International scientific and practical Conference "Corporate Library Systems: technologies and innovations": materials of the International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, Helsinki, 24–29 June, 2019, 29-35. [Васильева В. А., Чигарева И. В. Обучение преподавателя академической грамотности: проблемы и решения // Корпоративные библиотечные системы: технологии и инновации : материалы Международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, Хельсинки, 24–29 июня 2019 года / Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого ; [оргкомитет конференции: В. В. Сергеев [и др.]. — Санкт-Петербург, Хельсинки: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2019. С. 29–35. (In Rus).
47. Vasilyeva V. and Vasilyeva V. (2019), 'Use of e-resources by unmotivated students: a success story from a library in Russia'. Information and Learning Science, 120, (11–12), doi.org/10.1108/ILS-06-2019-0056.
48. Walsh M. J. (2010), 'Librarians and controlling disinformation: is multi-literacy instruction the answer?'. Library Review, 59, (7), 498–511.
49. Webster K. (2021), 'RSC paper mill retractions', RSC Advances Blog, available at: https://blogs.rsc.org/ra/2021/01/21/rsc-paper-mill-retractions/?doing_wp_cron=1611230128.9542400836944580078125&_ga=2.252560841.1342994181.1628533116-177548972.1628533116 (accessed 7 August 2021).
50. Whiley D., Witt B., Colvin R. M., Sapiains Arrue R. and Kotir J. (2017), 'Enhancing critical thinking skills in first year environmental management students: a tale of curriculum design, application and reflection'. Journal of Geography in Higher Education, Routledge, 41, (2), 166–181.
51. World Health Organization (WHO). (2020), 'Managing the COVID-19 Infodemic: Promoting Healthy Behaviours and Mitigating the Harm from Misinformation and Disinformation', available at: <https://www.who.int/news/item/23-09-2020-managing-the-covid-19-infodemic-promoting-healthy-behaviours-and-mitigating-the-harm-from-misinformation-and-disinformation>.

About the authors:

Valeria A. Vasilyeva, Head of the Department, Scientific Work Office, the North-West Institute of Management of the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation), vasileva-va@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-5223>

Anatoly N. Shilov, Senior Lecturer and Associate Professor at the Faculty of Arts and Philology, St. Petersburg State University. The author made presentations and held master classes on "Academic writing" for the Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation (St. Petersburg, Russian Federation), AnatolyShilov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0003-4870-9695>

Об авторах:

Васильева Валерия Алексеевна, начальник отдела Управления научной работы Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), vasileva-va@ranepa.ru; <https://orcid.org/0000-0002-8300-5223>

Шилов Анатолий Николаевич, старший преподаватель факультета искусств и филологии Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация), AnatolyShilov@yandex.ru; <http://orcid.org/0000-0003-4870-9695>

Acknowledgements

We appreciate that Faculty Management with Eu. Roschin, Head of the Faculty, have found it possible to make "Academic Writing" discipline into undergraduate students' curriculum. Also, a big thank you to the anonymous referees for their insightful feedback, and to all the colleagues who advised us on the paper. Special thanks to Valentina Vasilyeva for her initial remarks.

Возможности использования социального маркетинга в профилактике жестокого обращения с детьми в семье

Цинченко Г. М.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; tsinchenko-gm@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

Цель. В статье проанализированы новые подходы в системе профилактики жестокого обращения с детьми в семье. Раскрыта сущность социального маркетинга как инструмента решения вопросов профилактики семейного неблагополучия. Отмечена особая роль коммуникационной среды и информационного обеспечения деятельности различных субъектов профилактики.

Методы. В исследовании использован комплекс общенаучных методов, таких как анализ, синтез, обобщение, системно-функциональный, комплексный, ресурсный подход. В рамках заявленной темы осуществлена систематизация теоретических положений и современных подходов к проблеме профилактики жестокого обращения с детьми в семье на основе изучения работ различных авторов, нормативных документов, статистики.

Результаты. Теоретическая и практическая значимость представленного исследования состоит в том, что оно может стать основой для дальнейшего изучения средств социального маркетинга по профилактике семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми в семье. Проведенный анализ актуализирует значимость для практики использования средств социального маркетинга в решении проблемы жестокого обращения с детьми в семье. Внедрение средств социального маркетинга и их развитие способно повысить эффективность профилактической деятельности государственных и негосударственных организаций, ориентированных на работу с семьей и детьми.

Ключевые слова: профилактика, дети, жестокое обращение, социальный маркетинг, ресурс, семья

Для цитирования: Цинченко Г. М. Возможности использования социального маркетинга в профилактике жестокого обращения с детьми в семье // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 116–132.

Possibilities of Using Social Marketing in the Prevention of Child Abuse in the Family

Galina M. Tsinchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; tsinchenko-gm@ranepa.ru

ABSTRACT

Purpose. The article analyzes new approaches in the system of prevention of cruel treatment of children in the family. The essence of social marketing as a tool for solving the issues of prevention of family trouble is revealed. The special role of the communication environment and information support for the activities of various subjects of prevention is noted.

Methods. The study uses a set of general scientific methods, such as analysis, synthesis, generalization, system-functional and complex, resource approach. Within the framework of the stated topic, a systematization of theoretical provisions and modern approaches to the problem of preventing cruel treatment of children in the family was carried out on the basis of a study of the works of various authors, regulatory documents, and official statistics.

Outcomes. The theoretical and practical significance of the presented study lies in the fact that it can become the basis for further study of social marketing tools for the prevention of family dysfunction and abuse of children in the family. The analysis actualizes the importance for the practice of using social marketing tools in solving the problem of child abuse in the family. The introduction of social marketing tools and their development can increase the effectiveness of preventive activities of state and non-state organizations focused on working with families and children.

Keywords: prevention, children, abuse, social marketing, resource, family

For citing: Tsinchenko G. M. Possibilities of Using Social Marketing in the Prevention of Child Abuse in the Family // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 116–132.

Введение

Дети — ключевой ресурс развития государства и общества, от того, какими они вырастают, зависит направленность развития социума. Вопросы и противоречия, связанные с институтом семьи и детства, а также детско-родительских отношений, являются основополагающими, так как их решение оказывает значительное влияние на социокультурную, экономическую, политическую и другие сферы общества. Современный этап общественного развития характеризуется значительными пертурбациями во многих сферах, оказывающих влияние на формирование личности человека. Детскому возрасту свойственна большая лабильность мировоззренческих позиций, так как система ценностей, убеждений и верований детей и молодых людей является менее ригидной, более доступной для изменения [37].

Научные источники, которые содержат обзор развития представлений о детях, свидетельствуют о том, что дети как наименее защищенная категория не всегда оберегались государством и обществом. Феномен инфантицида, свойственного архаическим обществам; гипертрофированная эксплуатация детского труда в период индустриализации; вовлечение детей в сферу оказания коммерческих сексуальных услуг справедливо называть жестоким обращением с детьми. Эта проблема остается актуальной, о чем свидетельствуют статистические данные 2017–2020 гг. В 2017 г. выросло число побоев и унижений детей в российских семьях¹: в первом квартале 2017 г. пострадавшими от насильственных действий со стороны взрослых признаны 2,5 тыс. детей до 14 лет, почти 500 из которых пострадали от членов семьи². За первое полугодие 2017 г. было зафиксировано 18 615 преступлений против детей со стороны родителей. В 2017 г. 3531 родителя лишили родительских прав за грубое неисполнение своих обязанностей. В 2017 г. на детский телефон доверия поступило 15 тыс. обращений, связанных с жестоким обращением с детьми в семье. В 2018 г. были убиты около 1 тыс. детей. В 2018 г. количество детей, находящихся в розыске из-за насилия и агрессии, составило более 40 тыс. [1]. Двукратное увеличение числа случаев домашнего насилия произошло в период самоизоляции и пандемии 2020 г. в сравнении с аналогичным периодом 2019 г. [1]. Как отмечает ряд авторов, пандемия оказала масштабное влияние на увеличение случаев домашнего насилия [44]. Данное увеличение в научной литературе связывают с постоянным нахождением ребенка с родителями. Эмоциональная сфера родителей и детей становится нестабильной, что оказывает влияние на ситуативное насилие и агрессию. При этом следует учитывать, что часть

¹ NEWS.ru. СК объявил о росте числа россиян, желающих взять в семью сирот с целью заработать на их сексуальной эксплуатации [Электронный ресурс]. URL: http://www.newsru.com/russia/23jun2017/expl.html?utm_source=tema-main (дата обращения: 04.05.2021).

² Там же.

преступлений в отношении несовершеннолетних в семье носит латентный характер (не больше 30% случаев домашнего насилия находят отражение в официальной статистике МВД), оставаясь вне официальной статистики.

Неблагополучные семьи влияют на формирование психологических патологий в детском и подростковом возрасте, так как «...никакой другой социальный институт не может потенциально навредить формированию личности детей, как семья в случае семейной дисфункции» [35]. Результаты исследований говорят о том, что детям с опытом насилия в семье свойственны повышенная эмоциональная возбудимость и тревожность; высокая скорость возникновения эмоциональной реакции; более стойкая возбудимость на раздражитель; застенчивость, замкнутость и неуверенность в себе, а также отгороженность от коллектива. Подтверждение подобных положений можно также найти в ряде зарубежных исследований [45]. Отношение жертв насилия к себе характеризуется низкой самооценкой; жертвам жестокого обращения свойственен низкий уровень эмпатии и высокий уровень агрессивности по отношению к внешнему миру. Проблема жестокого обращения с детьми в семье потенцирует рост безнадзорности и преступлений несовершеннолетних. Риск правонарушения со стороны несовершеннолетних, воспитывающихся в семьях с жестоким обращением, выше в 9–10 раз, а в семьях с постоянными внутрисемейными конфликтами в 4–5 раз. В целом, различные виды и формы ненадлежащего отношения к ребенку (пренебрежение нуждами, отсутствие внимания и др.) могут выступать причинами попадания детей в категорию «социальные сироты» или «дети, оставшиеся без попечения родителей» [37].

Представленные цифры свидетельствуют о необходимости развития профилактики, которая имеет ряд ключевых недостатков: гипертрофированный нормативизм, распространенность силовых методов воздействия, бюрократизация. Препятствуют созданию эффективной системы профилактики межведомственная ограниченность и разобщенность; отсутствие единых подходов к профилактике и взаимодействию с жертвой; несовершенство нормативно-правовой базы; низкий уровень доверия к субъектам профилактики. Назрела потребность в использовании новых технологий профилактики. К их числу относится социальный маркетинг, который продемонстрировал достаточно высокую эффективность, например, в здравоохранении, экологии.

Подходы к профилактике жестокого обращения с детьми в семье

Государственная социальная политика РФ ориентирована на обеспечение и защиту прав и свобод детей. Правительство РФ создало и развивает различные механизмы, направленные на стабилизацию социального, психологического, экономического положения семьи и детства, различные государственные и общественные институты способствуют их социальной защите и помощи. Под профилактической деятельностью в отношении рассматриваемой проблемы следует понимать «предотвращение нарушений процесса развития ребенка, которые могут возникнуть в результате неудовлетворения его основных потребностей, содействие поддержанию оптимальных условий жизни семьи и выполнению семьей своих функций» [6, с. 13]. В отношении проблемы жестокого обращения с детьми в семье профилактическая деятельность должна быть направлена на упразднение причин жестокости.

Социальная политика как системообразующий аспект профилактической деятельности в отношении семьи и детства должна включать в себя различные подходы и направления, которые ориентированы на минимизацию негативного влияния различных факторов. Данные подходы и направления включают в себя [21, с. 77–78]: законодательное регулирование, регламентирующее деятельность различных органов и учреждений; идеологическое регулирование, отвечающее за пропаганду

полезных профилактических идей; психологическую и медицинскую работу со случаями жестокого обращения с детьми; экономическое регулирование по повышению благосостояния семей; педагогическое регулирование по повышению педагогической компетентности родителей и т. д.

Домашнее насилие в отношении детей часто приводит к правонарушениям и беспризорности несовершеннолетних [36, с. 97]. Профилактическая деятельность осуществляется на федеральном, региональном и местном уровнях. В процессе реализации политики в отношении семьи и детей участвуют органы федеральной власти, органы субъектов Российской Федерации и местные, муниципальные представители. Эффективность реализации семейной политики зависит от комплексного взаимодействия представителей каждого из трех уровней. На федеральном уровне создаются и реализуются различные программы, ставящие целью повышение качества жизни семей и уменьшение семейного неблагополучия. Деятельность региональных и местных уровней направлена на последовательную реализацию федеральных задач и целей в отношении семьи и детства и создание собственных программ и проектов, решающих рассматриваемую проблему¹.

Ключевая роль принадлежит местному и региональному уровням, так как основным органом профилактической деятельности является комиссия по делам несовершеннолетних. На федеральном уровне создана Правительственная комиссия по делам несовершеннолетних, но основную роль в профилактике жестокого обращения с детьми в семье играют первые два уровня [17, с. 107]. Местный и региональный уровни определяют конкретные подходы к решению проблем семьи и детства: разработка и реализация региональных социальных программ; организация и предоставление адресной социальной помощи; обеспечение конструктивного функционирования социальных учреждений; решение проблем занятости и социальной защиты.

Основным подходом к профилактике, объединяющим деятельность всех трех уровней, можно назвать программно-целевой, под которым понимается ориентация на разработку и реализацию различных программ, проектов, направленных на минимизацию факторов семейного неблагополучия и жестокого обращения с детьми. Формируются и реализуются различные федеральные, региональные и местные программы и проекты, ориентированные на повышение статуса семьи в глазах молодежи, повышение благосостояния семей с детьми, развитие педагогической культуры родителей, повышение доступности социальных и досуговых услуг. На практике реализуется межведомственный подход с включением в процесс профилактической деятельности различных субъектов профилактики. Вопрос о слаженности взаимодействия субъектов профилактики можно назвать ключевым, так как «...межведомственное взаимодействие позволит значительно быстрее и качественнее собирать информацию о неблагополучных семьях и детях, профессионально выявлять причины этого неблагополучия, выработать стратегию и тактику по оказанию социальной профилактической помощи семьям и детям...» [34, с. 142].

Существуют два подхода, отвечающие требованиям специфики рассматриваемой проблемы: ресурсный подход, предполагающий включение семьи в различные социальные процессы, расширение социальных контактов, социального капитала, снижение степени зависимости семьи от социальных служб, актуализацию собственного потенциала и системный подход, в котором институт семьи и детства,

¹ Например, см.: Концепция семейной политики в Санкт-Петербурге на 2012–2022 годы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.spb-family.ru/doc/concept2.pdf> (дата обращения: 04.05.2017); О Стратегии действий в интересах детей в Санкт-Петербурге на 2012–2017 годы от 16 августа 2012 года № 864 [Электронный ресурс]. URL: <http://docs.cntd.ru/document/822401188> (дата обращения: 09.01.2022).

семейное неблагополучие, потенцирующее жестокость, рассматриваются как единая система, состоящая из внешних и внутренних ресурсов, определенных системных трудностей [27, с. 148–150]. Эти подходы наиболее полно учитывают специфику проблемы, подразумевают анализ различных причин жестокости и возможности их устранения, поскольку рассматриваемая проблема состоит из различных факторов и причин, следовательно, необходимо воздействие на все аспекты (материальный, психологический, информационный) и участие различных субъектов профилактики с целью комплексного воздействия на проблему.

В целом проблема жестокого обращения с детьми в семье предполагает возможное трехуровневое воздействие на нее средствами профилактики: первичной, вторичной и третичной. Под социальной профилактикой жестокости в отношении детей следует понимать систему мероприятий государственного, общественного, организационно-воспитательного, социально-медицинского характера, а также комплекс социальных, образовательных мероприятий, ориентированных на устранение всевозможных причин жестокого обращения в семье и формирование внутрисемейных ресурсов, способных оказать положительное влияние на проблему [30, с. 95]. Поэтому уровни профилактики следует рассматривать с позиции подходов, реализуемых на каждом из уровней.

Первичная профилактика жестокого обращения с детьми в семье направлена на предупреждение, упразднение факторов риска жестокого обращения с детьми в семье, выявление и коррекцию детско-родительских отношений на ранних стадиях их отклонения, обеспечение условий для нормального функционирования семьи, формирование ненасильственной и неагрессивной педагогики родительского воздействия [30, с. 96]. К подходам в рамках первичной профилактики можно отнести социально-педагогическое, образовательное, информационно-коммуникативное направления, которые ориентированы на повышение педагогической компетентности родителей в аспекте детско-родительских отношений, улучшение педагогических навыков для разрешения конфликтных ситуаций, организацию совместной досуговой деятельности, формирование конструктивной системы ценностей и ориентации на ненасильственное взаимодействие, подготовку к осознанному родительству, профилактику отказа от ребенка. При этом формы работы в рамках первичной профилактики могут быть различными: лично ориентированными, групповыми, реализуемыми на всех трех уровнях. Основное внимание различных субъектов превентивной системы в рамках первичной профилактики уделяется тому, чтобы не допустить возможное появление жестокости в отношении детей в семье.

Вторичная профилактика направлена на несовершеннолетних и семью, находящуюся в зоне риска, с целью недопущения жестокого обращения с ребенком при наличии потенцирующих причин. Работа в рамках вторичной профилактики может осуществляться с неблагополучными в социальном плане семьями, предрасположенными к жестокому обращению с ребенком в различных формах. Вторичная профилактика может иметь своей целью частичное или полное устранение факторов и причин возможной жестокости в отношении детей [4, с. 63]. К подходам в рамках вторичной профилактики можно отнести семейно ориентированную работу, нацеленную на кризисное состояние семьи, способное потенцировать агрессию и насилие в отношении несовершеннолетних. Данный подход использует изъятие ребенка из семьи исключительно в крайних случаях, когда защита ребенка иными способами является невозможной [24, с. 119]. К направлениям в рамках вторичной профилактики так же можно отнести: раннее выявление неблагополучия семей, сопровождение кризисной семьи, просветительская работа с родителями из семей из групп риска, мониторинг состояния семей [4, с. 62–65]. Вторичная профилактика — это более специфичная превентивная деятельность, требующая

работу с индивидуальным случаем, поэтому она входит в компетенцию местного и регионального уровней власти.

Третичная профилактика заключается в проведении реабилитационных мероприятий, субъектами которых выступают различные социально-реабилитационные центры для несовершеннолетних, учреждения для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей [4, с. 64]. Данный вид профилактики подразумевает работу с жестоким обращением в семье, которое носит стойкий и выраженный характер, что приводит к изъятию ребенка. К подходам в рамках третичной профилактики можно отнести: социально-бытовую адаптацию выпускников учреждений для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, оказание содействия в получении образования, трудоустройстве, обеспечение физического, психического, нравственного и духовного развития, а также медико-социальную работу и реабилитационные мероприятия. Третичная профилактика сопряжена с социальным сиротством, под которым понимается воспитание детей, лишенных родительского попечения, в различных учреждениях [23, с. 105]. Приоритетным подходом в рамках третичной профилактики является институт замещающей семьи. Жизнь ребенка в такой семье максимально приближена к органичным, позволяющим ребенку продолжить процесс социализации и становления личности с наименьшим ущербом для личности ребенка [10, с. 146]. Однако для реализации данного направления следует устранить причины повторного социального сиротства [38, с. 209].

Завершая рассмотрение подходов к профилактике, следует подчеркнуть, что для российской практики характерна работа с уже случившимися фактами жестокости. Этому способствует ряд причин [39, с. 56]: закрытый характер института семьи, компетентность специалистов не всегда позволяет диагностировать состояние семьи и ребенка, большая загруженность специалистов, бюрократизация, отсутствие должного уровня межведомственного взаимодействия, невысокое число действующих кризисных центров. Все это делает необходимым дальнейшее совершенствование профилактической системы с приоритетным развитием первичной профилактики, ориентированной на предотвращение возникновения и развития проблемы. Преобразование ценностных установок общества, родителей возможно осуществлять на всех трех уровнях профилактики, каждый из которых направлен на решение проблемы жестокого обращения с детьми, однако реализация данного направления обладает большей целесообразностью на уровне первичной профилактики. В рамках развития первичной профилактики может быть использован социальный маркетинг, концептуальное содержание которого отвечает целям первичной профилактики и который имеет ряд преимуществ.

Социальный маркетинг как социальная технология

В научной литературе нет унифицированного подхода к определению социального маркетинга. Источники свидетельствуют о наличии большого количества интерпретаций рассматриваемого явления. Ф. Котлер рассматривал социальный маркетинг как новое направление развития маркетинговой деятельности, ориентированной на формирование и продвижение новых идей, способных улучшить жизнь индивида и всего общества; социальный маркетинг часто связывают с продвижением бренда посредством отождествления с социально значимыми идеями. Ряд авторов рассматривает социальный маркетинг как практическую реализацию социальной ответственности бизнеса, другие противопоставляют социальный маркетинг коммерческому. Противоположную точку зрения представляют подходы, которые утверждают, что социальный маркетинг предполагает использование инструментария коммерческого/классического маркетинга в социальной сфере [3, с. 149].

Существуют публикации, проясняющие некоторые теоретические трудности. Следует избегать смешения понятий «социальный маркетинг» и «социетальный маркетинг». Ключевым дифференцирующим фактором является различие целей. Социальный маркетинг направлен на решение социальных проблем или, как минимум, содействие в решении, а социетальный маркетинг предполагает создание положительного образа бренда за счет позиционирования такового в качестве социально ответственного для увеличения прибыли [28, с. 33].

При всем разнообразии подходов возможно выделение общей содержательной части: социальный маркетинг предполагает качественные изменения проблем, поскольку воздействует на ментальные конструкты человека, его поведение. Он направлен на формирование новых и разрушение устаревших и неэффективных систем ценностей [25, с. 148]. Наиболее оправданным является подход, определяющий социальный маркетинг как технологию разработки, реализации и контроля социальных программ, проектов, направленных на повышение уровня восприятия различных социально значимых идей и ценностей [34, с. 72]. В целом социальный маркетинг использует ряд средств классического маркетинга. Социальное проектирование, под которым понимается конструирование индивидом, группой или организацией действия, направленного на достижение социально значимой цели и локализованного по месту, времени и ресурсам [11, с. 226], предполагает использование маркетинговых инструментов. Например, исследование потребностей целевой группы, анализ возможностей, поиск необходимых средств, анализ результатов и эффективности [19, с. 84–85].

Объектом воздействия социального маркетинга выступают социальные процессы, субъектами могут выступать различные общности, социальные институты, целью являются различные положительные преобразования, ориентированные на решение социальных проблем. Аналогичным содержанием обладает категория «социальная технология», которая предполагает целенаправленную, алгоритмизированную деятельность людей или организаций, связанную с социальным управлением и направленную на преобразование социальной реальности с целью решения или уменьшения давления различных социальных проблем на общество [11, с. 225–226].

Можно выделить преимущества социального маркетинга: средства социального маркетинга способны привлечь внимание общественности к актуальным социальным проблемам (маркетинг социальных проблем); социально-маркетинговая деятельность предлагает различные пути решения социальных проблем посредством создания и коррекции различных программ, проектов; социальный маркетинг способен оказывать влияние на ценности и модели поведения аудитории (маркетинг идей); социальный маркетинг предполагает возможность использования в качестве инструмента государственной социальной и информационной политики (маркетинг коммуникаций) [43, с. 59].

В современных научных публикациях содержатся положения, которые говорят о необходимости осуществлять деятельность, направленную на формирование положительной системы ценностей в отношении семьи и ее трансляцию, поскольку аксиологический кризис семьи признается предиктором нарушения жизнедеятельности института семьи [13, с. 61]. Формированию и укреплению семейных ценностей способствуют спецкурсы по подготовке старшеклассников к семейной жизни; использование пропагандистских методик о семейных ценностях, вреде абортов; пропаганда ответственного родительства и отцовства; организация рекламных кампаний посредством различных ресурсов. Важность родительских компетенций и ценностей, относящихся к институту семьи и детства, отмечается многими авторами: «решающими факторами семейного воспитания являются личностные качества матери и отца, уровень их культуры и образования, мировоззрение. Огромную роль играют стиль супружеских и детско-родительских отношений» [37, с. 89]. В данном случае речь

идет как минимум о двух приоритетных направлениях государственной семейной политики: первое — идеологическое, предполагающее пропаганду через СМИ и социальную рекламу положительного образа семьи, второе — педагогическое, которое предполагает разработку и внедрение на государственном уровне программ и проектов психолого-педагогического характера, направленное на формирование помощи родителям по вопросам, связанным с воспитанием и развитием ребенка, педагогической неграмотностью родителей [21, с. 77–78]. Эти мероприятия предполагают реализацию через социальные программы и проекты с использованием различных средств социального маркетинга.

Однако формирование положительной системы ценностей, отвечающей потребностям решения различных социальных проблем, — процесс, требующий долгого времени. Целевая аудитория социального маркетинга — подрастающее поколение и молодежь. Различные средства социального маркетинга успешно используются в различных социальных сферах. Образовательная организация г. Оренбурга использовала средства социального маркетинга. Совместно с представителями региональных и местных уровней власти были реализованы программы, направленные на повышение ценности здоровья и здорового образа жизни у студентов. Была создана развитая инфраструктура для повышения ценности здорового образа жизни: введен запрет на курение во всех помещениях университета; систематически организовывались различные круглые столы с привлечением компетентных лиц; студентам, участвующим в спортивных мероприятиях, предоставлялись различные преференции (выплаты, послабления); создана комплексная сеть магазинов, реализующих полезные для здоровья продукты по доступным для студентов ценам; открыты специальные кабинеты, в которых студенты могли осуществить полный скрининг своего организма и т. д. Образовательной организацией совместно с представителями власти был реализован комплексный проект, направленный на повышение ценности здоровья в глазах студентов и формирование стойкой ориентации на поддержание его уровня.

В отношении проблемы жестокого обращения с детьми в семье также используются средства социального маркетинга: в Омской области активно проводятся мероприятия, направленные на повышение педагогической культуры настоящих и будущих родителей, а также ценности семьи. В регионе создана информационная инфраструктура, которая делает информацию о социальных услугах доступной. Органами региональной власти осуществляются различные конкурсы с материальными призами, например, проект «Семья года». С 2018 г. размер премии составляет 100 тыс. рублей. В 2017 г. был проведен конкурс «Лучший многодетный отец» с призовым фондом 1 млн руб., реализованы региональные программы, направленные на укрепление семьи и семейных ценностей и содействию гармонизации положения семьи. Аналогичные мероприятия проходят в Тверской, Оренбургской, Магаданской, Иркутской областях, Республике Алтай и Татарстан.

На сайте фонда президентских грантов в разделе «оценка реализованных проектов» есть информация о проектах в области семьи и семейных ценностей, предполагающих использование средств социального маркетинга¹. Анализ информации о реализуемых и реализованных проектах (2018–2021 гг.) позволяет говорить о том, что озвученные преимущества социального маркетинга находят подтверждение: увеличивается число лиц, вовлеченных в проблемы семьи и детства, детско-родительских отношений; создаются некоммерческие организации, ориентированные на предоставление образовательных, социальных, просветительских услуг; создаются эффективные коммуникационные каналы между представителями власти и целевой

¹Официальный сайт фонда президентских грантов. Оценка результатов проектов [Электронный ресурс]. URL: <https://оценка.гранты.рф/> (дата обращения: 10.12.2021).

аудиторией; формируется педагогическая компетентность родителей; создается информационная структура.

Изучение литературных источников и декларируемых результатов в области изменения ценностного положения семьи и детства позволяет говорить о потенциальной эффективности формирования необходимых ценностных установок. Средства социального маркетинга могут использоваться субъектами профилактики жестокого обращения с детьми в семье и правонарушений несовершеннолетних: правоохранительными органами, органами здравоохранения, представителями различных уровней власти, социальными организациями [9, с. 62].

Необходимость в значительном сокращении случаев жестокости в отношении детей признается государством. В отношении проблемы жестокого обращения с детьми в семье средства социального маркетинга могут создать благоприятные для решения проблемы условия: во-первых, привлечение внимания общественности к проблеме позволит повысить социальную рефлексию последствий проблемы, во-вторых, развитие сети социальных учреждений позволит расширить охват нуждающихся в различных социальных услугах, в-третьих, средства социального маркетинга предполагают развитие конструктивной коммуникации и передачу важной информации (о проводимых мероприятиях различной направленности, услугах), в-четвертых, позволяет учитывать потребности целевой аудитории. Данные положения содержат в себе те аспекты, учет и использование которых в большей или меньшей степени способен оказать положительное влияние на состояние проблемы. В целом, социальный маркетинг представляет собой гибкий механизм решения социальных проблем, в котором отдельный человек является движущим механизмом социальных изменений. В настоящее время социальный маркетинг как механизм социальных преобразований не находит широкого применения. Это обусловлено рядом причин, среди которых ориентация российской практики на работу с уже случившимися случаями жестокого обращения с детьми в семье, тогда как в большей степени следует развивать направления, ориентированные на формирование таких ценностей, которые позволяют воздействовать на проблему на стадии формирования и развития. Таким направлением можно назвать социальный маркетинг, поэтому интересным представляется рассмотрение средств его применения.

Средства социального маркетинга и их использование в профилактике жестокого обращения с детьми в семье

Средства социального маркетинга в контексте профилактической деятельности должны выступать инструментами нивелирования всех возможных оснований формирования и развития проблемы, в частности, жестокого обращения с детьми в семье. Под средствами в контексте настоящей работы понимается совокупность актов деятельности, ориентированной на достижение поставленной цели, а также совокупность инструментов, позволяющих достигнуть необходимые социальные изменения. Средствами достижения цели могут выступать как классический маркетинговый инструментарий, так и средства социального маркетинга. Так как проводимая работа в настоящее время оказывается недостаточной для решения проблемы жестокого обращения с детьми в семье, необходим поиск инновационных способов совершенствования социальной политики, повышения качества и расширение перечня предоставляемых услуг. Одним из таких способов выступает развитие социального партнерства, под которым понимается «конструктивное взаимодействие организаций из двух или трех секторов (государство, бизнес, некоммерческий сектор) при решении социальных проблем, обеспечивающее синергетический эффект от «сложения» разных ресурсов и «выгодное» каждой из сторон и населению» [8, с. 38].

Перспективным в рамках рассматриваемой проблемы выступает развитие «третьего сектора» (НКО), которые осуществляют свою деятельность в социальной сфере, функционируют тогда, когда деятельность государства по тем или иным причинам является неэффективной. Передача части государственных функций НКО способствует повышению качества и количества предоставляемых социальных услуг [26, с. 38]. Таким образом, одним из направлений социального маркетинга выступает создание некоммерческих организаций (организационно-управленческая деятельность), которые предоставляют необходимые социальные услуги, требующиеся целевой аудитории, так как социальный маркетинг предполагает создание и предоставление услуг, которые способны повлиять на решение проблемы [31, с. 117].

В рамках организационно-управленческого направления можно выделить [41, с. 90–91]: маркетинг идей, который заключается в разработке и реализации «продукта, в котором, с одной стороны, нуждается общество, с другой, предполагаемый «продукт» позволит воздействовать на проблему (например, разработка и продвижение идей ответственного/осознанного родительства, программы психологического сопровождения молодых родителей с детьми и т. д.); маркетинг социальных институтов, который предполагает обеспечение жизнедеятельности и функционирования, например, НКО, занимающихся домашним насилием.

Для реализации организационно-управленческого направления необходим механизм, позволяющий развивать специальные организации, если мы говорим о маркетинге социальных институтов и реализовывать разрабатываемые программы посредством распространения идей. Можно выделить социально-психологическое направление, структура которого содержит: субъект воздействия, приемы и способы влияния (инструментарий), а также объект воздействия (аудитория). Переходя к рассмотрению средств социального маркетинга (инструментов), можно сказать, что они раскрывают содержание социально-психологического направления социального маркетинга, что, в свою очередь, является структурным компонентом социально-психологического воздействия, которое предполагает изменение личностных характеристик человека. Основными средствами воздействия можно назвать: PR-деятельность; фандрайзинг; спонсорство; благотворительность; продвижение услуг; брендинг.

Основопологающей задачей социального маркетинга допустимо называть создание коммуникационной среды, а также информационное обеспечение деятельности. Такое сопровождение программ и деятельности организации позволяет формировать отношение общества к различным явлениям, регулировать процессы посредством формирования ценностного отношения. Говоря о создании коммуникационного пространства, необходимо выделить такое средство социального маркетинга, как связи с общественностью (PR — public relations) [2, с. 169]. Мы будем использовать следующие определения PR: «это усилия, направленные на то, чтобы убедить общественность изменить свой подход или действия, а также на гармонизацию деятельности организации и интересов общественности и наоборот», а также «PR — это использование информации для влияния на общественное мнение» [32, с. 179]. PR-деятельность направлена на работу с ключевыми понятиями — общественным мнением и общественным вниманием. Данные категории являются отправной точкой как в процессе осознания проблемы, так ее последующего решения, так как связи с общественностью в контексте рассматриваемой проблемы позволяют выполнять ряд задач [2, с. 170]: информировать общественность о необходимости разработки и реализации полезных и важных социальных программ и проектов; расширять перечень предоставляемых услуг посредством создания и развития организаций, занимающихся предоставлением услуг; привлекать общественность к решению социальных проблем, включая представителей коммерческих структур; формировать

общественное мнение по разным аспектам, затрагивающим процесс решения проблемы жестокого обращения с детьми в семье.

Одним из инструментов PR является социальная реклама. Социальная реклама — это вид маркетинговой коммуникации, направленный на формирование моральных ценностей у общества [29, с. 78], «социальная реклама — это вид коммуникации, ориентированный на привлечение внимания к самым актуальным проблемам общества и его нравственным ценностям. Миссия социальной рекламы — изменение поведенческой модели общества» [9, с. 18]. Социальная реклама выполняет коммуникационную функцию, являясь частью PR, допустимо ее использование для трансляции и конструирования ценностей, способствующих решению различных социальных проблем. Многие ученые видят проблему в том, что знания и ценности формируются не столько в системе образования или прочими институтами, сколько средствами массовой коммуникации [33, с. 44]. Эффективность принципов воздействия социальной рекламы на общественное сознание сопоставима с результативностью коммерческой [7, с. 19]. Однако сегодня социальная реклама не пользуется популярностью в социальной практике, следовательно, не востребованным оказывается ее потенциал. Доля социальной рекламы в России значительно ниже, чем в зарубежных странах: в РФ доля социальной рекламы составляет приблизительно 2–3%, а в западных странах около 25% [15, с. 34].

Примером реализации идей связей с общественностью может стать социальный проект «Детский вопрос», который предполагает проведение передач на радиостанции «Радио России»¹. Деятельность рассматриваемого проекта ориентирована на многие аспекты профилактики жестокого обращения с детьми в семье: распространение идеи приемного родительства; формирование положительного имиджа замещающей семьи; культивацию конструктивных семейных традиций; привлечение внимания общественности, органов власти и представителей бизнеса. В целом, рассмотрение реализуемой в рамках проекта деятельности позволяет говорить о том, что она отражает описанное выше смысловое содержание PR-деятельности.

Поскольку связи с общественностью направлены на привлечение внимания к проблеме, то следующим средством является фандрайзинг. Под фандрайзингом понимается механизм привлечения средств из различных источников для создания и реализации социальных программ [22, с. 145]. Фандрайзинг может быть реализован в виде благотворительной деятельности различных субъектов, в качестве которых могут выступать отдельные граждане и представители бизнеса [18, с. 54]. Фандрайзинг имеет большую значимость с точки зрения достижения конечной цели социально маркетинговой деятельности, так как отражает степень вовлеченности различных субъектов социальной жизни в процесс создания условий для решения социальных проблем. Связи с общественностью и фандрайзинг являются ключевым механизмом поддержания функционирования некоммерческих организаций, для которых актуальным вопросом выступает поиск материальных ресурсов для осуществления деятельности, а также продвижение пропагандируемых идей и выполнение социальной миссии [20, с. 52]. Интересными являются положения, которые отражают принципиальную разницу между государственными/муниципальными учреждениями и НКО, не имеющим прямого и полного государственного финансирования. Однако текущее состояние информационного обеспечения носит преимущественно фрагментарный характер. Так, многие сайты государственных учреждений не отражают содержательную сторону собственной деятельности, что говорит о недостаточной проработанности информационного обеспечения [16, с. 140]. Многие авторы в своих работах указывают на необходимость развития PR

¹ Детский вопрос. Социальный проект [Электронный ресурс]. URL: <http://deti.radiorus.ru/about> (дата обращения: 15.11.2021).

и создания информационного пространства, отвечающего целям и задачам организации. Социальный маркетинг является преимущественно прерогативой НКО, которые вынуждены обеспечивать свое функционирование посредством участия в проектной деятельности, поиска доноров, обращение к целевой аудитории. Государственные организации социального обслуживания в ряде случаев используют средства социального маркетинга. Благотворительность и спонсорство являются возможностью участия в решении социальных проблем не только юридических лиц, но и физических.

Привлечение внимания общественности и расширение круга вовлеченных в проблему лиц, в свою очередь, способствует усилению общественного контроля и консолидации усилий всех членов общества. Данные положения отражают содержание понятия «социальный капитал». В общем, рассматриваемая категория подразумевает формирование таких коллективных ценностей и интересов, которые позволяют эффективно решать общественные задачи по гармонизации общественных отношений. Подобное развитие представляется в качестве наиболее эффективного с точки зрения профилактики жестокого обращения с детьми в семье [36, с. 101–102].

Следующим средством социального маркетинга является продвижение услуги, которое также реализуется посредством PR-деятельности [25, с. 97]. Продвигаться могут различные услуги: педагогические, досуговые, психологические и др. Схожим по ориентации выступает такое средство социального маркетинга, как брендинг идей. Под брендингом понимается продвижение таких идей и ценностей, которые потенциально способны оказать положительное влияние на проблему жестокого обращения с детьми в семье. Интернет-пространство — средство формирования и продвижения идей, норм поведения и ценностных установок посредством брендинга. Значительное влияние сети интернет на социум обуславливается тем, что последний представляет собой неформальный институт контроля поведения людей, который обладает большей эффективностью, чем формальный [42, с. 139].

Следует отметить, что средства социального маркетинга предполагают изменение всей системы ценностей, которая влияет на рассматриваемую проблему. В данном случае под ценностями понимается также осознание проблемы, последующее привлечение различных ресурсов (человеческих, материальных и др.). Средства социального маркетинга направлены на формирование такого восприятия проблемы, при котором каждый человек, вовлеченный в решение, способен положительно влиять на проблему. Участие социума может проявляться в различных формах: разовые пожертвования, систематическая благотворительность, предоставление своих знаний, умений (элементы волонтерства), которые способны снизить давление проблемы на общество, формирование взаимоотношения между людьми и понимания, которое объединяет разрозненные ресурсы.

Совокупность подходов к профилактике включает в себя приоритетные направления, базирующиеся на важных для профилактики проблемы принципах. Осуществляется воздействие на многие аспекты проблемы. Однако проводимой работы оказывается недостаточно, так как проблема жестокого обращения с детьми в семье не теряет своей актуальности. Социальный маркетинг допустимо использовать в процессе профилактики жестокого обращения с детьми в семье. При этом следует отметить, что положительные характеристики и опыт его использования позволяет предположить, что средства социального маркетинга могут оказаться эффективными в процессе совершенствования системы профилактики. Использование средств социального маркетинга во многом способно дополнить существующую систему профилактических мероприятий и повысить ее эффективность. В отношении жестокого обращения с детьми в семье на сегодняшний день потенциал средств социального маркетинга практически не реализуется. Данное положение делает

оправданным необходимо дальнейшее изучение перспектив и возможностей их использования в отношении актуальной для нашего общества проблемы.

Литература

1. Акуленко В. А. Преступность, обусловленная домашним насилием, в период эпидемии коронавируса // Государственная служба и кадры. 2020. № 4. С. 164–172.
2. Александров А. А. Роль средств массовой информации и PR в социальной работе // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Филология, педагогика, психология. 2011. № 11. С. 169–176.
3. Асташова Ю. В., Демченко А. И., Лахмил С. Социальный геронтомаркетинг в сфере здравоохранения: сущность, ключевые задачи, взаимодействие с целевыми аудиториями // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Сер.: Экономика и менеджмент. 2019. № 13. С. 148–153.
4. Базарова Е. Б. Профилактика социального сиротства: Актуальные проблемы, подходы // Вестник Бурятского государственного университета. Образование. Личность. Общество. 2015. № 3. С. 62–67.
5. Беляевский И. К. Социальный маркетинг: проблемы формирования и анализа // ЭТАП: экономическая теория, анализ, практика. 2013. № 6. С. 99–108.
6. Бородкина О. И., Самойлова В. А. Профилактическая работа с семьей и детьми в Ленинградской области: теоретико-методологические и организационные основания исследования // Профилактическая работа с семьей и детьми в Ленинградской области: современное состояние и перспективы развития / под ред. В. А. Самойловой. СПб. : Скифия-принт. 2008. С. 13–21.
7. Василенко И. А. Роль рекламы в процессе формирования и трансляции ценности семьи в современном обществе // Вестник Оренбургского государственного университета. 2008. № 2. С. 18–26.
8. Волкова О. А., Гребеникова Ю. А. Межсекторное партнерство в системе социальной защиты населения региона (по материалам фокус-группы) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. Т. 35. № 3. С. 38–43.
9. Воронина Л. И. Использование маркетинга в деятельности органов власти // Социум и власть. 2010. № 1. С. 59–63.
10. Габазов Т. С., Шовхалова Л. С. Совершенствование порядка организации семейного устройства детей, оставшихся без попечения родителей // Право и практика. 2021. № 1. С. 144–148.
11. Галунов Т. Г., Юркова О. Н., Быхтин О. В. Взаимодействие органов местного самоуправления и институтов гражданского общества в реализации социальных проектов // Эпоха науки. 2020. № 21. С. 225–226.
12. Горяйнова Н. М. Корпоративная благотворительность: принципы и основные направления реализации // Управление в современных системах. 2016. № 3. С. 13–20.
13. Гурджиян М. В. Кризис семьи в современной России и пути его преодоления // Общество: философия, история, культура. 2017. № 1. С. 61–70.
14. Дубницкая А. В. Влияние психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних как криминологическая проблема // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2019. № 3. С. 29–35.
15. Ежова Е. Н. Социальная реклама как ресурс государственного управления в современном российском обществе // Вестник Челябинского государственного университета. 2016. № 12. С. 34–39.
16. Захарова Н. М. Информационная открытость системы социальной защиты населения // Экономика. Налоги. Право. 2017. № 4. С. 140–149.
17. Зырянова Ю. В. Отдельные направления совершенствования системы органов профилактики внутрисемейного насилия в отношении несовершеннолетних (по материалам Южно-Сибирского региона) // Актуальные проблемы экономики и права. 2017. № 3. С. 107–114.
18. Канзычакова Д. Д. Понятие и сущность PR // Вестник Хакасского государственного университета им. Н. Ф. Катанова. 2017. № 21. С. 5–12.
19. Климова С. В. Социальный маркетинг как социальная технология // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 1. С. 84–85.

20. *Климова Р. О.* Роль связей с общественностью в деятельности некоммерческой организации // *Знак: проблемное поле медиаобразования.* 2015. № 3. С. 52–59.
21. *Клинцова М. Н.* Государственная семейная политика Российской Федерации (аксиологический аспект) // *Научная мысль Кавказа.* 2018. № 1. С. 77–78.
22. *Крайнова О. С., Ширяева И. С.* Фандрайзинг как инструмент финансового менеджмента в современной России // *Концепт.* 2018. № 5. С. 145–151.
23. *Крамчанинова Н. В.* Социальное сиротство в ракурсе социологического изучения // *Историческая и социально-образовательная мысль.* 2020. № 12. С. 105–112.
24. *Малик Л. С., Мелкая Л. А.* Решение проблемы жестокого обращения с несовершеннолетними в аспекте семейно-ориентированной социальной работы // *Казанский педагогический журнал.* 2017. № 6. С. 118–121.
25. *Малявкина И. В.* Рекламные и PR-технологии как средство продвижения социально-культурных проектов // *Теория и практика сервиса: экономика, социальная сфера, технологии.* 2013. № 2. С. 97–103.
26. *Мартынов М. Ю., Ушакова Н. В.* НКО в системе социальных услуг России: тенденции и риски (на примере Ханты-Мансийского автономного округа — Югры) // *Вестник Пермского университета. Серия: Политология.* 2019. № 13. С. 38–42.
27. *Майкова В. П., Горбунов В. С., Наместникова И. В.* Системный подход как основа научной методологии // *Вестник Московского государственного областного университета. Сер.: Философские науки.* 2019. № 1. С. 148–158.
28. *Овруцкий А. В.* Социальный маркетинг в зеркале экономической социологии // *Социодинамика.* 2018. № 7. С. 33–41.
29. *Пейсахова Д. Э.* Функции социальной рекламы в обществе // *Хроноэкономика.* 2020. № 4. С. 77–82.
30. *Попова Е. И.* Профилактика жестокого обращения с детьми в семье в условиях микросоциума двора // *Гуманизация образования.* 2015. № 6. С. 95–96.
31. *Рябова Е. Н.* Маркетинговые технологии в социальной работе // *Инженерные технологии и системы.* 2010. № 2. С. 117–121.
32. *Савченко Е. А., Макарова Т. П.* PR и PR-технологии: сущность, цели, задачи, функции // *Образование. Наука. Научные кадры.* 2019. № 3. С. 179–183.
33. *Сазонова Е. С., Волкова О. А.* Социальная реклама как инструмент продвижения традиционных семейных ценностей в России // *Logos et Praxis.* 2014. № 5. С. 44–51.
34. *Тетюшин А. В.* Социальный маркетинг. Реальные примеры и моделирование маркетинговых кампаний // *Проблемы современной науки и образования.* 2017. № 7. С. 72–82.
35. *Цинченко Г. М.* Взаимодействие государства и институтов гражданского общества в организации социально-профилактической работы с семьей // *Управленческое консультирование.* 2014. № 2. С. 144–152.
36. *Цинченко Г. М., Орлова И. С.* Профилактика молодежных девиаций в России и за рубежом // *Управленческое консультирование.* 2021. № 1. С. 97–105.
37. *Цинченко Г. М.* Семейная социализация и воспитание // *Управленческое консультирование.* 2014. № 5. С. 89–94.
38. *Цинченко Г. М.* Социальное сиротство как феномен современного детства // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология.* 2014. № 1. С. 208–210.
39. *Черникова Т. А., Шайдукова Л. Д., Ямаева Е. В.* Проблема социальной профилактики семейного насилия в современных условиях // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2020. № 9–2. С. 56–61.
40. *Шайдукова Л. Д., Ямаева Е. В.* Проблема социальной профилактики семейного насилия в современных условиях // *Международный научно-исследовательский журнал.* 2020. № 9–2. С. 52–57.
41. *Шекова Е. Л.* Особенности маркетинга в сфере культуры (на примере музеев) // *Вестник Московского университета. Серия 6. Экономика.* 2016. № 2. С. 71–86.
42. *Шипунова Т. В.* Продвижение девиантных образцов поведения как (а)социальных проектов в виртуальной коммуникативной среде // *Журнал социологии и социальной антропологии.* 2013. № 16. С. 139–145.
43. *Янковой Н. Л.* Социальная реклама как механизм продвижения социокультурных ценностей в общественное сознание // *Коммуникология.* 2018. № 6. С. 59–63.
44. *Hudson L. C., Lowenstein E. J., Hoenig L. J.* Domestic violence in the coronavirus disease 2019 era: Insights from a survivor // *Clinics in Dermatology.* 2020. N 38 (6). P. 737–743.

45. *Morelli N. M., Duong J., Evans M. C., Hong K. et al.* Intergenerational Transmission of Abusive Parenting: Role of Prospective Maternal Distress and Family Violence // *Child Maltreatment*. 2021. N 26 (2). P. 172–181.

Об авторе:

Цинченко Галина Михайловна, доцент кафедры социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат социологических наук, доцент; tsinchenko-gm@ranepa.ru

References

1. Akulenko V.A. Domestic violence crime during the coronavirus epidemic // *Public service and personnel* [Gosudarstvennaya sluzhba i kadry]. 2020. N 4. P. 164–172. (in Rus).
2. Alexandrov A.A. The role of the media and PR in social work // *Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Philology, pedagogy, psychology* [Vestnik Baltiiskogo federal'nogo universiteta im. I. Kanta. Seriya: Filologiya, pedagogika, psikhologiya]. 2011. N 11. P. 169–176. (in Rus).
3. Astashova Yu.V., Demchenko A.I., Lakhmil S. Social gerontomarketing in the field of health care: essence, key tasks, interaction with target audiences // *Bulletin of South Ural State University. Series: Economics and management* [Vestnik Yuzhno-Ural'skogo gosudarstvennogo universiteta. Ser.: Ekonomika i menedzhment]. 2019. N 13. P. 148–153. (in Rus).
4. Bazarova E.B. Prevention of social orphanhood: Actual problems, approaches // *Bulletin of Buryat State University. Education. Personality. Society* [Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta. Obrazovanie. Lichnost'. Obshchestvo]. 2015. N 3. P. 62–67. (in Rus).
5. Belyaevsky I.K. Social marketing: problems of formation and analysis // *Economic theory, analysis, practice* [ETAP: ekonomicheskaya teoriya, analiz, praktika]. 2013. N 6. P. 99–108. (in Rus).
6. Borodkina O. I., SamoiloVA. Preventive work with family and children in the Leningrad Region: theoretical, methodological and organizational grounds for the study // *Preventive work with family and children in the Leningrad Region: current state and development prospects* / ed. V.A. SamoiloVA. St. Petersburg: Scythia print. 2008. P. 13–21. (in Rus).
7. Vasilenko I.A. The role of advertising in the process of forming and broadcasting the value of the family in modern society // *Bulletin of Orenburg State University* [Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2008. N 2. P. 18–26. (in Rus).
8. Volkova O.A., Grebenikova Yu.A. Inter-sector partnership in the system of social protection of the region's population (based on materials from the focus group) // *Belgorod State University Scientific bulletin: Philosophy. Sociology. Law* [Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: filosofiya. Sotsiologiya. Pravo]. 2016. N 35. P. 38–43. (in Rus).
9. Voronina L.I. Use of marketing in the activities of authorities // *Society and power* [Sotsium i vlast']. 2010. N 1. P. 59–63. (in Rus).
10. Gabazov T.S., Shovkhalova L.S. Improving the procedure for organizing the family structure of children left without parental care // *Law and practice* [Pravo i praktika]. 2021. N 1. P. 144–148. (in Rus).
11. Galunov T.G., Yurkova O.N., Bykhtin O.V. Interaction of local governments and civil society institutions in the implementation of social projects // *Era of science* [Epokha nauki]. 2020. N 21. P. 225–226. (in Rus).
12. Goryainova N.M. Corporate charity: principles and main areas of implementation // *Management in modern systems* [Upravlenie v sovremennykh sistemakh]. 2016. N 3. P. 13–20. (in Rus).
13. Gurdzhiyan M.V. Family crisis in modern Russia and ways to overcome it // *Society: philosophy, history, culture* [Obshchestvo: filosofiya, istoriya, kul'tura]. 2017. N 1. P. 61–70. (in Rus).
14. Dubnitskaya A.V. The influence of mental violence on the criminal and victimized behavior of minors as a criminological problem // *Bulletin of the Krasnodar University of the Ministry of Internal Affairs of Russia* [Vestnik Krasnodarskogo universiteta MVD Rossii]. 2019. N 3. P. 29–35. (in Rus).
15. Yezhova E.N. Social advertising as a resource of public administration in modern Russian society // *Bulletin of Chelyabinsk State University* [Vestnik Chelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta]. 2016. N 12. P. 34–39. (in Rus).
16. Zakharova N.M. Information openness of the system of social protection of the population // *Economy. Taxes. Right* [Ekonomika. Nalogi. Pravo]. 2017. N 4. P. 140–149. (in Rus).

17. Zyryanova Yu.V. Some areas of improvement of the system of bodies for the prevention of intra-family violence against minors (based on materials from the South Siberian region) // Actual problems of economics and law [Aktual'nye problemy ekonomiki i prava]. 2017. N 3. P. 107–114. (in Rus).
18. Kanzychakova D.D. Concept and essence PR // Bulletin of Khakass State University named after N.F. Katanov [Vestnik Khakasskogo gosudarstvennogo universiteta im. N.F. Katanova]. 2017. N 21. P. 5–12. (in Rus).
19. Klimova S.V. Social marketing as a social technology // Bulletin of Saratov State Socio-Economic University [Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo sotsial'no-ekonomicheskogo universiteta]. 2013. N 1. P. 84–85. (in Rus).
20. Klimova R.O. The role of public relations in the activities of a non-profit organization // Sign: a problematic field of media education [Znak: problemnoe pole mediaobrazovaniya]. 2015. N 3. P. 52–59. (in Rus).
21. Klintsova M.N. State family policy of the Russian Federation (axiological aspect) // Scientific thought of the Caucasus [Nauchnaya mysl' Kavkaza]. 2018. N 1. P. 77–78. (in Rus).
22. Krainova O.S., Shiryayeva I.S. Fundraising as a financial management tool in modern Russia // Concept [Kontsept]. 2018. N 5. P. 145–151. (in Rus).
23. Kramchaninova N.V. Social orphanhood in the perspective of sociological study // Historical and socio-educational idea [Istoricheskaya i sotsial'no-obrazovatel'naya mysl']. 2020. N 12. P. 105–112. (in Rus).
24. Malik L.S., Melkaya L.A. Solving the problem of abuse of minors in the aspect of family-oriented social work // Kazan Pedagogical Journal [Kazanskii pedagogicheskii zhurnal]. 2017. N 6. P. 118–121. (in Rus).
25. Malyavkina I.V. Advertising and PR technologies as a means of promoting social and cultural projects // Service theory and practice: economics, social sphere, technologies [eoriya i praktika servisa: ekonomika, sotsial'naya sfera, tekhnologii]. 2013. N 2. P. 97–103. (in Rus).
26. Martynov M.Yu., Ushakova N.V. NGOs in the system of social services in Russia: trends and risks (using the example of the Khanty-Mansiysk Autonomous Okrug — Ugra) // Bulletin of Perm University. Series: Political Science [Vestnik Permskogo universiteta. Seriya: Politologiya]. 2019. N 13. P. 38–42. (in Rus).
27. Maykova V.P., Gorbunov V.S., Namestnikova I.V. System approach as the basis of scientific methodology // Bulletin of Moscow State Regional University. Series: Philosophical Sciences [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Ser.: Filosofskie nauki]. 2019. N 1. P. 148–158. (in Rus).
28. Ovrutsky A.V. Social marketing in the mirror of economic sociology // Sociodynamics [Sotsiodinamika]. 2018. N 7. P. 33–41. (in Rus).
29. Peisakhova D.E. Functions of social advertising in society // Chronoeconomics [Khronoekonomika]. 2020. N 4. P. 77–82. (in Rus).
30. Popova E.I. Prevention of harsh treatment of children in the family in the conditions of the microsociety of the court // Humanization of education [Gumanizatsiya obrazovaniya]. 2015. N 6. P. 95–96. (in Rus).
31. Ryabova E.N. Marketing technologies in social work // Engineering technologies and systems [Inzhenernye tekhnologii i sistemy]. 2010. N 2. P. 117–121. (in Rus).
32. Savchenko E.A., Makarova T.P. PR and PR technologies: essence, goals, tasks, functions // Education. Science. Scientific personnel [Obrazovanie. Nauka. Nauchnye kadry]. 2019. N 3. P. 179–183. (in Rus).
33. Sazonova E.S., Volkova O.A. Social advertising as a tool for promoting traditional family values in Russia // Logos et Praxis. 2014. N 5. P. 44–51. (in Rus).
34. Tetyushin A.V. Social marketing. Real examples and modeling of marketing campaigns // Problems of modern science and education [Problemy sovremennoi nauki i obrazovaniya]. 2017. N 7. P. 72–82. (in Rus).
35. Tsinchenko G.M. Interaction of the state and civil society institutions in the organization of social and preventive work with the family // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 2. P. 144–152. (in Rus).
36. Tsinchenko G.M., Orlova I.S. Prevention of youth deviations in Russia and abroad // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2021. N 1. P. 97–105. (in Rus).
37. Tsinchenko G.M. Family socialization and education // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2014. N 5. P. 89–94. (in Rus).

38. Tsинченко G. M. Social orphanhood as a phenomenon of modern childhood // Bulletin of St. Petersburg University. Sociology [Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Sotsiologiya]. 2014. N 1. P. 208–210. (in Rus).
39. Chernikova T. A., Shaidukova L. D., Yamaeva E. V. The problem of social prevention of family violence in modern conditions // International Research Journal [Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal]. 2020. N 9–2. P. 56–61. (in Rus).
40. Shaidukova L. D., Yamaeva E. V. The problem of social prevention of family violence in modern conditions // International Research Journal [Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal]. 2020. N 9–2. P. 52–57. (in Rus).
41. Shekova E. L. Marketing features in the field of culture (on the example of museums) // Bulletin of Moscow University. Series 6. Economics [Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 6. Ekonomika]. 2016. N 2. P. 71–86. (in Rus).
42. Shipunova T. V. Promotion of deviant patterns of behavior as (a) social projects in a virtual communicative environment // The Journal of Sociology and Social Anthropology [Zhurnal sotsiologii i sotsial'noi antropologii]. 2013. N 16. P. 139–145. (in Rus).
43. Yankova N. L. Social advertising as a mechanism for promoting sociocultural values into public consciousness // Communicology [Kommunikologiya]. 2018. N 6. P. 59–63. (in Rus).
44. Hudson L. C., Lowenstein E. J., Hoenig L. J. Domestic violence in the coronavirus disease 2019 era: Insights from a survivor // Clinics in Dermatology. 2020. N 38 (6). P. 737–743.
45. Morelli N. M., Duong J., Evans M. C., Hong K. et al. Intergenerational Transmission of Abusive Parenting: Role of Prospective Maternal Distress and Family Violence // Child Maltreatment. 2021. N 26 (2). P. 172–181.

About the author:

Galina M. Tsинченко, Associate Professor the Chair of Social Technology of North-West Institute of Management of RANEPА (St. Petersburg, Russian Federation), PhD in Sociology, Associate Professor; tsинченко-gm@ranepa.ru

Особенности информационного пространства Чеченской Республики, взаимодействие пресс-служб государственных органов и СМИ: новая концепция ценностной ориентации

Евсеев А. Ю.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; evseevau@mail.ru

РЕФЕРАТ

Анализируются особенности медийной среды Северного Кавказа, с этой позиции изучается роль пресс-служб в формировании медийного образа государственных органов. Автор приводит результаты исследования, проведенного с целью выявления наиболее эффективных форм взаимодействия пресс-служб государственных органов и СМИ, а также обозначения проблемных зон при выборе коммуникативных стратегий работы пресс-службы с журналистами, делается акцент на особенностях работы пресс-служб Чеченской Республики, основанных на этнокультурных ценностях региона. Подчеркивается, что опыт взаимодействия пресс-служб государственных органов и СМИ Чеченской Республики может быть полезен в других регионах.

Основные методы исследования — анализ медиадокументов, тематический и ситуативный мониторинг СМИ Чеченской Республики, мониторинг социальных сетей и мессенджеров, экспертное интервью с журналистами и сотрудниками пресс-служб государственных органов региона. В качестве выводов отмечается, что критериями эффективного взаимодействия журналистов и сотрудников пресс-служб являются личные качества и опыт работы коммуникаторов, знание и владение современными стратегиями коммуникативного взаимодействия и умение применять их с позиции ситуативного и событийного медиамаркетинга.

Ключевые слова: медиа, журналистика, СМИ, пресс-служба, государственные органы, коммуникативные стратегии, этнокультурный фактор в работе пресс-служб

Для цитирования: *Евсеев А. Ю.* Особенности информационного пространства Чеченской Республики, взаимодействие пресс-служб государственных органов и СМИ: новая концепция ценностной ориентации // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 133–144.

Features of the Information Space of the Chechen Republic, Interaction of the Press Services of State Bodies and the Media: A New Concept of Value Orientation

Alexander Yu. Evseev

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEP), Saint Petersburg, Russian Federation; evseevau@mail.ru

ABSTRACT

The features of the media environment of the North Caucasus are analyzed, the role of press services in the formation of the media image of state bodies is studied from this position. The author cites the results of a study conducted in order to identify the most effective forms of interaction between the press services of state bodies and the media, as well as the designation of problem areas when choosing communicative strategies for the work of the press service with journalists, emphasis is placed on the peculiarities of the work of the press services of the Chechen Republic, based on the ethno-cultural values of the region. It is empha-

sized that the experience of interaction between the press services of state bodies and the media of the Chechen Republic can be useful in other regions.

The main research methods are the analysis of media documents, thematic and situational monitoring of the media of the Chechen Republic, monitoring of social networks and messengers, expert interviews with journalists and employees of the press services of state bodies of the region. As a conclusion, it is noted that the criteria for effective interaction between journalists and press service employees are personal qualities and work experience of communicators, knowledge and mastery of modern strategies of communicative interaction and the ability to apply them from the position of situational and event media marketing.

Keywords: media, journalism, mass media, press service, government agencies, communication strategies, ethno-cultural factor in the work of press services

For citing: Evseev A.Yu. Features of the information space of the Chechen Republic, interaction of the press services of state bodies and the media: a new concept of value orientation // *Administrative consulting*. 2022. N 10. P. 133–144.

Региональные органы власти в XXI в. становятся более открытыми в силу наличия социально-экономических и политических процессов, которые происходят в настоящее время: ускорение потока информации, преобладание цифровых способов подачи новостей, использование технологий сетевого пространства как преимущества перед традиционными в прошлом веке формами коммуникации. Очевидно, что эти тенденции касаются и работы регионов. Региональные органы власти подчеркивают ведущую роль пресс-служб. Интерес к изучению различных аспектов взаимодействия региональных представительных органов государственной власти со средствами массовой информации со стороны научного сообщества продолжает расти. Исследователи проявляют интерес к изучению деятельности власти и СМИ, на основе которых масштабно предлагают стратегии реализации информационной политики и осуществления информационного взаимодействия со средствами массовой информации [19 с. 302].

Медийная политика любого региона эффективна в том случае, если в ее реализации участвуют коммуникационные стратегии, направленные на обеспечение информационного сопровождения деятельности государственных органов и общественных организаций. Г.С. Мельник отмечает: «информационные технологии, направленные на оптимизацию коммуникационной среды, повседневно отрабатываются с участием СМИ» [12, с. 109]. Автор считает, что деятельность по выстраиванию отношений со СМИ (медиарилейшнз) заключается в эффективном управлении внутренней и внешней информацией, установлении дружеских контактов со всеми общественными структурами через институт массмедиа. В последние годы медиа являются инструментом, позволяющим создавать региону/территории/округу устойчивый образ как часть бренда, а также позитивный имидж, высокую репутацию, демонстрировать успехи и перспективы общественного развития.

Исследователи рассматривают медиарилейшнз как управление информацией [11, с. 49; 17, с. 102] и систему регулярного информирования общественности через СМИ. «О важности этого направления говорит тот факт, что 80% всей работы в PR-структурах приходится на взаимодействие с журналистами и подготовку публикаций» [11, с. 130].

Медиарилейшнз как коммуникационная стратегия в современных условиях ведет работу по следующим направлениям: кейсовые проекты — организация медиакампаний, формирование базы для публикаций и организация размещения материалов в медиа, событийный маркетинг (организация мероприятий в рамках использования текущих событий и дата-событий). Пресс-службы органов власти как субъекта политических отношений в современных условиях работают в режиме многозадачной деятельности, не забывая о главном — осведомлении жителей страны/региона

о том, что происходит. «Дайте людям возможность быть в курсе событий, и страна будет в безопасности», — сказал еще в 1864 г. Президент США Авраам Линкольн [15, с. 5]. В реалиях современного мира исследователи задумываются над вопросом, каким образом в новых информационных и политических условиях двадцать первого века пресс-служба может распространять сведения, которые могли бы стать катализатором конструктивного обсуждения важнейших вопросов дня с участием различных слоев общества. Проблемной зоной исследовательских задач в этой сфере являются постоянно меняющиеся качественные и количественные характеристики потребностей членов общества, если в прошлые годы приоритетными для медиапотребления были пути реализации потребностей коммуникативного плана, а также потребность в отображении себя (форма обратной связи при взаимодействии акторов коммуникаций), то сегодня в этой парадигме преобладают информационные потребности общества в сочетании с потребностью современного человека в саморазвитии [1, с. 16; 5, с. 225].

В настоящее время происходят структурные изменения информационного пространства, и поэтому усложняются функциональные задачи, стоящие перед пресс-службой. От нее требуется «не просто организация информационных потоков, но и формирование условий для диалога участников информационного пространства» [4, с. 232].

Информация, представленная от пресс-службы, априори, работает в первую очередь на имидж той организации, которая «содержит» пресс-службу. И поэтому, несомненно, сама по себе пресс-служба государственных органов власти может и должна отражать интересы государства и его власти. Такая поставка вопроса делает пресс-службу уязвимой перед манипулятивными приемами. Особенно это проявляется на региональном уровне, когда все всех знают. Обвинения в том, что пресс-служба не всегда предоставляет достоверную информацию, чаще всего касается некоторого замалчивания, намеренного упущения фактов. Насущный вопрос публичного обсуждения назревших общественных проблем, который способствовал бы формированию гражданского общества, поступательному развитию региона и страны — актуален сегодня как никогда, потому что средства массовой информации заслуженно и неоправданно все чаще обвиняют в фейках и фальсификации информации. Пресс-служба, представляя интересы власти, обязана транслировать позицию базисного субъекта, однако сделать это нужно так, чтобы информационное сообщение стало катализатором конструктивного обсуждения и дискуссии.

Специалисты в области массовых коммуникаций отмечают, что в связи с этим перед сотрудниками пресс-службы стоит важная профессиональная и общественная задача, решение которой будет востребовано в сфере коммуникационных стратегий. Такая задача на современном этапе развития общественных отношений может быть реализована путем достаточно оперативного донесения до общества достоверной и актуальной информации.

Конечной целью деятельности пресс-служб органов власти является оперативное предоставление населению (то есть, сообществу на региональном уровне) достоверной информации, в объеме, необходимом для полноценного информирования.

Информация сегодня одним из самых важных является ресурсом властных субъектов современности. Функционирование системы власти и властных отношений сегодня не возможны без информации и средств ее сбора, обработки, хранения и распространения. «Интенсивное развитие информационной инфраструктуры, и прежде всего информационно-телекоммуникационных систем, средств связи, интеграция в мировое информационное пространство, а также информатизация всех сфер общественной жизни, деятельности органов государственной власти и управления существенно усилили зависимость эффективности функционирования

общества и государства от состояния информационной сферы» [3, с. 4]. И.В. Бурковский отмечает: информация — это показатель процесса гражданского общества, предусматривающего развитие общественных отношений вне рамок и без вмешательства государства. Политические партии, общественные организации и движения, свободные индивиды при осуществлении своей власти широко применяют информационные ресурсы. Кроме того, все более актуальным становится тезис о том, что современная политическая ситуация требует «не только целенаправленного участия институтов государства и общества в процессах создания, распространения и потребления информационно-культурных продуктов и услуг, но и проведения активной политики по противодействию угрозам национальной безопасности в информационной сфере» [3, с. 5–6].

Современная региональная пресс-служба участвует в информационном управлении регионом. П.Н. Киричек считает, что «информационное управление предполагает организацию массивированного медиакультурного воздействия на социально-политическую или социально-экономическую атмосферу страны (региона)» [10, с. 367]. Исследователь на основе проведенного структурно-функционального анализа утверждает, что без использования политических ресурсов информационная политика региона не будет иметь решающего значения. В основе информационного управления лежит универсальная формула «господство — подчинение», на современных этапах развития региональной политики и медийных стратегий эта формула реализуется часто в неявной форме (возможны формы внушения, убеждения, суггестии).

В XXI в. медиарилейшнз — это эффективная форма взаимодействия в области массовой коммуникации, одновременно востребованное посредничество в управленческой сфере. Исследователи отмечают: «для того чтобы эффективно управлять изменениями в различных областях общественной жизни, необходимо иметь профессионально подготовленные для этих целей кадры, именно от их компетенции будет зависеть уровень государственного управления» [18, с. 7–8]. Исследователи определяют медиарилейшнз как систему постоянно возобновляющихся, направленных на создание медийного образа организации, позитивных взаимоотношений между организацией и средствами массовой информации (и/или их работниками). Наряду с развитием цифровых технологий рассматривается, анализируется и научно обосновывается опыт новых взаимоотношений и трансформации прежних их форм.

Взаимодействие общества, человека в обществе и массмедиа показывает всю эффективность работы с общественностью с помощью каналов СМИ. В регионах эта ситуация проявляется особенно остро, и Северный Кавказ — не исключение, а скорее — показатель важности изучения всех форм взаимодействия, так как работа специалистов медиарилейшнз также базируется на традиционных ценностях региона. Система медиарилейшнз формирует определенный образ действительности, который стремится отразить существующую в обществе иерархию системы ценностей. При определенных условиях медиарилейшнз может служить мощным воспитательным и образовательным инструментом сложного современного общества [7, с. 120].

Многие исследователи относят формы и аспекты взаимодействия пресс-служб и СМИ к факторам эффективной политической коммуникации региональных парламентов с населением. В федеральном контексте пресс-службы и PR-деятельность региональных властей рассматриваются как один из ресурсов усиления авторитета власти и влияния на общественное мнение [6, с. 50–51]. Отмечается факт направленности работы пресс-служб на установление обратной связи между властью и обществом. С.М. Глазунова пишет, что в зависимости от того или иного политического режима, в работе пресс-службы различаются источники контроля: они

могут быть как общественными, так и административно-бюрократическими [6, с. 52–53]. Автор исследует, как соотносятся общественные и административно-бюрократические факторы в деятельности пресс-служб региональных парламентов с населением. На основе изучения кейсов Финляндии и Красноярского края, она предлагает четыре источника общественного и административно-бюрократического контроля: независимые СМИ, законодательство в области связей с общественностью, бюрократический аппарат; сила оппозиции внутри парламента.

Во все времена основной целью медиарилешнз была регулярная связь со СМИ, наличие открытых и доброжелательных отношений с медиасообществом, создание положительной репутации в среде журналистов. В настоящее время формы и методы работы усложняются. Усиливается роль руководителя пресс-службы, в задачи которого на современном этапе входят разработка рабочего плана, постановка задач для сотрудников, поддержание и наработка контактов СМИ, подготовка и сопровождение мероприятий разного уровня, формирование документов [16, с. 42]. Грамотное руководство деятельностью пресс-службы помогает ей создавать новый образ реальности пересказанного события, смыслы которого не могут существовать исключительно локально, они могут нормально функционировать, лишь связываясь друг с другом в общественной системе [13, с. 28].

Вместе с тем анализ литературы и источников показал, что за последние годы исследований на данную тему недостаточно, они имеют разрозненный характер. Все вышесказанное стало поводом для проведения медиаисследований, направленных на выявление эффективных форм взаимодействия пресс-служб государственных органов и СМИ Чеченской Республики. Целью исследования стало обозначение проблемных зон при выборе коммуникативных стратегий работы пресс-службы с журналистами. Основные методы исследования — мониторинг СМИ Чеченской Республики (лето 2021 г.), тематический и ситуационный мониторинг мессенджеров и социальных сетей органов государственной власти Чечни (сентябрь–октябрь 2021 г.), экспертное интервью с журналистами и сотрудниками пресс-служб государственных органов Чечни (сентябрь 2021 г.).

В начале исследования был проведен мониторинг СМИ Чеченской Республики с целью выявления наиболее часто встречающейся информации, полученной от пресс-служб региональных государственных органов. Эти сведения стали отправной точкой для подбора респондентов, которые могли бы участвовать в экспертном интервью. Среди публикаций в чеченских СМИ, в которых источником информации указывалась пресс-служба, лидирующие позиции по объему занимают материалы на темы территориальной безопасности и комфорта жизни (события, чрезвычайные ситуации), экономики и торговли (маркетинг), социально-культурный событийный маркетинг и туризм, а также сообщения медицинского характера в связи с пандемией. Исходя из этого мы обратились с вопросами экспертного интервью к сотрудникам пресс-служб соответствующих ведомств Чеченской Республики.

К участию в интервью были приглашены 25 журналистов и 25 сотрудников пресс-служб. Среди журналистов, преимущественно представителей муниципальных СМИ, активность в процессе исследования была низкой, на вопросы прислали ответы 27% из участвующих в исследовании. Среди сотрудников пресс-служб количество ответивших на вопросы составило 65%. Отказавшиеся отвечать сослались на большую занятость, проявив интерес к постановке вопросов и самому исследованию.

Сотрудникам пресс-служб в формате личной договоренности, а затем электронной переписки были заданы вопросы: Сколько времени Вы работаете в этой должности и как оцениваете опыт взаимодействия с представителями СМИ? Как Вы думаете, какие профессиональные точки пересечения наиболее важны в вашей работе и работе журналистов, СМИ? Какие сложности и проблемы приходится решать в процессе взаимодействия с представителями СМИ? Можно ли дать

прогноз о развитии взаимоотношений вашей пресс-службы и СМИ Чеченской Республики?

Применение экспертного интервью характерно для качественных исследований, которые призваны выявить при помощи личностных характеристик, проявляющихся в высказываниях, экспертное мнение специалистов в определенной области взаимодействия. Такой метод позволяет провести глубокий анализ по вертикальной шкале, проникая в суть явления. Мнение специалистов используется в качестве источника информации, несмотря на его субъективность. Эксперт способен рассуждать на тему различных аспектов одного и того же явления, а его мнение может стать прогнозом на будущее. Специалист, который может считаться экспертом в области массовых коммуникаций, рассуждает в своих развернутых ответах о том, что может быть не известно участникам метода опросов. Кроме того, в экспертных интервью чаще, чем в других методах исследования, может проявиться эксклюзивная информация. Экспертное интервью с сотрудниками пресс-служб государственных органов Чечни показало, что в нем участвовали специалисты с большим опытом работы, имеющие доступ к информационным продуктам различной степени открытости, а также обладающие опытом информационно-коммуникативного прогноза. 55% участников экспертного интервью пришли в пресс-службы из журналистики, то есть знакомы с особенностями формы подачи информации в СМИ, а также с технологией создания журналистского произведения. Все участники опроса отметили, что сегодня, как и в прошлые годы, важное место среди стратегий коммуникации со СМИ занимает личное взаимодействие.

При этом такая форма общения видоизменяется и подстраивается под требования времени: человек потребляет информацию из привычных приложений, избранных платформ и новостных агрегаторов, которые для него являются своего рода экосистемой и этнокультурной средой [8, с. 13; 14, с. 39]. Ответы экспертов подтвердили результаты тематического и ситуационного мониторинга, проведенного автором: в сетевых системах осуществлялся поиск предоставления информации в новых формах подачи. Пресс-службы активно используют социальные сети и мессенджеры для размещения информации, прежде всего, в жанре пресс-релизов, а также реагируют на информационные вызовы медиaprостранства. В открытом доступе в социальных сетях и мессенджерах были выявлены публикации, активность использования канала в качестве информационного ресурса представлена в табл. 1. Среди организаций, которые активно и на постоянной основе используют современные цифровые ресурсы в информировании населения при помощи СМИ — Министерства республики: автомобильных дорог, здравоохранения, культуры, образования и науки, природных ресурсов и охраны окружающей среды, промышленности и энергетики, сельского хозяйства, строительства и жилищно-коммунального хозяйства, транспорта и связи, труда, занятости и социального развития, министерства финансов, а также по национальной политике, внешним связям, печати и информации, министерство по туризму, министерство по физической культуре и спорту.

Мониторинг социальных сетей министерств республики показал, что количество просмотров размещенной в сетях информации о деятельности ведомств динамично растет. Жители республики активно используют социальные сети для получения информации (табл. 2).

Увеличение количества просмотров информации в соцсетях объясняется не только растущим уровнем цифровизации потребления информации. Этот показатель незначителен на уровне сравнения 2020 и 2021 гг. Жители Чеченской Республики, как показывают комментарии в соцсетях, демонстрируют свое доверие к позиции главы Чеченской Республики во внутренней и внешней политике, социально-экономической, духовно-нравственной, культурной, спортивной сферах.

Таблица 1

**Данные мониторинга активности использования сетевых платформ
в процессе освещения деятельности организации**

Table 1. Data on monitoring the activity of the use of network platforms
in the process of covering the activities of the organization

Социальная сеть / мессенджер	Активность использования организациями среди названных цифровых платформ	Комментарий
1. Facebook*	100%	Данная платформа используется наряду с № 3 и 4
2. Twitter**	80%	—
3. ВКонтакте	100%	Данная платформа используется наряду с № 1 и 4
4. Instagram*	100%	Данная платформа используется наряду с № 1 и 3
5. Youtube**	78%	
6. Одноклассники	75%	

*Соцсеть, принадлежащая признанной экстремистской и запрещенной в России организации Meta Platforms Inc.

**Сайт нарушает законодательство РФ.

Таблица 2

**Динамика потребления населением информации в соцсетях
министерств Чеченской Республики**

Table 2. Dynamics of the population's consumption of information in social networks
of the ministries of the Chechen Republic

Тематика публикаций в соцсетях (считалось по количеству просмотров на платформах Facebook*, ВКонтакте, Instagram*, Одноклассники)	Количество просмотров информации в соцсетях — динамика 2021 г. по сравнению с 2020 г.	Комментарий
Государство, общество, политика	+ 27%	Наибольший прирост — Instagram*
Социальная сфера (в том числе медицина, туризм)	+ 36%	Активная соц-сеть — ВКонтакте
Экономика	+ 17%	
Безопасность, законность	+ 15%	
Жилищно-коммунальная сфера	+ 23%	

*Соцсеть, принадлежащая признанной экстремистской и запрещенной в России организации Meta Platforms Inc.

При этом необходимо отметить, что количество комментариев и форм обратной связи незначительно по сравнению с показателями других регионов России, в первую очередь столичных, что является стимулом для пресс-служб данных ведомств к поиску дополнительных методов и приемов работы с населением.

Все участники опросов и интервью отмечали, что для успешной работы в пресс-службе необходимо полноценное участие и активность в информационном про-

странстве: коммуникации офлайн-характера в виде встреч, совещаний и брифингов, поддержание деловой и личной переписки посредством электронной почты. В последнее время важным инструментом в общении стали гаджеты, имеющие доступ к мессенджерам. Лидер Чеченской Республики Р. Кадыров активно ведет свой Telegram-канал, личную страницу «ВКонтакте». Общение в социальных сетях на темы профессионального взаимодействия помогают дополнить информационную реальность и разъяснять важность и способы тональности подачи информации журналистам.

На основе обработки ответов о личных данных и профессиональном опыте сотрудников пресс-служб был составлен портрет, типологически показывающий основные характеристики современного специалиста. Данные представлены в табл. 3 и 4.

Эксперты откликнулись на просьбу обозначить проблемные зоны в ситуации взаимодействия со СМИ: специалисты, имеющие большой опыт работы в занимаемой должности, отмечали, что современные стратегии общения делают работу сотрудника пресс-службы более мобильной: «...меняются запросы общества на качество и форму контента предоставляемого информационного продукта. И в связи с этим нужно учитывать пожелания общественности — быть намного мобильнее и работать на опережение, повышать качественную планку предоставляемой информации; быть открытыми и честными, в первую очередь руководителям и представителям пресс-служб, и, конечно, самим журналистам»; «совместно искать новые подходы и фор-

Таблица 3

Личностно-профессиональные характеристики сотрудников пресс-служб государственных органов (участники опроса)

Table 3. Personal and professional characteristics of employees of the press services of state bodies (survey participants)

Опыт работы в коммуникационной сфере	В том числе в пресс-службе	Профессиональные качества, названные в качестве самохарактеристики	Личные качества, названные необходимыми для руководителя пресс-службы
26 лет	8 лет	Открытость, честность	Открытость журналистам, смелость, мобильность в принятии решения и подачи информации, готовность озвучить правду
13 лет	13 лет	Опыт общения с представителями СМИ	Опыт общения с представителями СМИ
25 лет	17 лет	Преодоление бюрократических барьеров	Отношения СМИ и пресс-службы должны быть взаимовыгодны
—	10 лет	Умение наладить личные контакты	Умение найти альтернативный источник, когда контакт не налажен
—	5 лет	Умение обозначить достижения и положительные моменты деятельности организации	Обладать компетенциями общения с журналистами, не быть конфликтным
—	16 лет	Непрерывность профессионального общения с журналистами	Оперативно предоставлять информацию о деятельности организации

Личностно-профессиональные качества, отмеченные респондентами в качестве обязательных для сотрудника современной пресс-службы
 Table 4. Personal and professional qualities noted by respondents as mandatory for an employee of a modern press service

Названные в качестве приоритетных характеристики сотрудников пресс-службы	Эксперты, считающие характеристики важными, % от участвующих в интервью
Ответственность	100
Опыт работы и взаимодействия с журналистами	80
Оперативность реагирования на запросы	75
Личное взаимодействие как коммуникативная стратегия	67
Правдивость, честность в позиционировании информации	60
Умение работать с «горячими» поводами и форс-мажорами	60
Знание документов и нормативных актов в сфере организации	16
Способности грамотно сформировать журналистский пул по спецнаправлениям	10

маты взаимодействия, поскольку сегодня именно пресс-службы являются наиболее распространенной организационной структурой, отвечающей за коммуникации между правящими органами / крупным бизнесом и обществом»; «Пока что это самый простой способ диалога с общественностью».

Проведенные исследования выявили особенности взаимодействия пресс-служб с органами государственной власти Чечни. В их деятельности отражаются проблемные зоны медиарилейшнз:

1. Взаимодействие пресс-служб и органов государственной власти является не просто формой диалога, но часто призвано выполнять разъяснительные функции; на практике это происходит не всегда.
2. В целом информация от пресс-служб не игнорирует интересы целевых аудиторий, однако есть конфликтные зоны, которые часто заключаются в том, что информация поступает населению через журналистов, по-своему интерпретирующих ее.
3. Выявлено, что процессы и формы медиарилейшнз в Чеченской Республике имеют свои отличительные черты, которые, прежде всего, базируются на особенностях воздействия на аудиторию в рамках конкретной территории и этнокультурной составляющей ее жителей [9, с. 117].

Государственные структуры всех регионов сталкиваются с информационной закрытостью, необходимостью разъяснения обществу проводимой политики, сформировавшейся в обществе имидж высших государственных чиновников как неэффективных руководителей, а также недоверие к государственной власти в целом.

В Чеченской Республике в этом направлении выявлен положительный опыт работы, который заключается в следовании национальным и этнокультурным традициям. Имиджевая проекция государственных органов в СМИ строится с учетом ценностей и образа жизни в республике, а медиадискурс демонстрирует накопленный культурный опыт национального социума как инструмент формирования ценностных приоритетов жителей. Органы государственной власти апеллируют в сво-

ей работе не только к освоению цифровых технологий, но и в значительной степени к ценностям общества. В материалах пресс-служб актуальны вопросы о роли трансляции и ретрансляции ценностей Северного Кавказа, прежде всего это касается размещения информации на сетевых платформах. Такую позицию видят журналисты республики, поэтому и им приходится считаться с моральными и ценностными ориентирами Северного Кавказа: открытость, порядочность, желание уйти от конфликта. С этой позиции погоня за сенсацией становится для журналистов не всегда выполнимой задачей.

Мониторинг медиа и экспертные интервью показали, что сотрудники пресс-служб используют стратегию ухода от конфликтов как ожидание аудитории сохранить традиции и нейтрализовать негативные стереотипы, формирующиеся под воздействием в основном зарубежных ньюсмейкеров. Выявленные модели репрезентации ценностей региона в новостных материалах могут быть востребованы и в других регионах. В мире глобализации всё более актуальным и значимым для гармоничного функционирования государства становится продвижение моделей национальной идентификации.

Полученные данные не могут быть абсолютной основой для формирования рекомендаций к работе пресс-служб, однако способны обратить внимание на аспекты медийной политики. Результаты говорят о тех тенденциях, которые происходят в области стратегических коммуникаций и должны быть изучены также в регионах Северного Кавказа. Выстраивание отношений органов государственной власти с представителями СМИ является необходимым аспектом государственного управления в демократической стране, поскольку они обеспечивают основу процесса принятия политических решений, обязательно подразумевающего общность интересов государства и общества.

Литература

1. Браун Л. Имидж — путь к успеху. СПб.: Питер, 1996. 203 с.
2. Буланова М. Б. Власть и нравственность: «Кто будет сторожить сторожей?» — уроки П. Сорокина для современности // Вестник РГГУ. Сер. Политология. История. Международные отношения. 2019. № 4. С. 102–110.
3. Бурковский И. В. Информационные ресурсы политической власти: содержание и современные технологии применения : дис. ... канд. полит. наук. М., 2011. 190 с.
4. Бурова Ю. Е. Функциональные особенности современной пресс-службы // Гуманитарный вектор. Серия: История, Политология. 2012. № 2(30). С. 230–236.
5. Гавра Д. П., Таранова Ю. В. Исследование специфики формирования имиджа региона в сетевых СМИ в информационном обществе // Вестник СПбГУ. 2010. Сер. 9. Вып. 3. С. 224–230.
6. Глазунова С. М. Анализ публичной коммуникации региональных парламентов с населением в 2016-м году: кейсы Санкт-Петербурга, Красноярского края и Хельсинки // Социально-политические науки. 2018. № 2. С. 50–60.
7. Гришанина А. Н., Угрюмов В. Б. Телевидение и общество: ценностный аспект новых форм медиарелейшнз // Управленческое консультирование. 2012. № 4. С. 117–121.
8. Гуров Ф. Н. Опыт социально-философского осмысления проблемы «фейков» и «пузырей фильтров» в сети // Проблемы современного образования. 2019. № 3. С. 13–18.
9. Евсеев А. Ю., Ерофеева И. В. Медиаобраз Северного Кавказа в СМИ Чеченской Республики как инструмент национальной идентификации // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15. № 5. С. 116–125.
10. Киричек П. Б. Журналистика в системе информационного управления // Вопросы теории и практики журналистики. 2015. № 4. С. 366–384.
11. Кочеткова А. В., Филиппов В. Н., Сковорцов Я. Л. Теория и практика связей с общественностью. СПб. : Питер, 2008. 240 с.
12. Мельник Г. С. Взаимодействие PR-структур и СМИ: формы, принципы, зоны ответственности // Управленческое консультирование. 2012. № 4. С. 108–114.

13. *Мурейко Л. В.* Реальность масс-медиа в концепции операционного конструктивизма: критический анализ // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: философские науки. 2018. № 4. С. 26–32.
14. *Попов Д. Н.* Интегративный подход к понятию «образ» // Известия Саратовского университета. 2016. Т. 16. № 1. С. 38–43.
15. *Салливан М. Х.* Современная пресс-служба. М., 2002. 78 с.
16. *Суслова О. О.* Организация работы современной пресс-службы // Наука, образование, культура. 2016. № 5 (8). С. 41–43.
17. *Тульчинский Г. Л.* Работа и отношения со СМИ / Эксперт. ин-т РСПП [и др.]. СПб. : Справочники Петербурга, 2005. 180 с.
18. *Шамахов В. А.* К новой системе профессионального обучения государственных управленцев // Управленческое консультирование. 2011. № 4. С. 7–16.
19. *Якушева А. С.* Формы и методы взаимодействия региональных представительных органов государственной власти Западной Сибири и их пресс-служб со средствами массовой информации // Известия Алтайского госуниверситета. 2013. Т. 2. № 4 (80). С. 302–306.

Об авторе:

Евсеев Александр Юрьевич, старший преподаватель Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт Петербург, Российская Федерация); evseevau@mail.ru

References

1. Brown L. Image — the path to success. Saint Petersburg : Peter, 1996 (In Rus).
2. Bulanova M. B. Power and morality: “Who will guard the watchmen?” — lessons of P. Sorokin for the present // RGGU Bulletin. Ser. Political science. Story. Int. relationship [Vestnik RGGU. Ser. Politologiya. Istoriya. Mezhdunarodnye otnosheniya]. 2019. N 4. P. 102–110 (In Rus).
3. Burkovsky I. V. Information resources of political power: content and modern application technologies. Diss. Cand. polit. sciences. M., 2011. 176 p. (In Rus).
4. Burova Yu. E. Functional features of the modern press service // Humanitarian vector. Series: History, Political Science [Gumanitarnyi vektor. Seriya: Istoriya, Politologiya]. 2012. N 2 (30). P. 232–239 (In Rus).
5. Gavra D. P., Taranova Yu. V. Investigation of the specifics of the formation of the region’s image in the network media in the information society // Bulletin of St. Petersburg State University [Vestnik SPbGU]. Ser. 9. Iss. 3. P. 224–230 (In Rus).
6. Glazunova S. M. Analysis of public communication of regional parliaments with the population in 2016: cases of St. Petersburg, Krasnoyarsk region and Helsinki // Socio-political sciences [Sotsial’no-politicheskie nauki]. 2018. N 2. P. 50–60 (In Rus).
7. Grishanina A. N., Ugryumov V. B. Television and society: the value aspect of new forms of media relations // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul’tirovanie]. 2012. N 4. P. 117–121 (In Rus).
8. Gurov F. N. Experience of socio-philosophical understanding of the problem of “fakes” and “filter bubbles” in the network // Problems of modern education [Problemy sovremennogo obrazovaniya]. 2019. N 3. P. 12–18 (In Rus).
9. Evseev A. Yu., Erofeeva I. V. Media image of the North Caucasus in the mass media of the Chechen Republic as an instrument of national identification // Humanitarian vector [Gumanitarnyi vektor]. 2020. Vol. 15. N 5. P. 116–125 (In Rus).
10. Kirichuk P. B. Journalism in the information management system // Questions of theory and practice of journalism [Voprosy teorii i praktiki zhurnalistiki]. 2015. N 4. P. 366–384 (In Rus).
11. Kochetkova A. V., Filippov V. N., Skvortsov Ya. L. Theory and practice of public relations. St. Petersburg : Peter, 2008. 240 p. (In Rus).
12. Melnik G. S. Interaction of PR structures and mass media: forms, principles, areas of responsibility // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul’tirovanie]. 2012. N 4. P. 108–114 (In Rus).
13. Mureiko L. V. The reality of the mass media in the concept of operational constructivism: a critical analysis // Bulletin of Moscow Region State University. Series: philosophical sciences [Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: filosofskie nauki]. 2018. N 4. P. 27–34 (In Rus).
14. Popov D. N. An integrative approach to the concept of “image” // Izvestiya of Saratov University [Izvestiya Saratovskogo universiteta]. 2016. Vol. 16. N 1. P. 38–46 (In Rus).

15. Sullivan M. H. Modern press service. M., 2002. 78 p. (In Rus).
16. Suslova O. O. Organization of the work of the modern press service // Science, education, culture [Nauka, obrazovanie, kul'tura]. 2016. N 5 (8). P. 41–43 (In Rus).
17. Tulchinsky G. L. Work and relations with the media / Expert. in-t RSPP [et al.]. St. Petersburg: Reference books of St. Petersburg, 2005. 180 p. (In Rus).
18. Shamakhov V. A. To the new system of professional training of state managers // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsul'tirovanie]. 2011. N 4. P. 7–16 (In Rus).
19. Yakusheva A. S. Forms and methods of interaction of regional representative bodies of state power in Western Siberia and their press services with the media // Izvestiya of Altai State University [Izvestiya Altaiskogo gosuniversiteta]. 2013. Vol. 2. N 4 (80). P. 302–306 (In Rus).

About the author:

Alexander Yu. Evseev, Senior Lecturer of North-West Institute of Management, Branch of RANEPA (St. Petersburg, Russian Federation); evseevau@mail.ru

Республика Беларусь и Украина: контрасты этнической и лингвистической идентичности

Манаков А. Г. *, Теренина Н. К.

Псковский государственный университет, Псков, Российская Федерация; *region-psk@yandex.ru

РЕФЕРАТ

Республика Беларусь является единственным государством ближнего зарубежья, где, при сокращении доли русского населения, с начала XXI в. наблюдается рост доли граждан, которые называют русский язык родным и активно используют его в быту. Украина, несмотря на значительное сходство с Республикой Беларусь по лингвистической структуре населения, является прямой противоположностью последней по ходу языковых процессов. Целью статьи является сравнение хода этнолингвистических процессов в двух обозначенных странах ближнего зарубежья. Для этого была дана оценка численности основных этнических и языковых групп населения Украины в период между 2001 и 2021 гг. по двум разработанным сценариям этнолингвистической динамики — собственно «украинскому» и «белорусскому». В ходе исследования выявлено, что в населении Украины наибольшей подвижностью идентичности в зависимости от политической обстановки характеризовались группы билингвов (или биэтнофоров). Несмотря на заметные успехи Украины в «титализации» и языковой ассимиляции неукраинского населения, при переходе к «белорусскому» варианту национальной политики, благодаря высокой доле в населении билингвов, эти процессы могут принять обратный характер.

Ключевые слова: этнодемографические процессы, этническая структура, ассимиляция, родной язык, бытовой язык, билингвизм

Для цитирования: Манаков А. Г., Теренина Н. К. Республика Беларусь и Украина: контрасты этнической и лингвистической идентичности // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 145–155.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-05-00369 «Трансформация этнокультурного пространства постсоветских государств: факторы, тренды, перспективы».

Авторы выражают признательность П. Э. Суворкову за помощь в оценке численности этнических и языковых групп Украины на 2021 г.

The Republic of Belarus and Ukraine: Contrasts of Ethnic and Linguistic Identity

Andrei G. Manakov*, Natalia K. Terenina

Pskov State University, Pskov, Russian Federation; *region-psk@yandex.ru

ABSTRACT

The Republic of Belarus is the only state of the Near Abroad, where, with a reduction in the share of the Russian population, since the beginning of the 21st century, there has been an increase in the proportion of citizens who called Russian their native language and actively used it in everyday life. Ukraine, despite the significant similarity with the Republic of Belarus in the linguistic structure of the population, is the direct opposite of the latter in the course of linguistic processes. The purpose of the article is to compare the course of ethno-linguistic processes in these two neighboring countries. The study assesses the change in the size of the main ethnic communities and linguistic groups of Ukraine in the period from 2001 to 2021, depending on the scenario of ethno-linguistic dynamics — actually “Ukrainian” and “Belarusian”. The study revealed that in the population of Ukraine the main shifts took place within the groups of bilinguals (or biethnophores) that changed their identity depending on the political situation. Despite Ukraine’s notable successes in “titulating” and linguistic assimilation of the

non-Ukrainian population, in the transition to the “Belarusian” version of the national policy, due to the high proportion of bilinguals in the population, these processes can reverse.

Keywords: ethno-demographic processes, ethnic structure, assimilation, native language, everyday language, bilingualism

For citing: Manakov A. G., Terenina N. K. The Republic of Belarus and Ukraine: Contrasts of Ethnic and Linguistic Identity // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 145–155.

Acknowledgments. *The reported study was funded by RFBR, project number 20-05-00369 “Transformation of the Ethnocultural Space of Post-Soviet States: Factors, Trends, Prospects”.*

The authors are grateful to P. E. Suvorov for his help in estimating the number of ethnic and linguistic groups in Ukraine for 2021.

Введение

Республика Беларусь является единственным государством ближнего зарубежья, где с 2000-х гг. изменения в соотношении титульного и русского населения, с одной стороны, и в использовании титульного и русского языков, с другой стороны, приобрели разную направленность. Это произошло из-за изначально высокой доли билингов в стране, а также благодаря референдуму 1995 г., закрепившему за русским языком статус государственного. В итоге Республика Беларусь превратилась в страну «государственного билингвизма». Несмотря на то, что после референдума в стране продолжала сокращаться численность и доля русского населения, почти сразу обозначился рост числа граждан Республики Беларусь, называющих родным русский язык [14].

Украина в начальный период своего суверенного существования мало отличалась от Республики Беларусь как по соотношению титульного и русского населения, так и по доле билингов. К тому же вплоть до начала 2000-х гг. Украина характеризовалась схожим с Республикой Беларусь ходом этнодемографических процессов, но стала прямой противоположностью последней по динамике лингвистических групп населения.

В постсоветский период Республика Беларусь провела три переписи населения, состоявшиеся в 1999, 2009 и 2019 гг. Украина же после распада Советского Союза провела всего одну перепись населения. Она состоялась в 2001 г. Следующую перепись населения первоначально предполагалось провести в 2010 г., затем она была перенесена на 2020 г. Но и в этом году перепись населения не состоялась, а была отложена до 2023 г. В 2022 г. из-за новых геополитических реалий стало очевидным, что и эта перепись проведена быть не может. Таким образом, перепись населения 2001 г. так и осталась единственной, проведенной в границах Украины на момент распада Советского Союза [14]. По этой причине существует как научная, так и практическая потребность в оценке изменений в этнической и лингвистической структуре населения Украины в первые два десятилетия XXI в. Благодаря этому также появляется возможность сопоставления хода этнолингвистических процессов на Украине и в Республике Беларусь за последние три десятилетия.

Целью исследования является сравнение хода этнолингвистических процессов в Республике Беларусь и Украине в постсоветский период вплоть до 2019/2021 г.

Для реализации данной цели потребовалось дать оценку численности основных этнических и языковых групп населения Украины в период между 2001 и 2021 гг. Причем эта оценка была осуществлена по двум разработанным авторами сценариям этнолингвистической динамики — собственно «украинскому» и «белорусскому».

Материалы и методы

Материалами, на которые опирается исследование, являются итоги Всесоюзных переписей населения, представленные на сайте “Demoskop Weekly”¹; результаты переписей населения Республики Беларусь² и Украины³, национальная статистика на ресурсе “Population statistics of Eastern Europe & former USSR”⁴; оценки и прогнозы Отдела народонаселения ООН⁵.

Авторы, изучающие национальный состав населения Украины в постсоветский период, вынуждены опираться на итоги единственной национальной переписи 2001 г. Соответственно, целый ряд исследований (например, [12; 13] и др.) посвящен анализу результатов данной переписи населения. При этом в работах российских авторов достаточно часто обращается внимание на положение русских на Украине в постсоветский период, на их этническую и языковую ассимиляцию (например, [4; 7] и др.).

В соответствии с целью нашего исследования нужно отметить работы, посвященные проблематике белорусско-русского билингвизма и этнической идентичности населения в Республике Беларусь (например, [2; 6; 8; 9] и др.). Русскоязычие в Республике Беларусь и Украине рассмотрено в целом ряде исследований, осуществленных по данной тематике в пределах всего ближнего зарубежья (например, [5; 11; 16] и др.). Достаточно много публикаций посвящено общим вопросам связи этничности и политики, рискованным аспектам взаимодействия этнических и политических факторов развития общества, приводящим к политизации этничности (например, [1; 19] и др.).

Теоретико-методологической основой осуществленного в данной статье этнодемографического прогнозирования являются работы отечественных и зарубежных демографов. Проблематика смешанных браков, этноассимиляционных процессов и этнической идентичности рассматривались в публикациях таких авторов, как К. Мяги, М. ван Хам, К. Литмаа, Т. Таммару [17], А. Ю. Орлов [18], Л. Платт [20], К. М. Уотерс [21] и др. Методика демографического прогнозирования опирается на разработки И. Г. Венецкого [3], Е. Л. Сороко [10], Х. Бута [15], Т. Уилсона [22] и др.

Для оценки изменения численности этнических и языковых сообществ Украины с 2001 по 2021 г. была использована методика экспресс-оценки воспроизводственного потенциала этнических групп, которая была применена нами при осуществлении этнодемографического прогноза до 2069 г. в Республике Беларусь [6]. Оценка опирается на базовый демографический прогноз Отдела народонаселения ООН. Экспресс-оценка является модифицированным вариантом когортно-компонентного метода демографического прогнозирования, опирающегося на передвижку возрастов. При осуществлении экспресс-оценки все внимание концентрируется на собственно этнических процессах, называемых также «вложенными» (заимствование этнической идентичности детьми, рожденными в этнически-смешанных семьях,

¹ Demoskop Weekly [Электронный ресурс]. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/ssp/census.php?su=2> (дата обращения: 15.06.2022).

² Общая численность населения, численность населения по возрасту и полу, состоянию в браке, уровню образования, национальностям, языку, источникам средств к существованию по Республике Беларусь. Статистический бюллетень. Минск : Национальный статистический комитет Республики Беларусь, 2020. 55 с.

³ Всеукраинская перепись населения 2001. Национальный состав населения, гражданство [Электронный ресурс]. URL: http://2001.ukrcensus.gov.ua/rus/results/nationality_population/ (дата обращения: 20.01.2021).

⁴ Population statistics of Eastern Europe & former USSR [Электронный ресурс]. URL: <http://pop-stat.mashke.org/> (дата обращения: 15.06.2022).

⁵ WPP. United Nations. Department of Economic and Social Affairs. Population Division. World Population Prospects 2019 [Электронный ресурс]. URL: <https://esa.un.org/unpd/wpp/> (дата обращения: 15.06.2022).

ресамоидентификация взрослых и т. п.). С другой стороны, экспресс-оценка не включает прогноз миграционных процессов, которые находятся в зависимости от социально-экономических и политических факторов.

Результаты исследования и их обсуждение

Прежде всего, обратим внимание на изменения удельного веса русского населения и титульных народов Украины и Белоруссии / Республики Беларусь в советский и постсоветский периоды, которые имели общие тренды, заключавшиеся в росте доли русского и уменьшении титульного населения в советский период, и прямо противоположной динамике — в постсоветский период (рис. 1). На данном графике отражены как результаты Всесоюзных переписей населения с 1959 по 1989 г., так и итоги национальных переписей Республики Беларусь (с 1999 по 2019 г.), Украины (2001 г.), а также рассчитанные авторами показатели по Украине до 2020 г. (в границах до 2014 г.). Последние опираются на оценку численности этнических групп на определенный год, данную согласно представленной выше методике этнодемографического прогнозирования. В данном случае был использован «украинский» сценарий этнической динамики, основанный на трендах, определившихся в период между переписями 1989 и 2001 гг.

График позволяет увидеть несколько более ускоренное сокращение удельного веса русского населения на Украине в период 2000-х и 2010-х гг. по сравнению с Республикой Беларусь, что стало результатом более активной ассимиляции русских на Украине в период 1990-х гг. (именно на этот тренд опирается наша оценка хода этнодемографических процессов по «украинскому» сценарию в последую-

Рис. 1. Изменение доли русского и титульного населения Белоруссии и Украины в период с 1959 по 2019/2020 гг.

Fig. 1. Change in the share of the Russian and titular population of Belarus and Ukraine in the period from 1959 to 2019/2020

щие два десятилетия). Утрата Украиной Крымского полуострова в 2014 г. еще в большей степени ускорила данный процесс.

Согласно результатам осуществленной нами экспресс-оценки воспроизводства украинского и русского населения (в границах Украины с 2014 г., т. е. без Крыма) доля титульного населения на рубеже 2020–2021 гг. должна была бы составлять 87%, а русского населения — всего лишь 8,6%. Таким образом, по этим показателям на рубеже второго и третьего десятилетий XXI в. Украина вышла почти на один уровень с Республикой Беларусь. Однако в дальнейшем мы сконцентрируем внимание не на процессах «титулизации» (формальной ассимиляции) русских на Украине, а на особенностях языковой ситуации в сравниваемых молодых государствах. Подвижки в языковой идентификации граждан Республики Беларусь и Украины приобрели принципиально разную направленность.

Как отмечает А. С. Соколов [8], вплоть до референдума 1995 г. в Республике Беларусь господствовала идеологическая установка, что белорус как гражданин независимого государства должен считать родным именно белорусский язык. Но после предоставления русскому языку статуса государственного в 1995 г. в стране был фактически узаконен билингвизм. Тем не менее предшествующая установка влияла на выбор белорусами родного языка в первых национальных переписях населения, и связь с тем, какой язык был первым усвоен в детстве, была слаба. Так, в 1999 г. доля граждан Республики Беларусь, назвавших родным белорусский язык, увеличилась по сравнению с 1989 г. на 8,1%, достигнув 73,7%, а русский язык — уменьшилась на 7,8%, до 24,1% (рис. 2).

Рис. 2. Изменение с 1989 по 2019 г. доли жителей Белоруссии / Республики Беларусь, называющих родными титульный и русский языки, а также использующих их в быту
Fig. 2. Change from 1989 to 2019 share of residents of Belarus / Republic of Belarus who call the titular and Russian languages native, and use them in everyday life

В программу переписи населения Республики Беларусь в 1999 г., кроме вопроса о родном языке, был включен вопрос о языке бытового общения. Ответы на эти вопросы очень сильно отличались. Так, доля белорусов, назвавших языком бытового общения русский, в четыре раза (58,6% к 14,3%) превысила долю тех, кто назвал русский родным языком. Похожая ситуация характеризовала большую часть остальных этнических сообществ Республики Беларусь. Всего же доля тех, кто обозначил языком бытового общения русский, в 1,7 раза превысила удельный вес населения республики, назвавших таковым белорусский язык.

Перепись населения 2009 г. выявила в Республике Беларусь как рост доли населения, использующих русский язык в быту (на 7,4%), так и увеличение в 1,7 раза (до 41,6%) тех, кто назвал русский родным языком. И, наконец, перепись населения 2019 г. подтвердила установившиеся на рубеже первого и второго десятилетий XXI в. пропорции в использовании гражданами Республики Беларусь белорусского и русского языков. В ответах на этот вопрос произошли совсем небольшие изменения, но в пользу русского языка, как и в случае ответа на вопрос о родном языке. Тем не менее, как считает А.С. Соколов [8], сохраняются отголоски идеологической установки начала 1990-х гг., ныне выражающиеся в политизации языкового вопроса. Обозначение приоритета русского или белорусского языков становится маркером определенных политических сил.

В качестве общей этнолингвистической особенности Республики Беларусь и Украины выступает большой удельный вес населения, в равной степени использующих русский и титульные языки, т. е. билингов, значительная часть которых может быть отнесена к категории людей с двойным этническим самосознанием — биэтнофоров. Так, например, по оценке И.В. Митрофановой и С.Я. Суцего [7, с. 52], в 2015 г. от 11 до 12 млн жителей Украины (в границах после 2014 г.) составляли биэтнофоры, из которых 9–9,5 млн называли себя украинцами, а 2–2,2 млн — русскими. Пополнение этой категории населения в постсоветский период происходило в большей степени за счет тех лиц, которые ранее называли себя русскими, но под воздействием государственной национальной и языковой политики сменили свою этническую идентичность. Но даже после «титулизации» они оставались биэтнофорами, но уже со стороны украинского этноса. Вместе с тем данная категория населения росла и за счет украинцев-билингвов. Так, согласно оценке указанных авторов, с начала 1990-х гг. до 2015 г. доля биэтнофоров во всем населении Украины выросла с 17 до 30%.

В начале своей государственной истории Республика Беларусь и Украина были почти в равной степени преимущественно русскоязычными странами. В сумме примерно 4/5 населения этих государств составляли русские и билингвы, которые называли русский в качестве первого или второго языка [14]. Итоги Всесоюзной переписи населения 1989 г. позволяют увидеть небольшие различия в структуре русскоязычного населения. Так, в Белоруссии чуть ниже, чем на Украине, была доля собственно русского населения (8,2 против 16,9%). Однако это компенсировалось двукратным перевесом белорусов над украинцами по доле тех, кто называл русский родным языком (10 против 5%). Также был немного выше удельный вес во всем населении республик белорусско-русских билингвов (70%), чем украинско-русских (66,5%).

Благодаря сходству этнолингвистической структуры этих двух республик перед распадом Советского Союза можно провести сравнительный анализ языковых процессов, которые развернулись в них в период независимости. Как было отмечено выше, сложность такого сравнения связана с тем, что за весь постсоветский период Украина провела лишь одну перепись населения, да и та прошла свыше двух десятилетий назад. Поэтому для реализации цели исследования нами на основе когортно-компонентного метода этнодемографического прогнозирования сначала

была дана оценка на период с 2001 по 2021 г. численности населения Украины, а также той части ее жителей, которые в качестве родного называют украинский и русский языки (рис. 3).

Этнодемографический сценарий, исходящий из того, что темпы языковой ассимиляции сохранятся на том же уровне, что и в 1990-е гг., был назван «украинским». Он предполагает сохранение в первые два десятилетия XXI в. заданного ранее тренда государственной политики языковой ассимиляции в пользу титульного языка. Согласно нашей оценке, в 2021 г. украинский язык назвало бы родным 72% жителей Украины (в границах до 2014 г.), а русский язык — около 24% населения.

На втором этапе этнодемографического прогноза была дана оценка численности лингвогрупп Украины в период с 2001 по 2021 г. исходя из «белорусского» сценария развития языковых процессов. Данный сценарий предполагал гипотетическую ситуацию признания русского языка в качестве государственного (по аналогии с последствиями референдума 1995 г. в Республике Беларусь). Как и в случае с этногруппами, был применен когортно-компонентный метод этнодемографического прогнозирования, но в качестве основы были взяты лингвогруппы, включая разные категории билингов.

Рис. 3. Доля жителей Украины, называющих родным титульный и русский языки (в 1989 и 2001 гг.), а также оценка на 2011 и 2021 гг. удельного веса русскоязычного населения в соответствии с «украинским» и «белорусским» сценариями этнолингвистических процессов

Fig. 3. Share of residents of Ukraine who call the titular and Russian languages native (in 1989 and 2001), as well as estimates for 2011 and 2021 proportion of the Russian-speaking population in accordance with the “Ukrainian” and “Belarusian” scenarios of ethnolinguistic processes

Чтобы перейти к разработке «белорусского» сценария для лингвогрупп Украины, были изучены аналогичные языковые группы в Республике Беларусь по результатам всех трех национальных переписей населения (1999, 2009 и 2019 гг.). Далее была выявлена реакция данных языковых групп на придание русскому языку статуса государственного. Соответственно, данная реакция лингвогрупп была перенесена на аналогичные группы населения Украины [14]. Затем была подсчитана как численность, так и доля разных лингвогрупп, соответствующих «белорусскому» сценарию.

Полученные результаты оценки доли лингвогрупп Украины в соответствии с «белорусским» сценарием на 2011 и 2021 гг. отображены на рис. 3. Украина немного уступила Республике Беларусь (см. рис. 2) по доле населения, которое могло бы заявить о русском языке как бытовом (68,2% в 2021 г. против 71,4% в 2019 г. в Республике Беларусь). Но из-за более высокого удельного веса русского населения Украина могла немного превосходить Республику Беларусь по доле признающих русский язык родным (соответственно 44% против 42%).

Представленные результаты исследования свидетельствуют о том, что на Украине в постсоветский период, несмотря на «титулизацию» разных этнических групп (в том числе русского населения) и формальную лингвистическую ассимиляцию, не произошло радикальных изменений в этнолингвистической структуре населения. Подвижки касались преимущественно групп билингов (или биэтнофоров), которые меняли свою идентичность в зависимости от политической ситуации (в качестве реакции на национальную и языковую политику государства).

С учетом того, что на Украине сохраняется высокая доля билингов (и биэтнофоров), происходившие в постсоветский период процессы «титулизации» и лингвистической ассимиляции населения могут при определенных обстоятельствах принять обратный характер. Это может произойти в случае радикального изменения национальной политики, причем в относительно сжатые сроки. Доказательством этому служит достаточно быстрое изменение лингвистической ситуации в Республике Беларусь после проведения в 1995 г. референдума о предоставлении русскому языку статуса государственного.

Причем даже в итогах переписи населения 2019 г. в Республике Беларусь А. С. Соколов [9] выявил некоторые несоответствия, которые позволили сделать вывод о занижении доли населения, использующего в быту русский язык, в пользу белорусского языка. На это повлияла совокупность факторов, включая административный, а также стремление опрошенных отвечать исходя из идеологической установки и своей политической позиции, непонимание социолингвистической терминологии и т. п. Таким образом, в Республике Беларусь политический фактор и сейчас продолжает играть заметную роль в этнолингвистической идентификации населения.

На Украине, где политическая турбулентность нарастала в течение всего постсоветского периода, а ныне достигла своего апогея, стала возможной смена в сжатые сроки не только языковой, но и этнической идентичности значительной части населения. Решающим фактором здесь становится статус русского языка, что будет определяться политическим статусом конкретных территорий. Ближайшая перепись населения на этих территориях покажет совершенно иной результат по сравнению с ожидаемыми итогами так и не состоявшейся в начале третьего десятилетия XXI в. всеукраинской переписи населения.

Выводы

Республика Беларусь и Украина на момент получения суверенитета характеризовались схожей этнолингвистической структурой населения и были преимущественно

но русскоязычными странами. В сумме примерно 4/5 населения этих государств составляли русские и билингвы (которые называли русский в качестве первого или второго языка). Оба государства являются ярким примером влияния на этнолингвистические процессы политического фактора, но с противоположным знаком. Но сложность сравнения хода этнолингвистических процессов в Республике Беларусь и Украине связана с тем, что на Украине в постсоветский период прошла всего одна перепись населения [14]. Она состоялась в 2001 г., и осталась единственной, проведенной в ее первоначальных границах на момент распада СССР.

По этой причине существует как научная, так и практическая потребность в оценке изменений в этнической и лингвистической структуре населения Украины в первые два десятилетия XXI в. Для этого в исследовании был применен когортно-компонентный метод этнодемографического прогнозирования. В ходе исследования дана оценка численности лингвогрупп Украины в период с 2001 по 2021 г. исходя из «белорусского» сценария развития языковых процессов. Данный сценарий предполагал гипотетическую ситуацию признания русского языка в качестве государственного (по аналогии с последствиями референдума 1995 г. в Республике Беларусь).

Как в Республике Беларусь, так и на Украине в постсоветский период не произошло радикальных изменений в этнолингвистической структуре населения. Подвижки касались преимущественно групп билингвов (и биэтнофоров), которые меняли свою идентичность в зависимости от политической ситуации. С учетом того, что на Украине и сейчас сохраняется высокая доля билингвов (и биэтнофоров), происходившие в постсоветский период процессы «титулизации» и лингвистической ассимиляции могут при определенных обстоятельствах принять обратный характер. Это может произойти в случае радикального изменения национальной политики, причем в относительно сжатые сроки. В первую очередь это будет касаться регионов, изменивших свой политический статус и признавших русский язык в качестве государственного.

Литература

1. Авксентьев В. А., Аксюмов Б. В., Гриценко Г. Д. Этничность в политических конфликтах: этнизация политики и политизация этничности // Политическая наука. 2020. № 3. С. 74–97.
2. Балич Н. Л., Харитонов И. Н. Этническое самосознание и практики национальных общностей Беларуси // Социологический альманах. 2018. № 9. С. 132–149.
3. Венецкий И. Г. Вероятностные методы в демографии. М. : Финансы и статистика, 1981. 223 с.
4. Ефимов С. А. Куда исчезли русские, или «сообщающиеся сосуды» этноязыковой самоидентификации: Украина, 1989–2001 гг. // История и современность. 2009. № 1. С. 177–189.
5. Манаков А. Г., Данилкина Н. В. Основные тренды этнической трансформации на постсоветском пространстве // Псковский регионологический журнал. 2021. № 1 (45). С. 21–36.
6. Манаков А. Г., Соколов А. С., Суворков П. Э. Формирование этнической и языковой структуры населения Республики Беларусь и этнодемографический прогноз до 2069 года // Псковский регионологический журнал. 2022. Т. 18. № 1. С. 35–55.
7. Митрофанова И. В., Суций С. Я. Русские на Украине: геодемографические итоги постсоветского периода и среднесрочные перспективы // Социологические исследования. 2017. № 8 (401). С. 45–58.
8. Соколов А. С. Современная языковая ситуация в Белоруссии и ее динамика в постсоветский период // Геополитика и экогеодинамика регионов. 2020. Т. 6 (16). Вып. 4. С. 66–82.
9. Соколов А. С. Региональные аспекты динамики использования русского языка населением Белоруссии в 2009–2019 годах // Демографическое обозрение. 2021. Т. 8. № 1. С. 127–149.

10. Сороко Е. Л. Показатели для описания этнодемографических процессов // XVI Апрельская международная научная конференция по проблемам развития экономики и общества : в 4 кн. / под ред. Е. Г. Ясина. Книга 3. М. : Издательский дом НИУ ВШЭ, 2016. С. 328–338.
11. Суций С. Я. Русское население ближнего зарубежья: геодемографическая динамика постсоветского периода // Демографическое обозрение. 2020. Т. 7. № 2. С. 6–30.
12. Тархов С. А. Итоги переписи населения Украины 2001 года // Четвертые сократические чтения по географии. Научные теории и географическая реальность. М. : Эслан, 2004. С. 144–164.
13. Хмелько В. Е. Лингво-этническая структура Украины: региональные особенности и тенденции изменений за годы независимости // Научные записки НаУКМА. Социологические науки. 2004. Т. 32. С. 3–15.
14. Этнокультурная трансформация постсоветского пространства : факторы, тренды, перспективы / Н. В. Данилкина, И. В. Ермолин, И. А. Иванов [и др.]. Псков : Псковский государственный университет, 2022. 344 с.
15. Booth H. Demographic Forecasting: 1980 to 2005 // Int. J. of Forecasting. 2006. N 3 (18). P. 547–581.
16. Ivanchenko V. S., Chimiris E. S. Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics // Political Science Issues. 2020. Vol. 10. N 3 (42–44). P. 305–315.
17. Mägi K., van Ham M., Leetmaa K., Tammaru T. The neighbourhood context and changes in self-reported ethnic identity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. N 46 (1). P. 277–296.
18. Orlov A. Y. The Technique of Ethnogeodemographic Research // Geography and Natural Resources. 2009. Vol. 30. N 1. P. 73–78.
19. Oskolkov P. V. Ethnicity and politics: terminological debates and nodal points of intersection // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. N 2. P. S155–S160.
20. Platt L. Is there assimilation in minority groups' national, ethnic and religious identity? // Ethnic and Racial Studies. 2014. N 37 (1). P. 46–70.
21. Waters C. M. Immigration, intermarriage, and the challenges of measuring racial/ethnic identities // American Journal of Public Health. 2000. N 90 (11). P. 1735–1737.
22. Wilson T. A multistate model for projecting regional populations by Indigenous status: an application to the Northern Territory, Australia // Environment and Planning. 2009. N 41 (1). P. 230–249.

Об авторах:

Манаков Андрей Геннадьевич, профессор кафедры географии Псковского государственного университета (Псков, Российская Федерация), доктор географических наук, профессор; region-psk@yandex.ru

Теренина Наталья Константиновна, доцент кафедры географии Псковского государственного университета (Псков, Российская Федерация), кандидат географических наук, доцент; brazelon@yandex.ru

References

1. Avksentiev V. A., Aksyumov B. V., Gricenko G. D. Ethnicity in political conflicts: ethnicization of politics and politicization of ethnicity // Political Science [Politicheskaya nauka]. 2020. N 3. P. 74–97 (in Rus).
2. Balich N. L., Haritonov I. N. Ethnic identity and practices of national communities in Belarus // Sociological almanac [Sociologicheskij almanah]. 2018. N 9. P. 132–149 (in Rus).
3. Venetskij I. G. Probabilistic Methods in Demography [Veroyatnostnye metody v demografii]. Moscow : Finance and statistics, 1981. 223 p. (in Rus).
4. Efimov S. A. Where did the Russians or “communicating vessels” of ethno-linguistic self-identification disappear: Ukraine, 1989–2001 // History and modernity [Istoriya i sovremennost]. 2009. N 1. P. 177–189 (in Rus).
5. Manakov A. G., Danilkina N. V. The main trends of ethnic transformation in the Post-Soviet area // Pskov Journal of Regional Studies [Pskovskij regionologicheskij zhurnal]. 2021. N 1 (45). P. 21–36 (in Rus).
6. Manakov A. G., Sokolov A. S., Suvorkov P. E. Formation of the ethnic and language structure of the population of the Republic of Belarus and ethno-demographic forecast until 2069 // Pskov Journal of Regional Studies [Pskovskij regionologicheskij zhurnal]. 2022. Vol. 18. N 1. P. 35–55 (in Rus).

7. Mitrofanova I.V., Sushchii S. Ya. Russians in Ukraine: geodemographic results of the post-Soviet period and medium-term prospects // Sociological Research [Sociologicheskies issledovaniya]. 2017. N 8 (401). P. 45–58 (in Rus).
8. Sokolov A. S. Modern language situation in Belarus and its dynamics in the post-Soviet period // Geopolitics and ecogeodynamics of regions [Geopolitika i ekogeodinamika regionov]. 2020. Vol. 6 (16). Iss. 4. P. 66–82 (in Rus).
9. Sokolov A. S. Regional aspects of the dynamics of the use of the Russian language by the population of Belarus in 2009–2019 // Demographic review [Demograficheskoe obozrenie]. 2021. Vol. 8. N 1. P. 127–149 (in Rus).
10. Soroko E. L. Indicators for describing ethno-demographic processes // 16 April international scientific conference on the problems of economic and social development: in 4 books / Ed. E. G. Yasin. Book 3. Moscow : HSE Publishing House. 2016. P. 328–338. (in Rus).
11. Sushchii S. Ya. Russian population of the near abroad: geodemographic dynamics of the post-Soviet period // Demographic review [Demograficheskoe obozrenie]. 2020. Vol. 7. N 2. P. 6–30 (in Rus).
12. Tarkhov S. A. Results of the 2001 Ukrainian census // Fourth Socratic Readings in Geography. Scientific theories and geographical reality [Nauchnye teorii i geograficheskaya realnost']. Moscow : Eslan. 2004. P. 144–164 (in Rus).
13. Hmelko V. E. Linguo-ethnic structure of Ukraine: regional peculiarities and tendencies of changes during the years of independence // Scientific notes of NaUKMA. Sociological Sciences [Nauchnye zapiski NaUKMA. Sociologicheskies nauki]. 2004. Vol. 32. P. 3–15 (in Rus).
14. Ethnocultural transformation of the post-Soviet space: factors, trends, prospects / N. V. Danilkina, I. V. Ermolin, I. A. Ivanov [and others]. Pskov : Pskov State University, 2022. 344 p.
15. Booth H. Demographic Forecasting: 1980 to 2005 // Int. J. of Forecasting. 2006. N 3 (18). P. 547–581.
16. Ivanchenko V. S., Chimiris E. S. Russian language in the Post-Soviet space as a factor of politics // Political Science Issues. 2020. Vol. 10. N 3 (42–44). P. 305–315.
17. Mägi K., van Ham M., Leetmaa K., Tammaru T. The neighbourhood context and changes in self-reported ethnic identity // Journal of Ethnic and Migration Studies. 2020. N 46 (1). P. 277–296.
18. Orlov A. Y. The Technique of Ethnogeodemographic Research // Geography and Natural Resources. 2009. Vol. 30. N 1. P. 73–78.
19. Oskolkov P. V. Ethnicity and politics: terminological debates and nodal points of intersection // Herald of the Russian Academy of Sciences. 2022. Vol. 92. N 2. P. S155–S160.
20. Platt L. Is there assimilation in minority groups' national, ethnic and religious identity? // Ethnic and Racial Studies. 2014. N 37 (1). P. 46–70.
21. Waters C. M. Immigration, intermarriage, and the challenges of measuring racial/ethnic identities // American Journal of Public Health. 2000. N 90 (11). P. 1735–1737.
22. Wilson T. A multistate model for projecting regional populations by Indigenous status: an application to the Northern Territory, Australia // Environment and Planning. 2009. N 41 (1). P. 230–249.

About the authors:

Andrei G. Manakov, Professor of the Department of Geography of the Pskov State University (Pskov, Russian Federation), Doctor of Geographical Sciences, Professor; region-psk@yandex.ru

Natalia K. Terenina, Docent of the Department of Geography of the Pskov State University (Pskov, Russian Federation), Candidate of Geographical Sciences, Associate Professor; brazelon@yandex.ru

Роль газеты «Ведомости» в процессе совершенствования государственного управления и развития системы государственной службы в 1703–1725 гг.*

Ким М. Н. *, Ерыкалова И. Е., Оськин С. А.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; *kim-mn@ranepa.ru

РЕФЕРАТ

В научном исследовании, проведенном преподавателями кафедры журналистики и медиакоммуникаций факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, определено значение первой русской газеты «Ведомости» как средства отражения основных направлений внутренней и внешней политики государства Российского и выявлена степень ее влияния на процессы государственного управления в России в первой четверти XVIII в. Для достижения цели исследования проведен анализ содержания всех выпусков «Ведомостей» за 1703–1727 гг., что позволило определить функциональные задачи данного издания по формированию общественного мнения, пропаганде в среде социальной элиты необходимости политических, социальных, экономических и культурных преобразований в стране, в том числе в области государственной службы и государственного управления. С эпохи Петра I началось формирование информационного пространства России, которое оказывало непосредственное влияние на процессы государственного управления, на развитие системы государственной службы и на создание механизмов государственной кадровой политики России. Известно, что редактором ряда номеров «Ведомостей» и автором некоторых статей был сам Петр I, что делало газету государственным средством массовой информации. Опыт издания петровских «Ведомостей» показал, насколько важным является для государственных СМИ современной России не только информационная, но и пропагандистская функция.

Ключевые слова: информационное пространство, газета, пропаганда, государственная власть, органы государственного управления

Для цитирования: Ким М. Н., Ерыкалова И. Е., Оськин С. А. Роль газеты «Ведомости» в процессе совершенствования государственного управления и развития системы государственной службы в 1703–1725 гг. // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 156–170.

The Role of the Vedomosti Newspaper in the Process of Improving Public Administration and the Development of the Public Service System in 1703–1725

Maksim N. Kim*, Irina E. Yerykalova, Sergey A. Oskin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; *kim-mn@ranepa.ru

ABSTRACT

In a scientific study conducted by teachers of the Department of Journalism and Media Communications of the Faculty of Social Technologies of the RANEPa, the importance of the first Russian newspaper Vedomosti as a means of reflecting the main directions of the domestic and foreign policy of the Russian state was determined and the degree of its influence on the processes of public administration in

*Исследование выполнено при финансовой поддержке Фонда развития научных исследований и прикладных разработок СЗИУ РАНХиГС в рамках научных мероприятий Невского форума 2022 г., приуроченного к 350-летию Петра I.

Russia in the first quarter of the XVIII century was revealed. To achieve the purpose of the study, an analysis of the content of all issues of Vedomosti for 1703–1727 was carried out, which made it possible to determine the functional tasks of this publication for the formation of public opinion, propaganda among the social elite of the need for political, social, economic and cultural transformations in the country, including in the field of public service and public administration. Since the era of Peter the Great, the formation of the information space of Russia began, which had a direct impact on the processes of public administration, on the development of the public administration's system and on the creation of mechanisms for the state personnel policy of Russia. It is known that the editor of a number of issues of Vedomosti and the author of some articles was Peter I, which made the newspaper a state media outlet. The experience of publishing Peter's Vedomosti has shown how important not only the informational, but also the agitation and propaganda function is for the state media of modern Russia.

Keywords: information space, newspaper, propaganda, state power, public administration bodies

For citing: Kim M. N., Yerykalova I. E., Oskin S. A. The role of the Vedomosti newspaper in the process of improving public administration and the development of the public service system in 1703–1725 // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 156–170.

Введение

В эпоху информационного общества изучение влияния информационного пространства, в том числе средств массовой информации, в первую очередь государственных, на процессы государственного управления, на развитие системы государственной службы и на создание механизмов государственной кадровой политики актуально и для современной России. В этой связи приобретает большое значение исследование и осмысление истоков данного процесса в Российском государстве, анализ средств информационного воздействия на общество в целом и главным образом на социальную элиту. Научная значимость статьи заключается в формировании выводов, экстраполируемых на современное взаимодействие средств массовой информации и системы государственного управления современной России с целью формирования в общественном сознании благоприятного восприятия процессов государственного управления.

С эпохи Петра I началось формирование информационного пространства России, которое оказывало непосредственное влияние на процессы государственного управления, на развитие системы государственной службы и на создание механизмов государственной кадровой политики России [1–5]. Известно, что издание «Ведомостей» инициировал сам Петр I, что делало газету официальным рупором правительства, основной целью которой было утверждение в сознании социальной элиты необходимости политических, социальных, экономических, культурных преобразований, в том числе в области государственной службы и государственного управления.

Цель исследования: на примере петровских «Ведомостей» определить влияние государственного средства массовой информации на процесс совершенствования механизмов государственного управления и развития системы государственной службы в первой четверти XVIII в.

Материалы и методы исследования: сопоставление, структурирование и анализ фактического материала, опубликованного во всех номерах газеты «Ведомости» в первой четверти XVIII в. Контент-анализ проводился с применением историко-типологического, историко-системного и историко-сравнительного методов на основе диалектического подхода. Вспомогательное значение имел метод лингвистического анализа.

Для достижения необходимых результатов были решены ряд задач:

1) установлены рамки влияния информационного пространства петровского времени, в том числе первого государственного средства массовой информации России, на процессы государственного управления;

2) выявлена степень возможного воздействия газеты «Ведомости» на развитие системы государственной службы в первой четверти XVIII в.;

3) определена роль газеты «Ведомости» в создании механизмов государственной кадровой политики России;

4) отражены функции первой русской газеты, способствовавшие утверждению в сознании социальной элиты необходимости политических, социальных, экономических и культурных преобразований, в том числе в области государственной службы и государственного управления;

5) установлены возможности экстраполирования существовавших при Петре I особенностей государственного средства массовой информации на развитие системы государственного управления современной России.

1. Петровские «Ведомости» как проводник государственной политики

В указе Петра I от 16 декабря 1702 г. есть положение, из которого четко вытекает роль высших органов государственного управления того времени — приказов — в обеспечении газеты, издание которой было запланировано царем, самой актуальной информацией: «По ведомостям о военных и всяких делах... печатать куранты, а для печати тех курантов ведомости, в которых приказах, о чем ныне какие есть и впредь будут, присылать из тех приказов в Монастырский приказ без мотчания [промедления], а из Монастырскаго приказа те ведомости отсылать на Печатный двор»¹. Содержательным наполнением издания должны были заниматься государевы чиновники, работавшие в различных приказах, которым было поручено заниматься сбором исходного материала для «Ведомостей», а координирующую функцию, по замыслу царя, должен был выполнять Монастырский приказ², где обобщались и редактировались все материалы. Скорее всего приказные дьяки не проявляли особой активности в сборе исходного материала — такое предположение можно сделать на основании того, что информации о событиях, происходивших внутри страны, в «Ведомостях» было значительно меньше, чем сообщений о зарубежных делах, которые составлялись из переводных статей, позаимствованных в иностранных газетах, а также из материалов Посольского приказа, формировавшихся на основании донесений послов. Так, за первое десятилетие существования «Ведомостей» там были опубликованы сведения из городов (названия приведены в транскрипции тех времен) Адрианополя, Амстердама, Бендер, Берлина, Бреслау, Варшавы, Венеции, Вены, Вилны, Гааги, Гамбурга, Гданьска, Дрездена, Кадикса, Константинополя, Копенгагена, Кракова, Лейпцига, Лондона, Львова, Люблина, Милана, Нанта, Парижа, Праги, Риги, Рима, Стокгольма, Тильзита, Франкфурта, Штетина, Эрфурта. Эту традицию «Ведомости» унаследовали от своего предшественника — рукописной газеты «Куранты». Однако с течением времени ситуация стала меняться: доля оригинальных материалов с каждым годом росла, хотя переводные материалы по-прежнему преобладали.

Как показывают результаты нашего контент-анализа, переводные материалы из зарубежных изданий занимали 50% от общего объема публикаций, военные репортажи — 31%, дипломатическая хроника — 14%, социально-экономические новости — 3%, заметки о деятельности государственных учреждений — 2%.

Однако при количественном доминировании переводных материалов из зарубежных изданий в общем массиве публикаций в газете «Ведомости», соб-

¹ Полное собрание законов Российской империи. Т. 4: 1700–1712. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е. И. В. канцелярии, 1830.

² 14 (25) января 1725 г. Монастырский приказ именным указом Петра I был преобразован в Камер-контору Святейшего правительствующего Синода.

ственные оригинальные тексты, создаваемые на внутрироссийском материале, выполняли не только информационно-просветительскую, но пропагандистскую функцию.

Придавая огромное значение изданию «Ведомостей», Петр I сам принимал деятельное участие в создании газеты: царь не только публиковал в ее номерах свои письма, адресованные Сенату и своим сподвижникам, но также редактировал отдельные материалы и давал конкретные советы по поводу оформления издания. Поскольку слово «журналист» стало употребляться уже в конце XVII в., то ко всем известным профессиональным компетенциям Петра I с полным основанием можно отнести также овладение журналистской профессией и редакционно-издательским делом. Как глава государства Петр I понимал необходимость постоянного информационного взаимодействия с социальной и культурной элитой своей страны, для которой, собственно, и издавалась газета, потому что это было важнейшим условием обеспечения необходимой поддержки реформ со стороны дворян, духовенства и посадской верхушки.

К сотрудничеству с «Ведомостями» царь привлекал своих ближайших сподвижников — А. Д. Меншикова, Ф. М. Апраксина, П. П. Шафирова, в газете публиковались письма послов В. Л. Голицина и А. А. Матвеева, на страницах «Ведомостей» публиковались военные донесения и реляции генерала Я. В. Брюса и других военачальников и послов. Так, 2 января 1703 г. в «Ведомостях» было опубликовано сразу несколько донесений и об осаде Нотебурга и о сдаче этой крепости комендантом шведского гарнизона подполковником Г. В. фон Шлиппенбахом — родным братом шведского генерала В. А. фон Шлиппенбаха¹.

21 февраля 1710 г. в «Ведомостях» была напечатана реляция из письма «к великому государю писанного от посла Его Царского Величества пребывающего при дворе Королевского величества дацкого князя Василия Лукича Долгорукого» о бое датчан с шведским войском и о победе датского войска в одном из сражений Северной войны². 17 мая того же года «Ведомости» опубликовали сообщение об объявлении в Константинополе мира с Москвой: «Салтан сераскерию [главнокомандующему] в Бендере указал постановленный мир с Москвою объявить, и учреждение учинить, чтоб на московских границах доброе соседство держали...»³.

12 июля 1710 г. газета опубликовала сведения из письма самого Петра I к князю А. Д. Меншикову о взятии шведского города Выборга: «Июня в 15 день. Изволили Его Царское Величество писать собственной рукою к его светлости князю Меншикову, и к господам министрам из Выборка, что по пришествии его Царского Величества под Выборк, и по учиненному от него расположению к генеральному штурму, шведский комендант... не дожидаясь онного штурму, помянутую крепость 13 дня здал... и потом в оную крепость и город наши войска вошли»⁴.

Официальные сообщения о победах, как правило, сопровождалось подробным реестром захваченной артиллерии, амуниции, оружия и пленным. Именно поэтому петровские «Ведомости» можно считать монопольным рупором государственной власти, в задачу которого входило не только информирование читающей элиты о происходящих военных и политических событиях, что само по себе для Российского государства было в новинку, но и формирование в общественном сознании надлежащих представлений о характере проводимой государством политики, основным проводником которой становилась газета.

¹ Ведомости. 1703. 2 января.

² Ведомости. 1710. 21 февраля.

³ Ведомости. 1710. 21 февраля.

⁴ Ведомости. 1710. 12 июля.

«Ведомости» в отличие от своего предшественника, рукописной газеты «Куранты»¹, издавались для более широкого контингента читателей. И хотя процент грамотных людей в XVIII в. был невелик, тем не менее уже существовала целая прослойка людей, представлявших элиту своего времени, которые могли позволить себе самостоятельно читать «Ведомости». Именно на них и ориентировалась газета, выполняя агитационно-пропагандистскую функцию в деле продвижения государственных реформ.

2. Война и военные реформы на страницах первой русской газеты «Ведомости»

Отражение военной тематики в материалах «Ведомостей» занимает, как показывают результаты контент-анализа, лидирующие позиции. И это понятно, потому что почти два десятилетия газета издавалась, когда продолжалась Северная война. Вооруженная борьба с внешним противником требовала от Петра I постоянных серьезных военных преобразований, которые царь начал еще в 1698 г.

Благодаря военным реформам Петру I удалось создать боеспособные армию и флот, которые и позволили ему одержать победу в Северной войне. Газета же не только подготавливала общественное мнение к необходимости признания этих реформ, но и обосновывала неизбежные расходы, которых они требовали.

Впервые в истории России Петр I начал комплектовать армию и флот за счет регулярных рекрутских наборов. В русской армии появились специализированные войска: пехота (в том числе гренадеры) и кавалерия, в состав которых включалась артиллерия. Характер новой русской армии был максимально приближен к европейским образцам, с которыми царь познакомился, входя в состав Великого посольства 1697–1698 гг.

За годы правления Петра I кардинально изменились и структура управления войсками, и принципы продвижения по военной службе. В ходе Северной войны приобретался опыт ведения боевых действий, который отражался в форме уставов и наставлений. Наиболее значительным среди них был «Устав воинский» 1716 г., состоявший из трех книг, в составлении которого принимал участие сам Петр I. В 1718–1719 гг. были образованы Военная коллегия, в ведении которой находились полевая армия, «гарнизонные войска» и все прочие «воинские дела», и Адмиралтейств-коллегия для управления военно-морскими делами.

Большое внимание при Петре I было уделено подготовке личного состава. Благодаря открытию новых учебных заведений страна стала готовить свои военные и инженерные кадры. В 1701 г. в Москве была открыта первая в России Школа математических и навигацких наук под руководством профессора шотландского Абердинского университета Г. Фарварсона — первое светское государственное учебное заведение. В 1715 г. под названием Морская академия она была переведена в Петербург. В 1707 г. при московском военном госпитале была открыта Медицинская академия, а в 1711 г. в Москве была создана Инженерная школа. В этих учебных заведениях могли учиться как дети дворян, так и дети других сословий.

Когда началась война со Швецией, армия испытывала огромную потребность в оружии, снаряжении, флот — в лесе, парусах, канатах. Поэтому при Петре I в России было построено около 200 мануфактур. Для обеспечения армии и флота оружием в стране стали строиться оружейные мануфактуры и заводы, сооружались верфи на Балтийском море.

¹ «Куранты» предназначались только для очень узкого круга читателей — царя и его приближенных. Но и в этом случае читателями их можно называть условно, поскольку рукописные тексты им читали вслух грамотные дьяки.

Первостепенное внимание было уделено развитию тяжелой промышленности, которая не только развивалась в старых металлургических центрах (в Олонецком крае, в Туле, Кашире, Липецке), но также стали создаваться новые металлургические центры на Урале. В первое десятилетие XVIII в. там были созданы металлургические казенные заводы, и потребности армии в чугуне и железе были удовлетворены. В 1712 г. в Туле был основан первый в России оружейный завод.

Одновременно строились мануфактуры и в легкой промышленности. На казенной основе в Москве появились Канатный завод, Кожевенный, Портупейный, Шляпный дворы, были построены суконные, стекольные, пуговичные мануфактуры. Возникли производства, которых ранее в России не было: канатное, кожевенное, пороховое, стекольное, винокуренное, бумажное.

Потребности армии обеспечивали два больших оружейных завода в Туле и Сестрорецке, после 1703 г. были построены два крупных пороховых завода в Петербурге и на Охте, а также железоплавильные заводы на Урале. 19 артиллерийских заводов производили 400 орудий в год.

Уже 2 января 1703 г. «Ведомости» сообщали: «На Москве вновь ныне пушек медных, гоубиц и мартиров вылито 90. Те пушки, ядром по 24... и по 20 фунтов, гоубицы бомбом пудовые и полупудовые, мартиры бомбом девяти, трех и две пудовые и меньше. И еще много форм готовых, великих и средних к литью пушек, гоубиц и мартиров. А меди ныне на пушечном дворе, которая приготовлена к новому литью, больше чем пуд лежит...»¹.

Центральной фигурой в военной реформе и принятии стратегических решений был сам царь Петр I. Правнук патриарха Филарета, члена Великого посольства из Москвы в стан польского короля Сигизмунда под Смоленском, пленника, прошедшего несколько лет в заточении в Польше, царь Петр знал, с какой силой западных стран он сталкивается. За сто лет до него поляки захватывали Москву, шведы — Смоленск и Новгород, требовали передачи Швеции Пскова, Гдова, Ижорской земли, южного Приладожья, Тихвина, Северной Карелии, Архангельска, Холмогор, Порхова, всего побережья Белого моря. Поляки претендовали на Смоленск, Дорогобуж, Чернигов, Новгород-Северский, Себеж. Польско-литовские отряды доходили до Вологды. Замысел Петра о защите границ России, укреплении ее рубежей включал прежде всего завоевание и укрепление северных территорий — побережья Ладоги и Белого моря, завоевание шведских крепостей на Неве от Ладоги до Финского залива и строительство новой столицы. В первых номерах «Ведомостей» подробно рассказывается о взятии Нотебурга (захваченной в 1612 г. и переименованной шведами русской крепости на Ореховом острове, которая была основана еще в 1323 г. великим князем московским Юрием Даниловичем, внуком Александра Невского): «Крепость Орешек высокая, кругом глубокою водою объята, в 40 верстах отселе, крепко от московских войск осажена... и уже болше 1500 бомб выбросано, но по сие время невеликой убыток учинили...»². В том же номере сообщалось о русском флоте в Белом море: «...Как его Царское Величество войска свои в различных кораблях на Белое море запровадил, оттоле далее пошел, и корабли паки назад к Архангельскому городу прислал, и обретаются тамо 15 000 человек солдат, и на новой крепости на Двинке нареченной ежеденно 600 человек работают»³. В следующем номере сообщалось: «...В северных грамотках мало нового кроме того, что из свейской [шведской] земли получена ведомость, что комендант новошанцкой, увидав, что Нотебург сдался, то он Ниеншанц оставил и зажег»⁴.

¹ Ведомости. 1703. 2 января.

² Ведомости. 1703. 2 января.

³ Ведомости. 1703. 2 января.

⁴ Ведомости. 1703. 8 января.

Именно при взятии северных крепостей сам царь Петр I получил свой орден Андрея Первозванного, когда вместе с А. Д. Меньшиковым и матросами захватил шведское судно на Неве. 15 января 1703 г. «Ведомости» сообщали: «Мы ведомость имеем, что царь московский некую часть своя артиллерии на озере Ладожском на корабли поставить велел, из чего мы рассуждаем: что он на Кексгольм... нападение учинит»¹. В эти годы молодой царь Петр прославился не только своей смелостью и участием в сражениях, но и разумностью и здравым смыслом. При взятии северных крепостей он обратился к жителям с предложением принять без страха его подданство. «Ведомости» писали: «Царь некоторых пленников назад отослал, чрез письма везде разгласить велел и жителям... что если они похотят в защищение его принять, от всех податей и налогов освободит»². В конце концов весть о сдаче Нотебурга (крепости Орешек) стала известна в Европе. Газета сообщила: «Из Гамбурга 5 ноября. Сие истинно есть, что полковник Шлипенбах крепость Нотебург... москвичам октября в 31 день здати принужден был»³.

В ходе предпринятого нами контент-анализа публикаций первой русской печатной газеты «Ведомости» были выявлены различные содержательные элементы, в которых нашли отражение преобразования и реформы в военной сфере. При этом отметим, что в одних публикациях лишь упоминаются военные формирования, в других же перечисляются военные звания и должности (полковники, подполковники, капитаны, поручики и др.), в третьих дается краткое перечисление приобретенных в ходе боевых действий орудий («реестры» захваченной артиллерии, амуниции, оружия), в четвертых газета пишет о военных наградах, которыми были награждены герои той или иной битвы, в пятых упоминаются заводы или мануфактуры, на которых были изготовлены орудия и т. д.

Конечно же, подробного отражения хода военной реформы на страницах газеты и не следовало ожидать. Но здесь четко прослеживается другая, не менее значимая функция петровских «Ведомостей» — пропагандистская, которая, с одной стороны, была направлена на создание позитивного имиджа русской армии и флота (свидетельством тому являются многочисленные венные реляции), а с другой — на формирование общественного мнения, прежде всего той части элиты, которая не всегда приветствовала прогрессивные для своего времени реформы царя. Именно в этом смысле можно сказать, что газета «Ведомости» выступала в руках Петра I тем управленческим инструментом, с помощью которого он мог напрямую воздействовать на сознание подданных, обосновывать свои решения и замыслы, информировать о наиболее значимых сторонах своей военной стратегии, наконец, ставить перед обществом новые вопросы, которые ждут своего решения. Осознавая всю важность печатного слова в деле продвижения своих реформ, царь лично писал и редактировал газетные тексты, а любые публиковавшиеся в «Ведомостях» сведения проходили через жесткую цензуру со стороны самого царя или его приближенных. Все материалы, имевшие негативный характер, связанные с неудачами военных сражений и походов, вычеркивались или заклеивались кусочками бумаги.

Результаты нашего контент-анализа позволяют показать, как и каким образом Петр I использовал газету «Ведомости» в проведении своих военных реформ и преобразований.

В самом начале Северной войны русская армия потерпела катастрофическое поражение от шведского короля Карла XII под Нарвой, потеряв в том сражении значительную часть своей артиллерии и боеприпасов. И тогда Петр I принял не-

¹ Ведомости. 1703. 15 января.

² Ведомости. 1703. 15 января.

³ Ведомости. 1703. 15 января.

популярное для того времени решение, не поддержанное церковью, имевшей значительные вес и влияние в обществе: конфисковать колокола у монастырей и церквей с целью переливки их в пушки и гаубицы.

Первый лист «Ведомостей» от 17 декабря 1702 г. начинается с сообщения о количестве вылитых в Москве пушек. Из этих скупых газетных строчек видно, что в данном случае «Ведомости» информируют общественность о результатах проведенной конфискации, пытаясь убедить читающую элиту в том, что все изъятые колокола пошли в дело ради достижения конкретного результата во имя победы над врагом.

В 1699 г. в стране начался общий рекрутский набор. Тогда же в русскую армию стали приглашать иностранных военных специалистов. Было образовано 25 новых пехотных и 2 кавалерийских (драгунских) полка. Однако иностранные офицеры, воевавшие только за деньги, оказались ненадежными вояками: многие сбежали с поля боя или легко сдавались в плен. В 1705 г. на основе уже регулярного рекрутского набора Петр I сформировал армию нового типа. Рекрутов набирали из податных сословий и «охочих» людей. Благодаря этому удалось создать регулярные армию и флот, где военная служба была пожизненной.

В газете «Ведомости» от 20 марта 1721 г. публикуется краткое сообщение о том, что «рекрут для полков его Цесарского Величества продолжает набирать, со многим успехом во всех его наследственных землях...»¹. Что скрывается за этими скупыми строчками? Прежде всего, речь идет об очередном успешном наборе, о выполнении нормы. Таким образом, только благодаря регулярным рекрутским наборам удавалось восполнять поредевшие в военных сражениях войска.

Очень значимым для Петровской эпохи документом является «Табель о рангах», а точнее — «Табель о рангах всех чинов, воинских, статских и придворных, которые в котором классе чины; и которые в одном классе, те имеют по старшинству времени вступления в чин между собою, однако ж воинские выше прочих, хотя б и старее кто в том классе пожалован был», которая была утверждена указом Петра I 4 февраля 1722 г. Этим указом регламентировался процесс занятия должностей для государственных чиновников и офицерского состава армии и флота. Внедрение Табели о рангах полностью перестраивало всю прежнюю систему государственно-го и военного управления. Если раньше управление на местах полностью зависело от Боярской Думы, которая во многом саботировала многие решения царя, то теперь Петр I мог назначать на важные государственные посты своих сподвижников. Именно с этой целью он приказал «знатность по годности считать», а не по роду. И действительно, продвижение по службе стали получать люди, которые так или иначе отличились в сражениях или в делах управления.

Вся служба в государстве была разделена на три вида: воинскую (сухопутную, гвардейскую, артиллерийскую, морскую), гражданскую и придворную. Была введена система иерархии чиновников: каждый вид службы был разбит на 14 классов, или рангов. Высшим классом считался первый, низшим — четырнадцатый, при этом военные чины объявлялись выше соответствующих им гражданских и придворных чинов. На военной службе уже 14 класс (фендрик) давал право на потомственное дворянство. На гражданской службе потомственное дворянство приобреталось чином 8-го класса (коллежский асессор), а чин 14 класса (коллежский регистратор) давал лишь право на личное дворянство. Военная карьера была более почетна, чем гражданская.

Данная практика сохранилась и после смерти Петра I. Вот публикация в газете «Ведомости», относящаяся ко времени правления Екатерины I: «В тот же день Ея Императорское Величество изволила пожаловать в чины военных чинов, в Генера-

¹ Ведомости. 1721. 20 марта.

лы лейтенанты, и в Генералы майоры и в бригадиры, також и Штатские чины. А именно:

В генералы майоры из бригадиров: Ивана Лихарева, Михаила Оентьева, Витерания, Ивана Шувалова, Ивана Измайлова.

В генералы майоры из полковников: Гасениуса Крязя, Семена Мещерского, Артемия Загряского, Томоса Фонвенедиера.

Чинами генерал майор: бригадира Треодина, Ивана Панина, бригадира Петра Васикова, полковника Панина, полковника князя Ивана Сонцева Засыкина.

Штатского Советника князя Алексея Черкасского штатским действительным Советником.

Архитектора Андрея Трезина рангом полковника от инженеров»¹.

Здесь необходимо отметить, что подобного рода назначения и повышения по должности осуществлялись регулярно во время различных религиозных или светских праздников. По крайней мере, газета «Ведомости» всегда этому уделяла большое внимание, подробно перечисляя всех людей, заслуживших повышение по своему гражданскому или военному чину. При этом подобного рода мероприятия проводились всегда в торжественной обстановке в присутствии важных светских чиновников и военачальников.

«Сего 23 ноября, в день пред празднества Святой Великомученицы Екатерины, в зимнем Ея Императорское Величество, где были российские иностранные министры, и от гвардии штат и обер офицеры. После окончания всенощной Ея Императорское Величество изволила пожаловать всех при том бывших допустить к руке, и в то время пожаловала господина тайного кабинета секретаря Макарова в тайные советники, генерала адъютанта Волынского, бригадира Корчмина, полковников, Писарева, Капенгаузена в генералы майоры»².

Как видим, в Петровскую эпоху «Табель о рангах» выступала в качестве своеобразного социального лифта, который давал возможность представителям всех сословий выбиться в «государевы люди», получить достойное звание и назначение, наконец, реально участвовать в управлении войсками или государством.

В газете «Ведомости» при описании военных сражений всегда указывались должности и звания военачальников, а в реляциях, как правило, упоминались даже имена воинов, которые героически погибли в бою.

«Господин адмирал Апраксин писал из Нарвы. Прошедшего августа в первых числах, осведомил он о взятии шведского войска и о своих потерях. Наших побито. Луцкого полка капитан поручик Федор Блеклой. Драгун одиннадцать человек. Ранены: Нарвского полка майор Сергей Некитов. Капитаны: Луцкого Андрей Чихачев, Вологодского Михайло Бурков. Казаков: убито четверо, ранено восемь человек»³.

Такое поименное перечисление погибших воинов с указанием всех их воинских званий характерно для всех реляций, поступавших в редакцию «Ведомостей». Естественно, в газете публиковались и материалы о награждении высшими государственными наградами.

Помимо чисто информационных задач военные реляции выполняли пропагандистскую и управленческую функцию. Их роль, на наш взгляд, заключалась не только в сообщении о победах русской армии и флота с целью поднятия воинского духа и прославления доблести полководцев, но и для демонстрации различных военных, управленческих, хозяйственных и иных решений, которые принимались в ходе тех или иных сражений и после их завершения, а в иных реляциях давался четкий отчет о выполнении указаний самого царя.

¹ Ведомости. 1726. 8 января.

² Ведомости. 1726. 3 декабря.

³ Ведомости. 1708. 31 августа.

Авторами военных реляций выступали известные военачальники того времени, ближайшие сподвижники царя и даже сам Петр I собственноручно писал подобно-го рода материалы.

Показательна в этом смысле реляция от 15 июля 1710 г., которую Петр I написал собственноручно князю Меншикову и господам министрам из Выборга, где он лично принимал участие в подготовке генерального штурма крепости, в которой засели шведские войска. После того как ее комендант увидел, что дальнейшее сопротивление бессмысленно, шведы сдались. И здесь его царское величество дал указание: «...выпустить их с верхним и нижним ружьем без военной музыки, знамен и барабанного боя, купно с их пожитки, и фамилиями, и провианту дать на дорогу сколько надлежит. Купцы, ремесленные, и духовные, и прочие да будут содержаны при их вере в милости, и признаны по обычаю. После отпустят по их землям. Духовным при полках служащим, яко комиссаром против первого пункта позволенца»¹.

В газете «Ведомости» от 11 ноября 1725 г. мы видим реляцию генерал-лейтенанта Матюшкина, в которой он дает подробный отчет о выполнении указа императрицы Екатерины I разбить дагестанские войска.

«Реляция к Ея Императорскому Величеству, из крепости Святого Креста, писал генерал лейтенант господин Матюшкин, от 16 октября. Что по указу Ея Императорского Величества, 26 сентября, посылал он против собрания дагестанских войск, знатную партию регулярного и не регулярного войска в числе одиннадцати тысяч пятисот человек, под командою Генерал Майоров Кропотова, и Шереметьева: которых неприятеля было в собрании многое число, а именно: Шамахол, Салтан бек, Усмей... с которыми была баталия, на которой с помощью божию неприятеля разбили, и разогнали в дальние горы, из которых не малое число побили, и плен побрали, и жилища их разорили и сожгли. А сколько с неприятельской стороны побито, и ранено: также что взято в плен людей и протчего, потому семь реестр.

С неприятельской стороны людей побито, кроме тех, которых они по обыкновению своему увозили.

Кумтуркалинской Князь — 1. Знатных Шамхалских Узденей — 4. Рядовых — 634. Всего 639...

В разных местах неприятельских сел и деревень разорено и сожжено 640 дворов. Дальше перечисляются сколько ранено из регулярных: Капрал — 1, Драгун — 4, не регулярных — 67»² (Ведомости. 11 ноября, 1725).

На примере другой реляции, опубликованной в газете «Ведомости» от 18 января 1722 г., мы можем увидеть, как на практике реализовалась реформа по повышению эффективности армии за счет принятия единых стандартов организации и законов военных частей. Свод этих законов был зафиксирован в 1716 г. в воинском Уставе, которому строго следовал и сам царь.

В реляции от 18 января 1722 г. описывается четкий порядок построения войск при торжественном входе его императорского величества в Москву: «Во-первых шел полк гвардии Преображенский, при котором изволил присутствовать, сам его Императорское Величество. Яко полковник. Перед Его Величеством шла рода гренадерская. За его Величеством шли два подполковника, от гвардии Светлейший князь Александр Данилович Меншиков... За Преображенскою Гвардию шел другой полк от Гвардии Семеновской, таким же образом. Потом следовали полки. Ингермонланской, Астраханской, Лафортонской, Бутырской. И шли до десятого часа по полудни»³.

¹ Ведомости. 1710. 12 ноября.

² Ведомости. 1725. 11 ноября.

³ Ведомости. 1722. 18 января.

То, что лично сам царь оказался во главе Преображенского полка в качестве полковника, как мы видим, не является случайностью.

3. Освещение социально-экономических и культурных преобразований на страницах петровских «Ведомостей»

Как известно, внимание Петра I было нацелено не только на реформирование армии и оптимизацию всей структуры управления ею, но и на ее перевооружение, оснащение наиболее современным вооружением. Поэтому в «Ведомостях» пусть изредка, но прослеживается информация о развитии промышленности, торговли, строительства и т. д.

Один из первых материалов, посвященных промышленности, появился в газете «Ведомости» от 31 декабря 1708 г. Здесь упоминается об открытии медной руды близ Новопетровских заводов. Потом подобного рода материалы исчезают вплоть до 1719 г. Чем это было обусловлено? Видимо, тем, что в центре внимания в тот период времени были все-таки военно-политические вопросы, связанные с ходом Северной войны. Другие темы, касающиеся промышленности, торговли, строительства, образования и культуры, имели вторичный характер, что и подтверждают результаты нашего контент-анализа. Конечно, это не значит, что долгие годы в данных сферах ничего не происходило.

Еще во время участия в работе Великого посольства Петр I мог лично убедиться в значительном отставании русской промышленности от европейских держав. Сразу после своего возвращения в Россию он пригласил в страну тысячи различных мастеров, которые активно включились в строительство фабрик и заводов. Петр I как никто другой понимал, что без развитой промышленности, которая могла бы обеспечить армию и флот современным для того времени вооружением, Северную войну ему не выиграть. Именно отсюда и проистекали петровские реформы в данной сфере.

Чтобы наполнить казну, в начале XVIII в. государство объявило производство и продажу большинства товаров монополией государства, которая была объявлена на зерно, щетину, пеньку, маточный лес, табак, воск, железо, парусину и т. д. Петр I стал проводить политику меркантилизма, направленную на увеличение денежного богатства страны, суть которой заключалась в том, чтобы поощрять экспорт и ограничивать импорт. Составной частью этой политики был протекционизм, т. е. покровительство отечественной промышленности и торговле.

В 1719 г. монополия государства почти на все товары была отменена. Тогда же была объявлена «Берг-привилегия», разрешающая всем жителям России, независимо от их социального статуса, отыскивать руды, разрабатывать месторождения и основывать заводы с целью обеспечения промышленности различными природными ресурсами. Исходя из данного документа, любой человек получал право на поиски, добычу и обработку металлов и минералов.

Неудивительно, что важные для страны экономические преобразования нашли отражение и в «Ведомостях». В номере от 25 августа 1719 г. значительная часть материалов была уделена экономическому развитию страны. Здесь отмечается, что в государстве в изрядном количестве добываются металлы и минералы, что открываются и разрабатываются богатые рудники, что русских людей обучают рудокопных дел мастера из зарубежных стран. Отмечается, что по всей стране стали открываться шелковые и шерстяные мануфактуры, что мастеровые люди из Стокгольма обучают людей разным ремеслам ради «размножения мануфактуры в Государстве». Помимо этого открываются и овчарные заводы, где иностранные специалисты делятся своим практическим опытом по разведению овец и обработке шерсти. В газете размещена информация о строительстве новых пороховых

заводов в Санкт-Петербурге, об изготовлении большого количества пушек разных калибров. Здесь же дан подробный обзор разных экономических преобразований в различных губерниях. В Казанской губернии открыты селитровые заводы, которые в большом количестве посылают свою продукцию в Москву для изготовления пороха; на Тульских оружейных заводах русские мастера делают ружья, пистолеты и мушкетеры и т. д. Завершается же материал сообщением о строительстве новых кораблей в адмиралтействе¹.

На страницах «Ведомостей» можно найти материалы и о торговых связях России с иностранными державами. В номере от 15 декабря 1703 г. публикуется информация о прибытии в Санкт-Петербург корабля из Голландии, откуда были привезены товары с различными видами питания и солью. Здесь же отмечается, что все другие корабли, которые придут в Санкт-Петербург, получат соответствующее поощрение. А через несколько лет после завершения Северной войны, в 1724 г., для поддержки российских мануфактур, количество которых кратно увеличивалось, был принят таможенный тариф протекционистского характера — устанавливались низкие таможенные пошлины на экспорт товаров.

На страницах «Ведомостей» нашли свое отражение и социальные реформы, которые активно проводились в Петровскую эпоху. Особое внимание уделялось сфере образования, здравоохранения и науки.

29 января 1710 г. Петр I подписал указ об утверждении гражданского алфавита, что сразу отразилось и на облике самих «Ведомостей», которые вплоть до этого времени печатались на церковнославянском языке. Такая реформа, безусловно, сыграла значительную роль, сделав более доступной и сферу образования, и саму газету, и другие печатные издания для более широких слоев населения. К примеру, в № 12 за 1710 г. публикуется библиографический обзор «Реестр новым книгам гражданским, которые по указу Царского Величества напечатаны новоизобретенною Амстердамскою азбукою».

В 1714 г. Петр I ввел в стране обязательное начальное образование для социальной элиты. Чтобы стимулировать получение образования представителями высшего сословия, Петр I запретил всем молодым дворянам жениться при его отсутствии. К тому же дворянских детей отправляли учиться за границу, а в страну активно приглашали иностранных специалистов, чтобы те обучали людей различным ремеслам.

В 1724 г. указом императора была учреждена Академия наук и художеств. «Ведомости» от 23 октября 1725 г. сообщали своим читателям, что в данное учебное заведение приглашены профессора из различных зарубежных стран, которые обучают младое поколение всяческим наукам и искусствам. В издании отмечалось, что такая тенденция всячески поддерживается и поощряется на уровне государства. Как видим, и после смерти Петра I его начинания не только успешно закреплялись в жизни российского общества, но и продолжали находить достойное отражение на страницах «Ведомостей».

Особенно примечателен выпуск газеты от 17 марта 1727 г., в котором впервые было приведено воспоминание неизвестного автора об участии Петра I в работе Сената. Здесь отмечается, что великий монарх дважды в неделю посещал высший орган государственного управления и принимал непосредственное участие в его работе. Здесь, в частности, указывается на то, что он облегчил «некоторые подати и налоги, которые не без тягости до сего времени с подданных собираются», что он в этом вопросе проявил великодушие в их послаблении, а также отмечалось стремление царя сделать своих подданных счастливыми. Кроме этого, благодаря ему были приняты следующие решения. «1. Положенные за прописку при переписи людей и крестьян мужеского полу душ деньги сложить. 2. Соль, которая чрез некоторые

¹ Ведомости. 1719. 25 августа.

годы в России продавалась из казны Императорской, отдать для всенародной пользы в волной торг по прежнему со взятием пошлин. 3. Торг Сибирской соболиной и других заповедных товаров, которые прежде сего из казны Императорской продавались, для всенародной пользы, отдать в волную торговлю с платежом пошлин»¹.

Здесь нужно отметить, что в последний год своего существования «Ведомости», как правило, больше внимания уделяли внутренней информации, чем зарубежной. Мы видим, что в последних номерах газеты, издаваемой под тем названием, которое было дано ей государем, как бы подводятся своеобразный итог многочисленным Петровским реформам и личному вкладу Петра I в дело преобразования Российского государства. С 1728 г. газета издавалась уже как «Санкт-Петербургские ведомости».

Выводы

Благодаря проведенному нами исследованию мы пришли к следующим результатам.

Петровская эпоха ознаменовалась в том числе и созданием нового информационного пространства России. Именно в этот период в стране появилось первое печатное издание — газета «Ведомости», которая стала не только первым в России государственным средством информации, но и главным проводником всех государственных реформ, опосредованно влияя на процессы государственного управления.

Кардинальные преобразования, которые происходили в системе государственной службы в первой четверти XVIII в., нашли свое отражение на страницах «Ведомостей». В публикациях отражена деятельность различных приказов и пришедших им на смену коллегий, опубликовано содержание ряда решений Правительствующего Сената.

На страницах «Ведомостей» нашли отражение реформы Петра I в области кадровой политики. Колоссальное значение не только для Петровской эпохи, но и для всей последующей истории императорской России имел такой документ, как «Табель о рангах», который выступил в качестве своеобразного социального лифта. Он давал возможность представителям всех свободных сословий выбиваться в «государевы люди», получать достойное звание и назначение, наконец, реально участвовать в управлении войсками или государством.

Петровские «Ведомости» со дня своего основания стали основным рупором государственной власти. Издание было ориентировано не только на информирование социальной элиты о военных и политических событиях, но и на утверждение в общественном сознании необходимости политических, социальных, экономических и культурных преобразований, в том числе в области государственной службы и государственного управления.

Опыт издания петровских «Ведомостей» показал, насколько важной является для государственных СМИ современной России реализация не только информационной, но и пропагандистской функции. Без разъяснительной работы с широкими массами, на которую должны быть ориентированы СМИ, без пропаганды примеров передового опыта в различных сферах общественной жизни реформы, проводимые государством, не смогут получить широкую общественную поддержку.

Заключение

Петровские «Ведомости», основанные в начале XVIII в., стали первым государственным средством массовой информации в России. У истоков данного издания находились органы государственной власти и управления того времени (приказы,

¹ Ведомости. 1727. 17 марта.

впоследствии трансформированные в коллеги), ближайшие сподвижники царя, а также сам Петр I.

Основной программой первой русской печатной газеты было отражение «случившихся в Московском государстве» событий, о которых, согласно указу от 16 декабря 1703 г., должны были сообщать газете различные государственные ведомства и учреждения. Благодаря появлению «Ведомостей» грамотная часть общества на регулярной основе стала получать информацию не только о ходе военных действий в период Северной войны, но и различного рода сообщения о социально-политических и экономических преобразованиях в стране.

Итоги нашего контент-анализа показали, что переводные материалы из зарубежных изданий занимали 50% печатных площадей, военные репортажи — 31%, дипломатическая хроника — 14%, социально-экономические новости — 3%, заметки о деятельности государственных учреждений — 2%. Несмотря на доминирование переводных материалов из зарубежных изданий, «Ведомости» выполняли как информационно-просветительскую, так и пропагандистскую функцию. Газета не только информировала об открытии новых образовательных учреждений, сообщала о реформах и достижениях в различных областях жизни государства, но и всячески содействовала демократизации языка, перейдя в 1710 г. с церковно-славянского шрифта на гражданский.

С точки зрения выполнения пропагандистской функции, «Ведомости» воздействовали на общественное мнение в монархическом духе, в определенной степени способствовали утверждению самодержавной монархии в стране. Именно в этом ключе шла пропаганда проводимой государством внутренней и внешней политики.

Будучи инструментом продвижения Петровских реформ, «Ведомости» были включены в систему государственного управления. Поэтому неслучайно то, что основными поставщиками информации для издания были чиновники, «государевы люди». «Ведомости» стали первым в стране официальным органом государственной власти. Именно в этом качестве газета всячески способствовала социально-политическим и экономическим преобразованиям, происходившим в стране.

Литература

1. *Балицкий Г. В.* Зарождение периодической печати в России. М., 1908.
2. *Ведомости* времени Петра Великого. Вып. 1. 1703–1707 гг. В память 200-летия первой русской газеты. М., 1903.
3. *Жирков Г. В.* Эпоха Петра Великого: основание русской журналистики. СПб., 2003.
4. *Пекарский П. П.* Наука и литература в России при Петре Великом. Т. 1. СПб., 1862.
5. *Погорелов В.* Материалы и оригиналы «Ведомостей» 1702–1727 гг. // Библиотека Московской синодальной типографии. Вып. IV. Ч. I. Рукописи.

Об авторах:

Ким Максим Николаевич, заведующий кафедрой журналистики и медиакоммуникаций факультета социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), доктор филологических наук, профессор; kim-mn@ranepa.ru

Ерыкалова Ирина Ефремовна, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций факультета социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат искусствоведения, доцент; erykalova-ie@ranepa.ru

Оськин Сергей Александрович, доцент кафедры журналистики и медиакоммуникаций факультета социальных технологий Северо-Западного института управления РАНХиГС (Санкт-Петербург, Российская Федерация), кандидат политических наук, доцент; oskin-sa@ranepa.ru

References

1. Balitskiy G.V. The origin of the periodical press in Russia. M., 1908 (in Rus).
2. The newspaper «Vedomosti» of the time of Peter the Great. Is. 1. 1703–1707. In memory of the 200th anniversary of the first Russian newspaper. Moscow, 1903 (in Rus).
3. Zhirkov G.V. The Era of Peter the Great: the Foundation of Russian Journalism. SPb., 2003 (in Rus).
4. Pekarskiy P.P. Science and Literature in Russia under Peter the Great. Vol. 1. SPb., 1862 (in Rus).
5. Pogorelov V. Materials and originals of «Vedomosti» in 1702–1727 // Library of the Moscow Synodal Printing House. Is. IV. P. I. Manuscripts (in Rus).

About the authors:

Maksim N. Kim, Head of the Department of Journalism and Media Communications of Faculty of Social Technologies of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Doctor of Philology, Professor; kim-mn@ranepa.ru

Irina E. Yerykalova, Associate Professor of the Department of Journalism and Media Communications of Faculty of Social Technologies of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Candidate of Art History, Associate Professor; erykalova-ie@ranepa.ru

Оськин Сергей Александрович, Associate Professor of the Department of Journalism and Media Communications of Faculty of Social Technologies of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management of RANEPА), Candidate of Political Sciences, Associate Professor; oskin-sa@ranepa.ru

Современная политика КНР в области антарктических научных исследований и международного научного сотрудничества

Ван Ясинь

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Российская Федерация;
Yaxin.wang@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5389-9377

РЕФЕРАТ

Целью статьи является обобщение текущего отношения китайского правительства к научным исследованиям Антарктики и характеристика антарктических научных исследований, проводимых Китаем как неантарктической страной, посредством обзора результатов деятельности антарктических научных экспедиций и научных исследований Китая за последние сорок лет.

Автор подходит к исследованию с точки зрения трех аспектов. Во-первых, проводится обзор китайских правительственных документов последних лет, посвященных деятельности Китая в Антарктике. Особенное внимание уделяется научным исследованиям и отношению китайского правительства к научно-исследовательской деятельности Китая в Антарктике. Во-вторых, рассматривается история развития китайских научных исследований в Антарктике. Описывается путь, пройденный Китаем, начиная с отправки первой экспедиционной группы в Антарктиду до создания научно-исследовательских институтов, высших учебных заведений и участия в международном сотрудничестве и научных программах. Наконец, характеристика двух первых аспектов позволяет автору провести анализ достижений, недостатков и особенностей научно-исследовательской деятельности и международного сотрудничества Китая в Антарктике. Делается предположение об актуальности научного сотрудничества и развития исследовательской деятельности в указанном регионе с точки зрения стратегических интересов Китая.

Обзор официальных документов, обнародованных правительством Китая в последние годы, позволяет автору использовать метод исторического анализа для систематического обобщения научно-исследовательской деятельности страны в Антарктике и изучения истории научных исследований. В работе также применены такие методы научного исследования, как сравнительный анализ и статистический анализ.

Ключевые слова: Антарктика, Китай, антарктическая экспедиция, антарктическое научное исследование, Договор об Антарктике, антарктическое научное сотрудничество

Для цитирования: *Ван Ясинь.* Современная политика КНР в области антарктических научных исследований и международного научного сотрудничества // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 171–182.

Development of Antarctic Scientific Research and International Scientific Cooperation of China

Wang Yaxin

Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russian Federation; Yaxin.wang@bk.ru
ORCID: 0000-0002-5389-9377

ABSTRACT

The purpose of this article is to summarise the current attitude of the Chinese government to Antarctic scientific research and to characterise Antarctic scientific research carried out by China as a non-Antarctic country by reviewing the performance of Antarctic scientific expeditions and scientific research in China over the last forty years.

The author approaches the study from the perspective of three aspects. Firstly, there is a review of Chinese government documents of recent years on China's activities in Antarctica. Particular

attention is paid to scientific research and the Chinese government's attitude to China's research activities in Antarctica. Secondly, the history of the development of Chinese scientific research in the Antarctic is considered. The path traveled by China is described, from sending the first expeditionary group to Antarctica to the creation of research institutes, higher educational institutions and participation in international cooperation and scientific programs. Finally, the characterization of the first two aspects allows the author to analyze the achievements, shortcomings and peculiarities of China's research activities and international cooperation in Antarctica. The author suggests the relevance of scientific cooperation and development of research activities in this region from the point of view of China's strategic interests.

The review of official documents made public by the Chinese government in recent years allows the author to use the method of historical analysis to systematically summarize the country's research activities in Antarctica and study the history of scientific research. The paper also applies such methods of scientific research as comparative analysis and statistical analysis.

Keywords: Antarctica, China, Antarctic expedition, Antarctic scientific research, Antarctic Treaty, Antarctic scientific cooperation

For citing: Wang Yaxin. Development of Antarctic Scientific Research and International Scientific Cooperation of China // Administrative consulting. 2022. N 10. P. 171–182.

Введение

В настоящее время исследования академического сообщества в основном сосредоточены на анализе стратегического уровня. Документы, опубликованные правительством Китая, посвящены деятельности страны в антарктическом регионе с точки зрения национальных стратегических интересов в широком смысле. В то же время в этих источниках не затрагиваются конкретные проблемы, отсутствуют ответы на частные прикладные вопросы.

В работе «Стратегия Китая в Антарктике в новую эпоху — мысли и предложения, основанные на полевых исследованиях» ученые Ван Вэнь и Яо Лэ из Китайского университета Жэньмин отмечают, что «в России практически отсутствует анализ деятельности Китая в Антарктике с точки зрения научных исследований» [3]. Таким образом, рассуждая о деятельности российских академических кругов, авторы указывают на недостаток систематических исследований, посвященных китайским антарктическим научным исследованиям, сотрудничеству и подготовке специалистов для работы в полярных регионах. Последним российским исследованием, в котором рассматривается этот вопрос, является статья «Продвижение Китая в Антарктиду в XXI веке», опубликованная В. И. Балакиным в 2020 г. в издании «Китай в мировой и региональной политике. История и современность» [1]. В публикации анализируется история антарктических научных экспедиций Китая. Автор утверждает: дипломатические устремления Пекина, направленные на изыскание убедительных причин международно-правового обоснования освоения Антарктиды, стали заметны сразу после присоединения Китая к так называемому Антарктическому договору, но особенно интенсифицировались с появлением у КНР технологических возможностей по добыче полезных ископаемых в недрах сурового «шестого континента». Этот вывод несколько отличается от исследований китайских ученых. Они не отрицают, что участие Китая в научных исследованиях и научном сотрудничестве в антарктическом регионе направлено на дальнейшее укрепление позиций Китая в антарктическом регионе. В то же время китайские исследователи отмечают, что интересы Китая в Антарктике не ограничиваются конкуренцией с другими странами. Так, Дин Хуан, профессор Уханьского университета в Китае, в своей книге «Полярное управление и участие Китая» отмечает, что Китай всегда настаивал на мирном исследовании Антарктики. Правительство Китая призывает мировое сообщество реализовывать проекты в этом регионе на основе Договора об Антарктике. В связи с этим

Китай надеется развивать взаимовыгодное сотрудничество со всеми странами. При реализации национальных антарктических интересов взаимодействие в области научных исследований является лучшим выбором для всех заинтересованных сторон [7]. По вопросу ресурсов Антарктики китайский ученый Ван Ванлу в своей статье «Антарктические исследования в Китае с XXI века: прогресс и перспективы» пишет, что страны третьего мира считают богатые ресурсы Антарктики серьезной проблемой, которую не могут решить несколько стран, и что Антарктика является общим наследием человечества [2].

Независимых исследований, посвященных особенностям китайской антарктической научной деятельности и антарктического научного сотрудничества в академических кругах, немного. Как китайские, так и российские работы в основном проводятся в рамках реализации национальных стратегий и планов. Именно поэтому в центре внимания данной статьи находятся научная деятельность и научное сотрудничество.

Методология

Цель статьи — рассмотреть историю китайских антарктических научных исследований и международного научного сотрудничества, кратко описать нынешнее отношение китайского правительства к антарктическим научным исследованиям и охарактеризовать особенности антарктических научных исследований Китая как неантарктической страны. Первым используемым методом является контент-анализ. В статье автор анализирует официальные документы, обнародованные правительством Китая в последние годы, рассматривает их сильные стороны и недостатки. Во-вторых, автор использует метод исторического анализа для систематического обобщения научно-исследовательской деятельности Китая в Антарктике, закладывая основу для обсуждения характеристики научных исследований. Наконец, автор использует метод сравнительного анализа и метод статистического анализа — на основании конкретных цифр сравниваются подходы КНР и США в финансировании научных исследований и инвестициях в персонал.

Результаты

Хотя Китай географически удален от Антарктиды, экологические изменения в полярном регионе в последние годы оказали значительное влияние на природную среду Китая. В связи с этим Китай придает большое значение вопросам экологии в Антарктическом регионе. Закон о национальной безопасности, принятый 1 июля 2015 г. на 15-м заседании Постоянного комитета Всекитайского собрания народных представителей 12-го созыва, установил, что полярные регионы официально включены в национальную стратегическую концепцию Китая¹. В 2017 г. Государственная океаническая администрация Китая впервые выпустила отчет о своей деятельности в Антарктике в виде «белой книги» — «Белая книга политики Китая в Антарктике». В документе рассматривается история освоения Китаем Антарктики и излагается основная позиция китайского правительства: Китай будет неуклонно следовать по пути мирного использования Антарктики, решительно поддерживать соблюдение Договора об Антарктике, увеличивать инвестиции в освоение Антарктики и повышать свою роль в глобальном управлении южным континентом. Государственная океаническая администрация Китая сообщила, что в будущем она

¹ Агентство Синьхуа: Закон о национальной безопасности Китайской Народной Республики [Электронный ресурс]. URL: http://www.xinhuanet.com//politics/2015-07/01/c_1115787801_3.htm (дата обращения: 04.03.2022).

будет регулярно публиковать отчеты об антарктических исследованиях для предоставления исчерпывающей информации о развитии антарктической научной деятельности и сотрудничества¹. В документе упоминается глобальное управление Антарктикой, поощряются научные исследования и сотрудничество в Антарктике и укрепляется «голос Китая в Антарктике», но не уточняется, как укрепить «голос Китая в Антарктике». Отсутствие четких целей привело к отсутствию четких целей для исследований ученых. Например, перед лицом международных вопросов об участии и рациональности Китая как страны, находящейся далеко от Антарктиды, китайские ученые подходили к этому вопросу только с точки зрения Китая как члена Договора об Антарктике. Наиболее важным аспектом дискурса в антарктическом регионе является фактический вклад страны в Антарктику, но систематических сравнительных исследований различий между вкладом Китая в исследования и изучение Антарктики и вкладом других стран очень мало². Таким образом отражается отставание Китая в стратегических исследованиях в Антарктике, что напрямую влияет на формулирование антарктической стратегии Китая.

Стратегических преимуществ у Китая в Антарктике нет. Во-первых, китайское присутствие в этой части планеты имеет крайне непродолжительное время. Во-вторых, с географической точки зрения Китай — страна в северном полушарии, удаленная от Антарктиды. В то же время Китай активно участвует в антарктической деятельности с 1983 г., когда он стал участником коллективного Договора об Антарктике. В связи с особым статусом и запретом военной деятельности в Антарктиде, усилия Китая в основном сосредоточены на научных исследованиях и изысканиях.

Интерес Китая к антарктическим вопросам возник еще в 1957–1958 гг., во время Международного геофизического года, когда Китайская Республика направила своих представителей в Антарктику. В 1964 г. КНР приняла решение о полноценном участии в освоении этой части планеты. Была создана Государственная океаническая администрация Китая и началась подготовка к научным исследованиям. Из-за влияния «культурной революции» антарктические научные исследования фактически начались только в конце 1970-х годов. В 1978 г. Китай и Чили обсудили возможность сотрудничества в области морских, геологических и спутниковых исследований. С 1979 по 1980 г. китайские ученые Дон Чжаоцян и Чжан Цинсун были приглашены для участия в Австралийской антарктической экспедиции. Они исследовали материально-техническое обеспечение, инженерное оснащение, инфраструктуру и оборудование австралийских, американских и новозеландских исследовательских станций. Они также проводили наблюдения на месте и отбор метеорологических, геологических, биологических и других проб. Таким образом была получена первая партия данных и образцов. Мероприятия, проведенные в этот период, в основном были направлены на подготовку к будущему формированию собственной антарктической научной экспедиции. В 1981 г. был создан Национальный комитет антарктических экспедиций. Это учреждение направляет ученых для участия в антарктических походах, осуществляет международный обмен и сотрудничество. Важную роль Национальный комитет сыграл и в части присоединения к Договору об Антарктике и вступления в Научный комитет по изучению Антарктики [4]. В дополнение к направлению своих ученых в международные исследова-

¹ Государственная океаническая администрация Китая, «Белая книга политики Китая в Антарктике» [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/xinwen/2017-05/23/content_5196076.htm (дата обращения: 04.03.2022).

² Ши В. Многомерное исследование антарктической политики [Электронный ресурс]. URL: https://kns.cnki.net/kcms/detail/detail.aspx?dbcode=CMFD&dbname=CMFD2012&filename=1011027540.nh&uniplatform=NZKPT&v=cWuvShsbUvu-JFTX0VBHdkTmPugd2DAnpNX8kerHPouDHOqcG66DMYw-11v2_0Zk (дата обращения: 31.05.2022) (на китайском языке).

тельские группы Китая активно приглашал иностранных экспертов для ознакомления с опытом научных исследований в Антарктике для совместных исследований и обучения китайских специалистов. В 1984 г. Китай отправил свою первую научную экспедицию в Антарктиду, а в 1985 г. основал первую антарктическую экспедиционную станцию. К 7 мая 2021 г. китайские исследовательские группы совершили в общей сложности 37 научных экспедиций в Антарктику и создали пять антарктических исследовательских станций: Чанчэн (1985), Чжуншань (1989), Куньлунь (2009), Тайшань (2013), а также новую морскую станцию Росса (ожидается, что ее строительство будет завершено в 2022 г.). В дополнение к стационарным базам Китаем используются два ледокола для научных исследований и транспортировки материалов — «Сюэлун» и «Сюэлун-2».

Говоря о государственном управлении политикой Китая в Антарктике, рассмотрим Государственную океаническую администрацию Китая, в составе которой два подразделения специализируются на вопросах Антарктики. Одно из них — Управление полярных исследований Государственной океанической администрации, которое отвечает за разработку стратегии полярного развития Китая, разработку китайских полярных законов и правил, организацию полярного сотрудничества, организацию полярных экспедиций и научных исследований, организацию зимней тренировочной базы на территории Китая для подготовки экипажей антарктических экспедиций.

Второе подразделение — это Китайский центр полярных исследований (Polar Research Institute of China), который отвечает за научные работы на базах, а также за международное научное сотрудничество. Исследованиями Антарктики занимаются отдел исследовательских операций, отдел экспедиционных операций и отдел Руководителя инженерных проектов Полярного центра. В составе Отдела исследовательских операций находятся семь исследовательских лабораторий: Лаборатория исследования полярной стратегии, Лаборатория исследования полярной гляциологии, Лаборатория исследования полярного океана, Лаборатория исследования полярной атмосферы и космической физики, Лаборатория исследования полярной биологии и экологии, Полярный информационный центр и Лаборатория исследования антарктической астрономии. Отдел исследовательских операций отвечает за управление и логистику антарктических исследовательских станций и управление исследовательскими ледоколами. Отдел Руководителя инженерных проектов Полярного центра отвечает за инфраструктурную часть проекта, которая включает в себя как организацию внутренних китайских исследовательских баз и терминалов, так и строительство антарктических исследовательских станций.

Научная работа Китайского полярного исследовательского центра привела к публикации значительного количества трудов: выпущена 91 исследовательская работа по вопросам исследований в Антарктике и 30 научных исследований, в том числе статьи во всемирно известных изданиях *Nature*, *Journal of Geophysical Research* и *Journal of Climate*. Китайский центр полярных исследований выпускает и собственные издания: журналы «Полярные исследования» (китайское издание 极地研究) и «Прогресс в полярной науке» (английское издание *Advances in Polar Science*). Это всеобъемлющие академические журналы, в которых основное внимание уделяется результатам междисциплинарных исследований на Северном и Южном полюсах.

Отдельное внимание уделяется и подготовке кадров. Обучение аспирантов и магистрантов осуществляется Лабораторией полярной физики атмосферы и космоса и рядом других известных университетов Китая¹. Например, в Пекинском педаго-

¹Polar Research Institute of China [Электронный ресурс]. URL: <https://en.pric.org.cn/index.html?c=category&id=45> (дата обращения: 04.03.2022).

гическом университете 22 апреля 2018 г. был создан Совместный исследовательский центр полярных регионов китайских университетов (далее — Центр полярных регионов). Центр полярных регионов совместно учрежден 25 китайскими национальными университетами. Его задача — обеспечивать совместное использование полярных информационных ресурсов и развивать полярную науку и образование в Китае¹. Основные направления исследований Центра полярных регионов — мониторинг и моделирование полярной среды, изменения в полярных областях планеты, влияние глобальной экосистемы на регионы, морские ресурсы, полярная экономика и социальные исследования. Основными задачами Центра полярных регионов являются создание системы полярной науки и образования, строительство полярной инфраструктуры, развитие международного сотрудничества и некоторые другие мероприятия.

В связи с особым вниманием Китая к полярным регионам исследовательские и образовательные центры для подготовки полярных исследователей создаются и другими высшими учебными заведениями. Китайский центр картографирования Антарктики при Уханьском университете (далее — Центр картографирования) был основан в 1991 г. В настоящее время основными направлениями исследований этого института являются полярная геодезия, применение дистанционного зондирования в полярных районах, полярная картография и геоинформация, полярная геофизика твердых тел, полярная стратегия. Центр картографирования является членом Университета Арктики, сопредседателем Постоянного комитета по географической информации Научного комитета по антарктическим исследованиям (SCAR). Организация активно участвует в международных экспедициях и исследованиях на Южном полюсе. Образовательная площадка поддерживает тесное сотрудничество с международными полярными исследовательскими институтами, такими как Норвежский институт полярных исследований, Антарктический центр Университета Кентерберри (Новая Зеландия), Университет Франш-Конте (Франция), Корейский институт полярных исследований, Немецкий институт полярных исследований, Датский центр космических технологий, Университет Чулалонгкорн (Таиланд), и Центр полярных космических данных (США).

В апреле 2018 г. Центр полярных исследований Пекинского педагогического университета открыл направление полярного дистанционного зондирования и изменения климата, полярной астрономии, полярной экологии и окружающей среды и даже полярной психологии. Центр полярных морских исследований Даляньского морского университета изучает полярную навигацию. В 2019 г. был создан Институт полярных исследований Харбинского технологического института, который совместно с Университетом Арктики развивает междисциплинарные дисциплины по Антарктиде. Добавим к этому перечню Центр полярных исследований Океанического университета Китая и Центр полярных исследований Шанхайского океанического университета.

Начиная с 1980-х годов Китай активно сотрудничает с международным научно-исследовательским сообществом. Государство принимает участие в международных научных исследованиях и совместных разработках в Антарктике. В июле 2002 г. в Шанхае состоялась 27-я Генеральная ассамблея Научного комитета по антарктическим исследованиям и 14-й Совет руководителей Национальных антарктических программ. В этом мероприятии приняли участие более 500 ученых и должностных лиц, представляющих более чем 40 стран, а также международные организации. Эта встреча стала первой конференцией по вопросам Антарктики в XXI в., а Китай

¹ В Пекинском педагогическом университете был создан Совместный исследовательский центр полярных регионов китайских университетов [Электронный ресурс]. URL: <https://www.dess.tsinghua.edu.cn/info/1079/3461.htm> (дата обращения: 04.03.2022).

впервые принимал подобное мероприятие на столь высоком уровне. В 2007–2008 гг. Китай участвовал в событиях, приуроченных к международному полярному году, сформулировав и приступив к осуществлению Китайской программы действий.

В ходе визита председателя Китайской Народной Республики Си Цзиньпина в Австралию и Новую Зеландию в ноябре 2014 г. были подписаны такие важные документы, как Меморандум о взаимопонимании между Правительством Китайской Народной Республики и Федеральным правительством Австралии по сотрудничеству в Антарктике и Южном океане¹ и Соглашение между правительствами Китая и Новой Зеландии о сотрудничестве в Антарктике². Китай и Австралия договорились о взаимодействии в сфере науки и охраны окружающей среды, обеспечении доступа к Восточной Антарктике и сотрудничестве в рамках научно-исследовательских мероприятий и прогнозирования состояния морского льда. Китай и Новая Зеландия приняли решение об укреплении сотрудничества в области антарктических научных исследований, охраны окружающей среды, материально-технического обеспечения для совместного противостояния угрозе изменения климата в Антарктике.

Взаимодействие с антарктическими странами происходит не только на уровне правительств, но и непосредственно между образовательными и исследовательскими учреждениями. На основе опыта Шанхайского океанического университета укрепляется международное сотрудничество в области исследований антарктических морских экосистем. Организован совместный проект с ведущими мировыми научными центрами — Немецким институтом им. Альфреда Вегенера (Alfred-Wegener-Institut), Плимутской морской лабораторией (Plymouth Marine Laboratory, UK), Университетом штата Орегон (Oregon State University), Университетом Сент-Эндрюса (University of St. Andrews), Британской антарктической службой (British Antarctic Survey), Институтом морских и полярных исследований при Университете Тасмании (Institute for Marine and Antarctic Studies), Австралийским антарктическим департаментом (Australian Antarctic Division) и Юго-западным научным центром рыболовства Национального управления океанических и атмосферных исследований (NOAA Southwest Fisheries Science Center).

Участниками проекта ведется работа в области биологии и экологии антарктического криля и управлению его промыслом, предлагаются направления будущих научных исследований. Результаты совместной работы опубликованы онлайн в 2021 г. в выпуске журнала «Nature», Communications Earth & Environment. Обмен опытом между учебными и научными организациями из разных стран внесет вклад в научные исследования и управление ресурсами антарктического криля.

В рамках подготовки кадров в области научных исследований в Антарктике Университет и Токийский океанический университет провели совместный семинар на тему «Состояние и перспективы глубоководных исследований Северных и Южных полярных морей»³, что также способствовало укреплению международного сотрудничества исследователей. Одновременно Университет добился соглашения о совместной подготовке докторантов в области исследований морской биологии Антарктики с Университетом Тасмании (Австралия).

¹ Меморандум о взаимопонимании между Правительством Китайской Народной Республики и Федеральным правительством Австралии по сотрудничеству в Антарктике и Южном океане [Электронный ресурс]. URL: http://www.soa.gov.cn/xw/ztbd/2014/xlhww/xwzx_xlh/201411/t20141119_34113.html (дата обращения: 04.03.2022).

² Соглашение между правительствами Китая и Новой Зеландии о сотрудничестве в Антарктике [Электронный ресурс]. URL: http://www.soa.gov.cn/xw/hyww_90/201411/t20141120_34140.html (дата обращения: 04.03.2022).

³ Школа добилась значительного прогресса в международном сотрудничестве «Один пояс, один путь» вокруг Антарктиды [Электронный ресурс]. URL: <https://www.shou.edu.cn/2021/0125/c147a283912/page.ht> (дата обращения: 04.03.2022) (на китайском языке).

Опубликованные документы и проведенные мероприятия демонстрируют последовательность и системность сотрудничества. Как межправительственное, так и неправительственное взаимодействие в основном сосредоточено в области естественных наук, таких как окружающая среда, климатология, океанография, экология, биология и геология. В то же время такие социальные дисциплины, как правоведение и гуманитарные науки практически не охвачены. Стоит также отметить, что отношения в основном осуществляются в формате двустороннего взаимодействия, при этом практически отсутствуют многосторонние проекты.

Обсуждение

Анализируя официальные документы Китая, мы приходим к выводу, что в последние годы государство постепенно укрепляет свое присутствие в Антарктике. По мнению Дин Хуана, китайскую антарктическую стратегию можно условно разделить на краткосрочную и долгосрочную [6].

В области научных исследований и сотрудничества в Антарктике краткосрочной целью Китая является защита своих прав на научные изыскания. Научные мероприятия и экспедиции являются основным способом участия Китая в делах Антарктики. Эта деятельность — главное условие и гарантия защиты своих интересов и реализации концепции «Антарктическое сообщество интересов». В долгосрочной перспективе Китай надеется завладеть значительной частью антарктического дискурса, чтобы делиться с мировым сообществом своими ценностями и идеологией в вопросах, касающихся рассматриваемого региона. КНР всегда подчеркивала важность реализации «Антарктического сообщества интересов». В связи с этим существует надежда на формирование общепринятого подхода к охране окружающей среды, научным исследованиям и безопасности в полярном регионе. Изменение климата в Антарктике влияет на весь мир. Нельзя недооценивать его воздействие и на Китай. Борьба с изменением климата требует масштабной поддержки научных исследований. По этой причине в национальных интересах Китая не только участие в научно-исследовательском сотрудничестве, но и поддержание экологической безопасности Антарктики.

В связи с тем, что Договор об Антарктике действует до 2041 г., правительству необходимо оценить ситуацию с научной точки зрения и обеспечить защиту интересов Китая. Важно отметить, что Китаем соблюдаются требования международного права и ведется добыча только возобновляемых природных ресурсов, таких как криль.

В то же время вполне предсказуемо, что по мере системных и технологических изменений ресурсы Антарктики станут более доступными. Вот почему Китай не отрицает возможности будущего освоения ресурсов Антарктики, для чего требуется не только прочная научная основа, но и определенный объем исследований в сфере антарктической юриспруденции, признанной международным сообществом [8].

Для достижения этих целей Китаю еще предстоит совершенствовать национальную стратегию, активнее развивать международное сотрудничество, исследовательский потенциал и подготовку антарктических кадров. Стоит признать, что в настоящее время отсутствует четкая национальная стратегия Китая в отношении Антарктики. В единственном опубликованном официальном документе по вопросам проблем Антарктики, «Белой книге политики Китая в Антарктике», изданной в 2017 г., сравнивается история развития китайских антарктических исследований в Китае и перспективы будущей деятельности в этой области, но не выдвигаются аргументированные предложения по совершенствованию антарктической политики или четкой националь-

ной стратегической цели. В то же время большинство крупных антарктических стран проводят активную политику не только для укрепления своего научно-исследовательского потенциала, но и для защиты своих прав и интересов во всех аспектах, включая политику, юриспруденцию, дипломатию, охрану окружающей среды, науку и технологии.

Главная причина неспособности Китая выработать эффективную антарктическую политику заключается в том, что в стране по-прежнему существует большой разрыв в части научно-исследовательского потенциала по сравнению с другими странами. По данным China Knowledge Network, крупнейшей китайской поисковой базы данных в Китае, с 1981 по апрель 2022 г. было опубликовано в общей сложности 9 237 научных журналов по китайским антарктическим научным исследованиям, включая 1061 по физической географии и картографии, 1031 по океанографии, 829 по биологии, 823 по метеорологии, геология — 763, геофизика — 545, экология и использование ресурсов — 502, аквакультура и рыболовство — 448, легкая промышленность и ремесла — 436, экономика промышленности — 293, астрономия — 284, биография — 210, международное право — 202, китайская и международная политика — 199, теория и методы естественных наук — 193, китайская литература — 151, аэрокосмическая наука и техника — 142, образование — 139, управление научными исследованиями — 127 и Судостроительная промышленность — 118. 750 из этих социальных дисциплин (биография (210), международное право (202), Китайская политика и международная политика (199) и Образование (139)) составили в общей сложности около 8% антарктических исследований, и только 26 из них включали международное научное сотрудничество¹.

Китайские антарктические исследования очевидно склонны придавать большое значение естественным наукам и при этом уделять недостаточно внимания гуманитарным и социальным наукам [5]. Исследования Китая в Антарктике в основном сосредоточены в сфере фундаментальных естественных наук. В то же время исследования в области изучения, оценки, освоения и использования потенциала ресурсов относительно недостаточны. Трудов по политике, правоведению, политологии, стратегическому планированию и дипломатии, связанных с Антарктидой, крайне мало, что значительно ограничивает возможности Китая участвовать в управлении Антарктидой. В своей книге Дин Хуан также утверждает, что большинство исследований китайских ученых ограничивались описанием истории и текущего состояния развития антарктической политики в различных странах, но не смогли дать теоретических объяснений. Китайские исследования по Антарктике сильно отстают в изучении антарктической политики и антарктического права. Сегодняшний потенциал научной базы не способен обеспечить благоприятную основу для формулирования национальной антарктической стратегии, что значительно ограничивает продвижение позиций Китая в полярном регионе. Отсутствие национальной стратегии приводит к тому, что китайские участники международных конференций предлагают недостаточное количество конструктивных предложений. С момента присоединения Китая к Договору об Антарктике в 1985 г. рабочий документ от лица Консультативной стороны был представлен только в 2005 г. [4]. В связи с растущим осознанием важности развития гуманитарных и социальных наук в этой сфере с марта 2014 г. был запущен ряд исследовательских проектов по общественным наукам, охватывающих такие важные вопросы, как участие в системе управления и международном сотрудничестве в Антарктике, полярная стратегическая позиция, законодательство о деятельности человека в Антарктике и формирование соот-

¹ Антарктическое исследование [Электронный ресурс]. URL: <https://kns.cnki.net/kns8/default-result/index> (дата обращения: 31.05.2022) (на китайском языке).

ветствующих правил, образование в области общественных и полярных наук, а также концепция национальной «мягкой силы»¹.

Необходимо отметить огромный разрыв в капиталовложениях между Китайской Народной Республикой и Соединенными Штатами Америки в области естественных наук. США занимают первое место по инвестициям в научные исследования в Антарктике. По данным Национального научного фонда с 2000 по 2016 г. финансирование проектов научных исследований в Антарктике оценивается в среднем в 100 млн долл. в год, что составляет 25,6% от общего объема инвестиций NSF в Антарктику². В то же время инвестиции Китая в научные исследования в Антарктике с 2001 по 2016 г. составили всего 310 млн юаней. Хотя с 1985 по 2000 г. они в 18 раз превышали инвестиции в научные исследования в Антарктике, разрыв с американскими инвестициями все еще очень велик³.

Что касается подготовки персонала, Антарктическая программа США предполагает содержание трех постоянных научно-исследовательских станций в Антарктическом регионе. Осуществляется ежегодная поддержка около 3500 человек, проводящих научные исследования и обеспечивающих материально-техническую деятельность, в том числе около 800 ученых и исследовательских групп⁴. При этом согласно китайской статистике в последние годы число участников китайских антарктических экспедиций составляло в среднем 250 человек⁵.

Выводы

Проведенный анализ показывает, что, хотя Китай поздно начал заниматься антарктическими исследованиями, после почти полувекового развития государством достигнуты значительные успехи. Китай не только создал собственные научно-исследовательские станции в Антарктическом регионе, но и сформировал китайскую систему антарктических исследований и научных разработок. Государство активно развивает правительственное и неправительственное сотрудничество с антарктическими странами. Документы, изданные китайским правительством в отношении Антарктики, также показывают, что у Китая есть понимание необходимости развития в рассматриваемой области. Формулируются текущие цели по изучению и использованию полярного региона. При этом важно подчеркнуть, что указанные документы не содержат четких стратегических целей и не предлагают эффективных методов реализации национальной политики. Совершенствование этой сферы деятельности дополнит антарктическую стратегию Китая. Фундаментальные исследования в области социальных наук помогут укрепить китайское видение будущего Антарктиды и помогут реализовать интересы Китая. В области научных исследований развитие общественных наук не соответствует общему уровню антарктического направления страны. При этом несмотря на то, что быстрое экономическое развитие Китая за-

¹ Отчет о китайской полярной экспедиции 2015 г. Государственное океаническое управление Китая, 2016. С. 45–47 (на китайском языке).

² National Science Foundation. NSF Budget Requests to Congress and Annual Appropriations [EB/OL]. [2016-11-3] [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nsf.gov/about/budget> (дата обращения: 04.03.2022).

³ Выступление посла Сюй Бу на приеме, приветствующем членов команды станции Великая Стена 34-й китайской антарктической научной экспедиции [Электронный ресурс]. URL: <http://www.mfa.gov.cn/ce/cechile/chn/dsxx/dsjh/t1537380.htm> (дата обращения: 04.03.2022) (на китайском языке).

⁴ US Antarctica Program Fact Sheet, National Science Foundation [Электронный ресурс]. URL: https://www.nsf.gov/news/news_summ.jsp?cntn_id=102869 (дата обращения: 04.03.2022).

⁵ Дело Китая в Антарктике. Государственное управление океанических исследований Китая, 2017 (in Chinese).

ложило основу для научных исследований в Антарктике и были достигнуты успехи в области естественных дисциплин, все еще существует разрыв между уровнем китайских и иностранных разработок.

Подводя итог, предположим, что если китайское правительство хочет обеспечить интересы страны в Антарктике, оно должно, во-первых, прояснить свои стратегические намерения и предложить эффективные методы их реализации, во-вторых, обеспечить инвестиции в экономику и подготовку кадров, и, в-третьих, сосредоточиться на развитии исследований в области социальных наук. В плане международной политики важно расширять взаимодействие в сферах, предусмотренных Договором об Антарктике, сосредоточившись на развитии многостороннего сотрудничества, делая его более прочным и эффективным.

Литература

1. Балакин В. И. Продвижения Китая в Антарктиду в XXI веке // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2020. № 25. С. 184–197.
2. Ван В. Антарктические исследования в Китае с XXI века: прогресс и перспективы // Международные политические исследования. 2021. № 6. С. 132–155 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.sis.pku.edu.cn/docs/2022-01/20220112103506740537.pdf> (дата обращения: 31.05.2022) (на китайском языке).
3. Вэнь В. Стратегия Китая в Антарктике в новую эпоху — мысли и предложения, основанные на полевых исследованиях // Исследование Чонг Ян университета Жэньмина Китая. 2018. № 38 [Электронный ресурс]. URL: http://rdcy.org/upfile/file/20180706111718_744533_71959.pdf (дата обращения: 04.03.2022) (на китайском языке).
4. Лю Х. Исследование участия Китая в стратегиях международного сотрудничества в управлении Антарктикой // WU International Law Review. 2016. Vol. 19. N 2. С. 300–320 [Электронный ресурс]. URL: <https://colp.sjtu.edu.cn/ueditor/net/upload/2017-09-28/fa6678d8-aac1-4fb9-b2ec-5c8ddd825eff.pdf> (дата обращения: 04.03.2022) (на китайском языке).
5. Мин П. Антарктика в международной политике: Исследование антарктической политики крупных держав. Шанхай : Издательство Шанхайского университета Цзяотон, 2015 (на китайском языке).
6. Хуан Д. Отчет об исследовании политики полярного государства (2015–2016) Пекин : Science Press, 2015 (на китайском языке).
7. Хуан Д. Полярное управление и участие Китая. Пекин : Science Press, 2018 (на китайском языке).
8. Adriana E. A. China's Growing Influence in the South Atlantic // BRICS Policy Center Working Paper, University of Cambridge. October 2013. P. 1–27.

Об авторе:

Ван Ясинь, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург, Российская Федерация); Yaxin.wang@bk.ru

References

1. balakin V.I. China's Advancement to the Antarctic In the 21st Century // China in world and regional politics. History and modernity [Kitai v mirovoi i regional'noi politike. Istoriya i sovremenost']. 2020. N 25. P. 184–197 (in Rus).
2. Wang W. Chinese Antarctic Research in the 21st Century: Progress and Prospects // International Political Studies. 2021 N 6. P. 132–155 [Electronic source]. URL: <https://www.sis.pku.edu.cn/docs/2022-01/20220112103506740537.pdf> (accessed: 31.05.2022) (in Chinese).
3. Wang W. China's Antarctic Strategy in the New Era — Thoughts and suggestions based on field research // Chongyang Institute for Financial Studies Renmin University of China. 2018. N 38 [Electronic source]. URL: http://rdcy.org/upfile/file/20180706111718_744533_71959.pdf (accessed: 04.03.2022) (in Chinese).
4. Liu X. China's Engagement Strategy in the Antarctic Governance // WU International Law Review. 2016. Vol. 19, N 2. P. 300–320 [Electronic source]. URL: <https://colp.sjtu.edu.cn/ueditor/net/>

- upload/2017-09-28/fa6678d8-aac1-4fb9-b2ec-5c8ddd825eff.pdf (accessed: 04.03.2022) (in Chinese).
5. Min P. *Antarctica in International Politics: A Study of the Antarctic Policy of Major Powers*. Shanghai : Shanghai Jiaotong University Press, 2015 (in Chinese).
 6. Huang D. *Polar State Policy Research Report (2015–2016)*. Beijing : Science Press, 2015 (in Chinese).
 7. Huang D. *Polar Governance and Chinese Participation*. Beijing : Science Press, 2018 (in Chinese).
 8. Adriana E. A. *China's Growing Influence in the South Atlantic // BRICS Policy Center Working Paper*, University of Cambridge. October 2013. P. 1–27.

About the author:

Wang Yaxin, Post-graduate Student of Saint Petersburg State University (Saint Petersburg, Russian Federation); Yaxin.wang@bk.ru

Политическая стратегия Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности

Лю Хаовэнь

Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Санкт-Петербург, Российская Федерация; *a635657978@gmail.com

РЕФЕРАТ

Целью статьи является анализ реализации многосторонней дипломатической политики в области обеспечения безопасности действующим главой Китайской Народной Республики Си Цзиньпином. Для достижения поставленной цели в статье использован метод контент-анализа публичных выступлений лидера китайского государства с последующим обобщением и индуктивным анализом основных направлений реализации современной внешней политики Китая. В статье рассмотрены актуальные направления внешнеполитической стратегии главы Китайской Народной Республики Си Цзиньпина, позволяющие обеспечивать достижение национальных интересов государства в области глобальной безопасности. Рассмотрены основные векторы многосторонней дипломатии современного Китая и его позиционирование в мировом сообществе как государства-лидера. Отмечается роль Китая в вопросах безопасности и миротворческих миссиях ООН. Результатом анализа стали обозначенные в статье векторы внешней политики Китая по обеспечению глобальной безопасности и развитию многосторонних дипломатических связей с позиций главы китайского государства Си Цзиньпина. Сделаны выводы о соответствии основного внешнеполитического дискурса Си Цзиньпина ценностям мирного развития, и его ориентированности на позиции многосторонности, сотрудничества и взаимовыгодных отношений Китая в глобальном масштабе.

Ключевые слова: внешняя политика, суверенитет, национальные интересы, Китай

Для цитирования: Лю Хаовэнь. Политическая стратегия Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 183–190.

Xi Jinping's Political Strategy for Developing Multilateral Security Diplomacy

Liu Haowen

Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University, St. Petersburg, Russian Federation; *a635657978@gmail.com

ABSTRACT

The purpose of the article is to analyze the implementation of the multilateral diplomatic policy in the field of security by the current head of the People's Republic of China, Xi Jinping. To achieve this goal, the article uses the method of content analysis of the public speeches of the leader of the Chinese state, followed by a generalization and inductive analysis of the main directions of the implementation of China's modern foreign policy. The article discusses the current directions of the foreign policy strategy of the head of the People's Republic of China, Xi Jinping, which allows to ensure the achievement of the state's national interests in the field of global security. The main vectors of multilateral diplomacy of modern China and its positioning in the world community as a leading state are considered. The role of China in security issues and UN peacekeeping missions is noted. The analysis resulted in the vectors of China's foreign policy outlined in the article to ensure global security and develop multilateral diplomatic ties from the standpoint of Chinese President Xi Jinping. Conclusions are drawn about the correspondence of the main foreign policy discourse of Xi Jinping to the values of peaceful development, and its focus on the positions of multilateralism, cooperation and mutually beneficial relations of China on a global scale.

Keywords: foreign policy, sovereignty, national interests, China

For citing: Liu Haowen. Xi Jinping's Political Strategy for Developing Multilateral Security Diplomacy // Administrative consulting. 2022. No. 10. P. 183–190.

Введение

Перед современным Китаем стоят многообразные задачи конструктивного позиционирования государства на международной арене. Китайские оценки многосторонности дипломатии и внешней политики эволюционировали вместе с восприятием меняющегося мирового порядка. Исследования порядка после холодной войны выявляют долгосрочный сдвиг к «многополярности» и постоянной угрозе «гегемонизма» с растущим акцентом на суверенитет и невмешательство во внутренние дела. Многополярный переход обычно связывают с предполагаемыми изменениями в позиционировании США в 1990-е годы как единственной сверхдержавы. Нынешний переход к более плюралистическому миру «инклюзивной многосторонности» указывает на многополярную структуру власти, многоуровневые институциональные механизмы и многомерные идеи. Действующее руководство Китая обращается к политике многосторонней дипломатии для разрешения актуальных вопросов своей внешней политики, среди которых центральное место занимает проблема безопасности.

Материалы и методы

Теоретической основой для реконструкции политической стратегии Си Цзиньпина по развитию многосторонней дипломатии в сфере безопасности являются публичные выступления китайского лидера, а также опубликованные материалы аналитической направленности, в которых производится исследование внешней политики современного Китая. Для достижения цели статьи использован метод контент-анализа публичных выступлений лидера китайского государства с последующим обобщением и индуктивным анализом основных направлений реализации современной внешней политики Китая. Основные направления внешнеполитического курса Си Цзиньпина рассмотрены в литературе как в контексте выстраивания отношений с западными партнерами [5; 6; 7], так и в отношении государств Азиатско-Тихоокеанского региона [22], с учетом актуальных тенденций современного технологического развития [23].

Результаты

Альтернативному биполярному порядку «один мир, две системы» не хватает материальных и институциональных условий для его формирования, а также поддержки США и Китая. Уже в 2021 г. многосторонность стала главной темой выступления Си Цзиньпина на Всемирном экономическом форуме (ВЭФ). Обращаясь к глобальным проблемам после пандемии, Си Цзиньпин настаивал на том, что многосторонность не должна использоваться в качестве предлога для односторонних действий, а различия в истории, культуре и социальной системе не должны быть оправданием для антагонизма или конфронтации, а скорее стимулом для сотрудничества [18].

Два события в мировой экономике в 2020 г. определяют текущие дебаты о внешней политике Китая: глобальная торговая война США за сохранение экономической гегемонии при отказе от многосторонности и пандемия COVID-19 [1, с. 49]. Как крупнейший глобальный шок в области безопасности за столетие COVID-19 катали-

зировав долгосрочные изменения в международных стратегических отношениях и глобальном лидерстве США, поместив многосторонность и глобальное управление в новые условия. В условиях двойного воздействия глобальных кризисов в области здравоохранения и экономики реформа международного порядка стала неизбежной. Китай сегодня превратился в крупнейшую стабилизирующую силу, взяв на себя такие обязательства в соответствии со своими возможностями. Нынешняя неопределенность усиливает вопрос о том, будет ли преобладать дипломатическая односторонность или многосторонность. Выступления Си Цзиньпина на ВЭФ в прошлом году в поддержку многосторонности усилили внутренние дебаты о стратегической ориентации Китая, идеологических и практических аспектах реформы глобального управления и изменении регионального порядка в Восточной Азии [3, с. 35].

В случае Китая его явные преимущества и ограничения требуют создания централизованных многосторонних дипломатических сетей в развивающихся регионах и эффективного экономического цикла внутренних и внешних связей, как в настоящее время воплощает инициатива Си Цзиньпина «Пояс и путь» (BRI) [9].

По оценкам китайских аналитиков обеспечение национальной безопасности Китая требует противостояния «западной правовой гегемонии» и «колониалистскому правовому менталитету» в пользу социалистического права с китайскими особенностями. С культурной точки зрения, способствуя распространению индивидуальных ценностей и упадку социальной справедливости, капитализм порождает беспорядок в форме гегемонизма великих держав [20, с. 10].

Как отметил Си Цзиньпин в Давосе, для предотвращения такого сценария требуется глобальная система управления, фундаментом которой должна стать ООН, основанная на правилах и консенсусе, достигнутых между нами, а не на приказе одного или нескольких. По мнению китайского руководства, США неоднократно вмешиваются во внутренние дела других стран. Такое поведение показывает, что Вашингтон руководствуется желанием сохранить свою глобальную гегемонию и интересы и осуществлять свою политику «Америка прежде всего» [4, с. 622].

Неуместность отношений в стиле холодной войны наиболее заметна в китайском видении меняющегося регионального порядка. Трансформация Восточной Азии из системы альянсов США в «мультиузловую» транспортную и экономическую систему породила структурное несоответствие между моделью дипломатического господства США и многосторонней ориентацией региона. Растущая неэффективность системы североатлантического союза в реагировании на угрозы региональной безопасности подчеркивает необходимость восстановления азиатского порядка в соответствии с этим многополярным сдвигом [10, с. 157].

Рост дипломатической многовекторности наиболее очевиден в экономической сфере, где торговый протекционизм и COVID-19 ускорили подписание Регионального всеобъемлющего экономического партнерства (RCEP) в ноябре 2020 г. Как утверждали китайские лидеры, соглашение о свободной торговле стало крупнейшей «победой многосторонности» и региональной экономической интеграции с 1990-х гг., а также важным открытием для продвижения внутренних реформ Китая и модели глобального развития.

В своей последней речи в Давосе Си Цзиньпин был склонен обличать недобросовестность торговых войн и политику противостояния великих держав [24]. Реальное намерение, по-видимому, состоит в том, чтобы предотвратить продолжение такой конфронтации со стороны администрации Дж. Байдена. Китай уже стал второй по величине экономикой в мире. Феномен подъема Китая подтверждает успех политики открытости.

Идеалистическое видение Си Цзиньпином глобальной роли Китая вносит коррективы в общую стратегию Китая в целом. Это можно рассматривать как третью крупную корректировку в большой стратегии после Мао и Дэна Сяопина, которая

оставляет позади осторожную и сдержанную дипломатию. Чтобы понять, что Китай хочет делать со своим богатством и властью, исследователи должны объяснить, как Пекин видит мир и какую роль он отводит новому международному порядку [11, с. 1508].

Понятие «великая стратегия» может обеспечить концептуальную основу для обсуждения глобальной роли Китая. Большая часть дебатов вокруг великой стратегии Китая развернулась вокруг двух вопросов. Во-первых, траектория роста возможностей и влияния Китая в мировой политике, а во-вторых, различные сценарии, которые могут возникнуть в ответ со стороны других государств, особенно США. Современная наука в оценках внешней политики Китая в основном разделена на два подхода: либо в целом пассивно-мирный, либо напористый и несколько агрессивный. Эти противоречивые точки зрения дают четкое представление о концептуальных рамках, окружающих внешнеполитическую стратегию Китая, в то же время объясняя, чего действительно хочет достичь Китай и как другие государства должны выработать свое восприятие в ответ [15, с. 177].

В соответствии с твердой приверженностью китайского официального дискурса о «сотрудничестве в области мирного развития», первый подход рассматривает генеральную стратегию Китая как мирную, прагматичную, ориентированную на развитие линию. Впечатляющие достижения в области развития, которые позволяют стать второй по величине экономикой в мире, заставляют Пекин брать на себя роль защитника глобализации, многосторонности и глобального роста в последующие десятилетия. Это всеобъемлющее видение охватывает не только самопровозглашенную роль в глобальной системе, но и восприятие другими этих достижений во всех областях [21, с. 150].

Таким образом, основа видения Си Цзиньпина, как и у его предшественников, состоит в том, чтобы убедить остальные государства в отсутствии угрозы их интересам. Экономический и военный потенциал Китая отныне не угрожает тому, что международные отношения должны строиться на основе взаимного уважения, принципе невмешательства во внутренние дела суверенных государств, обеспечения международного порядка, основанного на международном праве и нормах, взаимовыгодного сотрудничества без конфликтов или конфронтации [25].

В этих рамках политика многосторонней дипломатии достигала своих целей посредством более инклюзивных партнерских отношений, таких как инициатива «Пояс и путь» (BRI) или создание Азиатского банка инфраструктурных инвестиций (АБИИ) [8, с. 68]. Политико-экономические обстоятельства развития системы международной безопасности позволяют возлагать большие надежды на то, что Китай оставит позади любую ревизионистскую повестку дня, чтобы стать державой, интегрированной в международное сообщество. Основные изменения в общей стратегии с ее приоритетами, сосредоточенными на социальном процветании и экономическом развитии, начинаются с премьерства Дэн Сяопина. В отличие от грандиозных планов Мао, основанных на идеологических установках Культурной революции, политику Дэн Сяопина можно обозначить понятием «социализм с китайскими особенностями», а также обнаружить в политике реформ и открытости для первых шагов экономической интеграции с миром, в его осторожной позиции в сохранении сдержанности, обычно упоминаемой в изречении «скрывай свои возможности и выжидай» [16, с. 165].

Основные тезисы Си Цзиньпина о китайской дипломатии можно суммировать следующим образом.

Во-первых, Китай хочет, чтобы международные отношения имели «китайские особенности». По мнению Си Цзиньпина и других китайских комментаторов, это означает мир справедливости и равенства между государствами, без военных союзов или гегемона (доминирующей и властной державы), и в котором экономиче-

ское сотрудничество является взаимовыгодным. Это включает в себя замену традиционного западного мышления, которое оправдывает реальную политику, эксплуатацию великими державами и восприятие международных отношений как игры с нулевой суммой [12, с. 248].

Во-вторых, Китай должен играть большую руководящую роль (а Соединенные Штаты — меньшую) в международных делах, как для того, чтобы сделать международную систему более справедливой, так и для обеспечения учета предпочтений Китая. Наконец, и это связано с тем, что внешняя политика Китая должна защищать суверенитет, безопасность и интересы развития страны. Китай утверждает, что бросает вызов историческому образцу сильной страны, стремящейся доминировать в своем регионе или мире [17, с. 78].

Выступления Си Цзиньпина о дипломатии обозначают тезис о «взаимном невмешательстве во внутренние дела». Мысль Си Цзиньпина ясно дает понять, что безопасность режима, по крайней мере, так же важна, как и территориальная безопасность. Китай решительно выступает против любых слов и действий, направленных на раскол Китая, ослабление правящего статуса КПК или изменение его строя с учетом китайских особенностей [19, с. 167]. Главной целью которой является сохранение постоянного и неоспоримого правящего режима Китая.

С одной стороны, Си Цзиньпин подтверждает, что Китай будет бескомпромиссно настаивать на том, чтобы мир учитывал интересы суверенитета, безопасности и развития Китая. Китайское правительство склонно широко определять «безопасность» и что интересы развития, по-видимому, включают доступ Китая к важным ресурсам, таким как продовольствие, вода и энергия. Суверенитет, конечно, означает, что Китай добивается своего в территориальных спорах. С другой стороны, Си Цзиньпин считает, что Китай поддерживает справедливость, равенство и отказ от запугивания в международных отношениях [2].

Си Цзиньпин возглавляет многосторонние инициативы, способствующие свободной торговле и развитию связей в регионе, включая Региональное всеобъемлющее экономическое партнерство, инициативу «Один пояс и один путь» и Азиатский банк инфраструктурных инвестиций. Кроме того, Китай значительно увеличил свои прямые иностранные инвестиции во многие соседние страны и предлагает им значительные объемы финансирования по двусторонним каналам. В Юго-Восточной Азии это не только сейчас выливается в существенное влияние в приграничных странах (которые относительно малы и менее развиты, такие как Лаос и Камбоджа), но и с конца 2016 г. такое влияние распространилось на страны, традиционно близкие к США, такие как Филиппины, Малайзия и Таиланд, и даже совсем недавно Сингапур (который в конце июня достиг соглашения с Китаем об углублении их сотрудничества в рамках инициативы «Один пояс и один путь», наряду с уровнем экономической интеграции, как в рамках двустороннего соглашения о свободной торговле, так и в рамках Регионального всеобъемлющего экономического партнерства) [13].

Еще одним примером активной многосторонней дипломатии Китая является Совет Безопасности ООН. Среди пяти постоянных членов СБ ООН право вето Китая является самым низким, но эта ситуация, похоже, меняется. Первое вето Китая было наложено правительством РПЦ в 1965 г., и КНР дважды воспользовалась правом вето в 1972 г., дважды в 1990-х гг. (1997 и 1999), дважды в первом десятилетии XXI в. (2007 и 2008). Тем не менее это число увеличилось до шести раз (2011, 2012, 2012, 2014, 2016 и 2017) за последнее десятилетие — все по сирийскому вопросу. Это показывает, что Китай больше не колебался в применении своего права вето, указывая на то, что более уверенный в себе Китай более готов оказывать свое влияние в системе ООН [14].

Китай, с другой стороны, подчеркивает принципы равенства всех наций, ненападения и невмешательства во внутренние дела друг друга, которые закреплены

в Уставе ООН, не отказываясь при этом от ценностей, основанных на праве личности. Китай очень высоко отзывался о демократии, но с акцентом на демократизацию международных отношений, что означает, что международные дела должны решаться путем широких консультаций, а не решаться одной страной или несколькими, и каждая страна должна иметь право голоса в международных делах, независимо от ее размера, власти и богатства.

Выводы

Исходя из вышеизложенного, можно сделать вывод, что внешнеполитическая стратегия Си Цзиньпина направлена на комплексное усиление позиций Китая в мировом сообществе. Поддержание глобальной безопасности сочетается во внешнеполитической линии Китая с последовательным достижением национальных целей развития государства и обеспечением суверенитета и экономического процветания страны.

Литература

1. *Бирюков С. В.* Российский «Разворот к Азии» и перспективы многостороннего сотрудничества в азиатско-тихоокеанском регионе // *История и современное мировоззрение.* 2021. Т. 3. № 1. С. 47–53.
2. *Вонгтаван Н.* Си Цзиньпин: современные политические стратегии // *Теории и проблемы политических исследований.* 2019. Т. 8. № 5А. С. 173–180.
3. *Грачиков Е. Н.* Дипломатия КНР: контекст академического дискурса // *Мировая экономика и международные отношения.* 2021. Т. 65. № 3. С. 33–41.
4. *Ипин С.* Особенности многосторонней дипломатии Китая в рамках БРИКС // *Вопросы истории.* 2021. № 5–1. С. 77–87.
5. *Лузянин С. Г.* Китайско-американские отношения после Д. Трампа: оценки, подходы, перспективы // *США и Канада: экономика, политика, культура.* 2021. Т. 51. № 8. С. 75–80.
6. *Миланович Б.* Сможет ли Си Цзиньпин победить три укоренившихся современных неравенства? // *Мир перемен.* 2021. № 4. С. 138–141.
7. *Смирнов В. В.* Россия в экономическом контексте Китая, США, Германии и Индии // *Национальные интересы: приоритеты и безопасность.* 2022. Т. 18. № 1 (406). С. 150–176.
8. *Торшин М. П.* Особенности публичной дипломатии Китайской Народной Республики в контексте постафганских событий // *Дипломатическая служба.* 2022. № 1. С. 67–77.
9. *Тушков А. А., Федоренко У. В.* Периферийная дипломатия Китая как драйвер концепции «Сообщества единой судьбы человечества» // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 3 (67). С. 819–825.
10. *Упир И. Р.* Особенности политического лидерства в Китае: первая часть серии книг «Си Цзиньпин о государственном управлении» // *Вопросы элитологии.* 2020. Т. 1. № 3. С. 167–172.
11. *Хотулев А. С.* Цифровая дипломатия США, России и Китая в глобальном измерении // *Информационные войны.* 2021. № 2 (58). С. 6–12.
12. *Юй Х.* Мягкая сила в политике КНР в азиатско-тихоокеанском регионе // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 5 (69). С. 1506–1511.
13. *Яньбинь У.* Развитие и особенности военной дипломатии КНР после реформы и открытости // *Вопросы политологии.* 2021. Т. 11. № 1 (65). С. 247–252.
14. *Alicia C.* Transforming Mongolia-Russia-China relations: The Dushanbe trilateral summit // *The Asia-Pacific Journal.* 2014. № 12 (45). С. 1–8.
15. *Courmont B.* Promoting Multilateralism or Searching for a New Hegemony: A Chinese Vision of Multipolarity // *Pacific Focus.* 2012. № 27–2. С. 184–204.
16. *Foot R.* China's Rise and US Hegemony: Renegotiating Hegemonic Order in East Asia? // *International Politics.* 2020. № 57. С. 150–165.
17. *Goh E.* Contesting Hegemonic Order: China in East Asia // *Security Studies.* 2019. № 28. С. 614–644.
18. *Jinping X.* Let the Torch of Multilateralism Light Up Humanity's Way Forward // *World Economic Forum.* Davos, January 25, 2021.

19. *Kastner S.* China and Global Governance: Opportunistic Multilateralism // *Global Policy*. 2020. № 11–1. С. 164–169.
20. *Kohli H.* Looking at China's Belt and Road Initiative from the Central Asian Perspective // *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2018. № 9 (1–3). С. 3–11.
21. *Liang W.* New Ideas of the Reform in the View of Globalization: Shanghai Pilot Free Trade Zone and one Belt and one Road // *open Journal of Social Sciences*. 2015. № 2–3 (12). С. 149–155.
22. *Loke B.* The United States, China, and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia // *International Studies Review*. 2021. № 4. С. 36–39.
23. *Qingqing C.* US Turning G7 Into Anti-China, Anti-Russia Chorus 'Wishful Thinking' // *Global Times*. № 2. June 6. 2021. С. 61–69.
24. *Weitz R.* Averting a New Great Game in Central Asia // *The Washington Quarterly*. 2006. № 29:3. С. 155–167.
25. 中国共产党第十七届中央委员会第六次全体会议公报. 中央政府门户网站 来源: 新华社 // 中华人民共和国国务院公报 (2011年第28号).
26. 习近平主席在博鳌亚洲论坛2015年年会上的主旨演讲(全文) // 中华人民共和国国务院公报 (2015年第15号).

Об авторе:

Лю Хаовэнь, аспирант кафедры «Высшая школа международных отношений» Гуманитарного института Санкт-Петербургского политехнического университета Петра Великого (Санкт-Петербург, Российская Федерация); a635657978@gmail.com

References

1. Biryukov S.V. Russian "Pivot to Asia" and prospects for multilateral cooperation in the Asia-Pacific region // *History and modern outlook [Istoriya i sovremennoe mirovozzrenie]*. 2021. Vol. 3. N 1. P. 47–53 (in Rus).
2. Wongtavan N. Xi Jinping: modern political strategies // *Theories and problems of political research [Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy]*. 2019. Vol. 8. N 5A. P. 173–180 (in Rus).
3. Grachikov E. N. Diplomacy of the PRC: the context of academic discourse // *World Economy and International Relations [Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya]*. 2021. Vol. 65. N 3. P. 33–41 (in Rus).
4. Yiping S. Features of China's multilateral diplomacy within the framework of BRICS // *Questions of history [Voprosy istorii]*. 2021. N 5–1. P. 77–87 (in Rus).
5. Luzyanin S. G. Sino-American relations after D. Trump: assessments, approaches, prospects // *USA and Canada: economics, politics, culture [SShA i Kanada: ekonomika, politika, kul'tura]*. 2021. Vol. 51. N 8. P. 75–80 (in Rus).
6. Milanovich B. Will Xi Jinping be able to overcome the three entrenched modern inequalities? // *World of change [Mir peremen]*. 2021. N 4. P. 138–141 (in Rus).
7. Smirnov V.V. Russia in the economic context of China, USA, Germany and India // *National interests: priorities and security [Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost']*. 2022. Vol. 18. N 1 (406). P. 150–176 (in Rus).
8. Torshin MP Features of public diplomacy of the People's Republic of China in the context of post-Afghan events // *Diplomatic Service [Diplomaticheskaya sluzhba]*. 2022. N 1. P. 67–77 (in Rus).
9. Tushkov A.A., Fedorenko U.V. China's Peripheral Diplomacy as a Driver for the Concept of "Community with a Common Destiny of Mankind" // *Issues of Political Science [Voprosy politologii]*. 2021. Vol. 11. N 3 (67). P. 819–825 (in Rus).
10. Upir I. R. Features of political leadership in China: the first part of the series of books "Xi Jinping on public administration" // *Issues of elitology [Voprosy elitologii]*. 2020. Vol. 1. N 3. P. 167–172 (in Rus).
11. Khotulev A. S. Digital diplomacy of the USA, Russia and China in the global dimension // *Information wars [Informatsionnye voyny]*. 2021. N 2 (58). P. 6–12 (in Rus).
12. Yu H. Soft power in China's policy in the Asia-Pacific region // *Issues of Political Science [Voprosy politologii]*. 2021. Vol. 11. N 5 (69). P. 1506–1511 (in Rus).
13. Yanbin W. Development and features of military diplomacy of the PRC after the reform and openness // *Issues of Political Science [Voprosy politologii]*. 2021. Vol. 11. N 1 (65). P. 247–252 (in Rus).

14. Alicia C. Transforming Mongolia-Russia-China relations: The Dushanbe trilateral summit // *The Asia-Pacific Journal*. 2014. N 12 (45). P. 1–8.
15. Courmont B. Promoting Multilateralism or Searching for a New Hegemony: A Chinese Vision of Multipolarity // *Pacific Focus*. 2012. N 27–2. P. 184–204.
16. Foot R. China's Rise and US Hegemony: Renegotiating Hegemonic Order in East Asia? // *International Politics*. 2020. N 57. P. 150–165.
17. Goh E. Contesting Hegemonic Order: China in East Asia // *Security Studies*. 2019. N 28. P. 614–644.
18. Jinping X. Let the Torch of Multilateralism Light Up Humanity's Way Forward // *World Economic Forum*. Davos, January 25, 2021.
19. Kastner S. China and Global Governance: Opportunistic Multilateralism // *Global Policy*. 2020. N 11–1. P. 164–169.
20. Kohli H. Looking at China's Belt and Road Initiative from the Central Asian Perspective // *Global Journal of Emerging Market Economies*. 2018. N 9 (1–3). P. 3–11.
21. Liang W. New Ideas of the Reform in the View of Globalization: Shanghai Pilot Free Trade Zone and one Belt and one Road // *open Journal of Social Sciences*. 2015. N 2–3 (12). P. 149–155.
22. Loke B. The United States, China, and the Politics of Hegemonic Ordering in East Asia // *International Studies Review*. 2021. N 4. P. 36–39.
23. Qingqing C. US Turning G7 Into Anti-China, Anti-Russia Chorus 'Wishful Thinking' // *Global Times*. N 2. June 6, 2021. P. 61–69.
24. Weitz R. Averting a New Great Game in Central Asia // *The Washington Quarterly*. 2006. N 29:3. P. 155–167.
25. Communiqué of the 6th Plenary Session of the 17th Central Committee of the Communist Party of China. Central Government Portal Source: Xinhua News Agency // *Bulletin of the State Council of the People's Republic of China* (2011 N 28) (in Chinese).
26. President Xi Jinping's keynote speech at the Boao Forum for Asia Annual Conference 2015 (full text) // *Communiqué of the State Council of the People's Republic of China* (2015 N 15) (in Chinese).

About the author:

Liu Haowen, Postgraduate Student of the Higher School of International Relations of Humanitarian Institute of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University (St. Petersburg, Russian Federation); a635657978@gmail.com

Согласование стратегических ориентиров цифровой экономики Китая и России

Се Куньчао

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва, Российская Федерация; 1253379990@qq.com

РЕФЕРАТ

Курс последних лет на эффективное развитие цифровых технологий, который был определен правительствами как России, так и Китая, предполагает поиск основных ориентиров дальнейшего сотрудничества между странами в указанной области. Длительное взаимовыгодное двустороннее взаимодействие государств в иных сферах способно иметь логическое продолжение в рамках развития цифровых технологий, о чем свидетельствуют результаты диалога государств на высшем уровне. В настоящей статье автор анализирует состояние двусторонних отношений между Китаем и Российской Федерацией в экономической сфере, определяет потенциал развития цифровых технологий в странах на основании концепции стратегирования В.Л. Квинта, выявляет «проблемные зоны» цифрового сотрудничества, а также обозначает стратегические ориентиры дальнейшего взаимодействия между государствами в указанной области.

Ключевые слова: цифровая экономика, Россия, Китай, стратегические ориентиры, двустороннее сотрудничество, теория стратегирования В.Л. Квинта

Для цитирования: Се Куньчао. Согласование стратегических ориентиров цифровой экономики Китая и России // Управленческое консультирование. 2022. № 10. С. 191–199.

Coordination of the Strategic Guidelines of the Digital Economy of China and Russia

Kunchao Xie

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russian Federation; 1253379990@qq.com

ABSTRACT

The course of recent years towards the effective development of digital technologies, which was determined by the governments of both Russia and China, involves the search for the main guidelines for further cooperation between countries in this area. Long-term mutually beneficial bilateral interaction of states in other areas can have a logical continuation in the development of digital technologies, as evidenced by the results of the dialogue of states at the highest level. In this article, the author analyzes the state of bilateral relations between China and the Russian Federation in the economic sphere, and determines the potential for the development of digital technologies in countries based on the concept of strategizing by V.L. Kvint, identifies the “problem areas” of digital cooperation, and also indicates the strategic guidelines for further interaction between states in this area.

Keywords: digital economy, Russia, China, strategic guidelines, bilateral cooperation, V. L. Kvint strategizing concept

For citing: Kunchao Xie. Coordination of the Strategic Guidelines of the Digital Economy of China and Russia // Administrative consulting. 2022. No. 10. P. 191–199.

Введение

Разработка национальных цифровых стратегий стала критически важной для всех стран, особенно для развивающихся и стран с переходной экономикой. Данный процесс требует нового типа национального и международного стратегического документа [2; 21, с. 2]. В научном дискурсе недостаточно внимания уделено про-

цессам народнохозяйственного стратегирования в странах с рыночной и частично рыночной экономикой с большой степенью огосударствления, в т. ч. в Китае и России. Как отмечается в исследовании С. А. Петренко, П. В. Четырбока и др., актуальность формирования национальной цифровой экономики подтверждается наличием глобальных тенденций цифровизации международного сообщества и необходимостью сохранения цифрового суверенитета России [24, с. 98]. В дополнении к этому исследовательский интерес к стратегиям цифровизации значительно повысился в период пандемии COVID-19. В частности, в исследовании Ли Тяньюи и Ван Сяоцзюань конструируется план применения стратегии «двойного цикла» к китайской экономике в постэпидемическую эпоху [22]. В работе Сяньжун Юй подчеркивается, что несмотря на высокую степень взаимодействия Китая с партнерами по БРИКС, в цифровизации Китай достаточно автономен и действует как новатор, в то время как другие государства значительно отстают в развитии и адаптации информационных стратегий [25]. Л. В. Томайчук считает, что элементы цифровой экономики все более присутствуют в повседневной жизни граждан [14, с. 31]. Хайлин Юй отмечает, что сотрудничество в области цифровых технологий — основное направление современных китайско-российских отношений [15, с. 1239]. Развивая внешнеторговые отношения, Россия и Китай стремятся учитывать экономические интересы друг друга и способствуют взаимному процветанию [5].

Теоретические основы

По данным ЮНКТАД, наблюдается значительный рост пропускной способности информационной инфраструктуры между различными регионами мира, в т. ч. между Европой и Азией, где цифровизация является драйвером экономического развития¹. В частности, экономический рост современного Китая тесно связан с развитием цифровой экономики, без которой могут замедлиться темпы индустриализации страны, она окажется неспособной сохранить конкурентоспособность на международных рынках. Как мы знаем по опыту Китая, электронная коммерция является двигателем благосостояния и вовлечения в сотрудничество широких деловых масс [19].

Наряду с Китаем, Российская Федерация является государством, экономика которого занимает ведущее место среди других стран мирового сообщества. Вместе с китайскими партнерами Россия имеет все шансы для того, чтобы занять лидирующие позиции в области развития цифровой экономики [18, с. 37]. Как следствие — расширение и усовершенствование последней является одним из наиболее актуальных направлений в рамках дальнейшего развития двусторонних отношений между странами. Кроме того, цифровизация экономик может внести вклад в изменение ситуации в области народного хозяйства на глобальном уровне [23].

Необходимость и значимость согласования стратегических ориентиров дальнейшего развития в сфере цифровой экономики двух государств определяются сравнительно длительным периодом формирования двусторонних отношений, а также эффективностью наращивания сотрудничества между странами. Так, 2019 г. был юбилейным с точки зрения двустороннего взаимодействия между Россией и Китаем — с момента установления их дипломатических отношений прошло ровно 70 лет². Необходимо сказать, что прежде чем отметить эту юби-

¹ Digital Economy Report 2021. Cross-border data flows and development: For whom the data flow [Электронный ресурс]. UNCTAD. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/der2021_en.pdf (дата обращения: 31.05.2022).

² Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о развитии отношений всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия, вступающих в новую эпоху. 5 июня 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/supplement/5413> (дата обращения: 18.10.2021).

лейную дату, странам пришлось пройти достаточно длинный путь выстраивания двустороннего сотрудничества. Благодаря продуманной политике руководства как китайской, так и российской сторон, за прошедший период они продемонстрировали стремление к мирному взаимовыгодному сотрудничеству, а также разрешению противоречий посредством компромиссов. Во многом установление прочных отношений между странами на современном этапе, достижение высокого уровня доверия в рамках двустороннего сотрудничества явились результатом регулярных встреч их лидеров — В.В. Путина и Си Цзиньпина [8, с. 665]. Они составили основу для развития прочных отношений между государствами, углубления взаимодействия не только в области цифровых технологий, но и в иных сферах деятельности [16, с. 140–141].

Умение договориться относительно перспектив стратегического развития явилось результатом добрососедского сосуществования стран, большого внутреннего потенциала каждой из них с точки зрения развития цифровых технологий, а также отсутствия влияния других государств на развитие двусторонних отношений.

В XXI столетии китайско-российское экономическое партнерство переживает новый этап развития, в рамках которого стороны высказываются за дальнейшее стратегическое взаимодействие. Согласно заявлениям стран, сделанным на высшем уровне, всеобъемлющее партнерство между ними предполагает глубокую интеграцию и тесную координацию по проблеме определения национальных стратегий развития. Совместные усилия государств в области развития цифровых технологий также были запланированы в рамках вступления стран в новую эпоху. Указанные технологии не назывались напрямую, однако сотрудничество между странами в данной области подразумевалось, так как двусторонние отношения в перспективе должны были развиваться с опорой на инновационный подход, тесное сотрудничество в новых областях, а также по проектам с применением новых технологий, что представлялось лидерам государств необходимым для полного раскрытия потенциала отношений между странами¹.

Однако принимая во внимание положительную динамику взаимодействия между государствами, исходя из заявлений на высшем уровне, перспективы стратегического сотрудничества в области цифровой экономики Китая и России представляется возможным оценить также с точки зрения известных экономических теорий. В частности, развитие двусторонних отношений может быть исследовано через концепцию стратегирования В. Л. Квинта — выдающегося работника высшей школы Российской Федерации, доктора экономических наук, профессора, иностранного члена Российской академии наук, заведующего кафедрой финансовой стратегии Московской школы экономики МГУ им. М.В. Ломоносова [20, с. 104]. По сути, делом всей жизни известного экономиста была разработка теории нового регионального экономического развития, теории формирующихся (возникающих) рынков, а также теории и методологии стратегии. Ученый признан не только российским, но и мировым научным сообществом заслуженным специалистом в сфере экономической стратегии. Согласно его теории, стратегия в области развития бизнеса, а также государственных программ во многом пересекается со стратегиями, применяемыми в военном деле. В данном случае существенную роль играет только разница, которая существует между тактикой и стратегией.

В соответствии с данной теорией, стратегия предполагает формирование программы, в которой обозначены ценности субъектов стратегирования и сконцентрированы задачи, реализующие цель. В свою очередь, под тактикой необходимо понимать уже конкретную схему действий. В этой связи, понятие стратегии предполагает достижение целей в долгосрочной перспективе, в то время как тактика

¹ Там же.

позволяет разбить стратегическую задачу на ряд этапов, преодоление которых, в конечном счете, и приведет к достижению цели. Таким образом, в рамках развития двусторонних отношений между странами именно стратегические решения обладают большей важностью с точки зрения продолжительности их действия, опоры на ресурсы, а также невозможности отмены [3, с. 29].

При правильной разработке стратегии ее необходимо начинать с определения тех ценностей, которые являются значимыми для субъектов, вовлеченных в процесс ее реализации. В свою очередь, ценности данных субъектов находят выражение в определенных интересах, которые получают конкретную реализацию на практике. При этом в случае, когда преимущества не сформированы самим субъектом, а навязаны ему, они не смогут быть успешно реализованы [7, с. 902].

Результатом, в соответствии с данной теорией, выступает формализованная стратегия, в которой прописана последовательность, позволяющая поэтапно воплотить стратегию в жизнь, а также стратегический мониторинг особенностей реализации стратегии и законодательной базы, на базе которой она будет воплощаться. В этой связи тот лидер (по В. Л. Квинту), который наделен стратегическим мышлением, имеет богатый опыт и интуитивное чутье, понимает значимость применения, в первую очередь, стратегических идей, обладающих явным преимуществом перед оружием, людскими ресурсами, капиталом и проч. [6, с. 12].

В дополнение к этому необходимо отметить разработку и реализацию организационных механизмов цифровизации экономических процессов в Китае и России, свидетельством чему выступают адаптивные национальные стратегии и иные рамочные документы, принятые на двустороннем уровне в целях содействия цифровому развитию.

В первую очередь, внутри самой КНР были приняты стратегические программы, создающие почву для активной цифровизации населения страны и все большего охвата ее инновационными технологиями. К числу таких программ следует отнести дорожную карту «Интернет+» и инструктивные указания Государственного совета КНР по активному продвижению цифровизации всех сфер социально-экономической жизни¹, а также стратегию «Сделано в Китае — 2025», принятую в 2015 г.², и некоторые иные документы.

Активно сотрудничая с Китаем, российская сторона в лице В. В. Путина также формировала институциональную и финансовую базу для дальнейшего развития цифровых технологий (см. таблицу).

Как видно из таблицы, Российское государство с 2010 по 2018 г. активно наращивало государственные инвестиции в цифровизацию экономики, что сопровождалось разработкой ряда дорожных карт, национальных стратегий и международных соглашений.

Инструменты государственной поддержки развития информационных технологий, действовавшие до 2018 г., можно разделить на две группы. К первой относятся меры поддержки, обеспечивающие доступ к цифровым технологиям: закупка готовых информационных технологий (электронное правительство, госуслуги, образовательные платформы и т. д.), развитие информационной инфраструктуры и предоставление широкополосного доступа в интернет. Ко второй — меры прямой финансовой поддержки развития и внедрения информационных технологий в рамках

¹ Guiding Opinions of the State Council on Actively Promoting the “Internet Plus” Action Guo Fa [2015] No. 40 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-07/04/content_10002.htm (дата обращения: 18.10.2021). (In Chin).

² Circular of the State Council on Printing and Distributing “Made in China 2025” Guo Fa [2015] No. 28 [Электронный ресурс]. URL: http://www.gov.cn/zhengce/content/2015-05/19/content_9784.htm (дата обращения: 18.10.2021). (In Chin).

Мониторинг развития информационного общества в Российской Федерации
Table. Monitoring the development of the information society in the Russian Federation

Показатель	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Доля ИКТ в ВВП, %	–	2,2	2,3	2,3	2,2	2,3	2,3	2,3	2,2
Доля занятости в ИКТ на национальном рынке труда, %	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,7	1,6
Расходы на ИКТ, млрд руб.	515,6	603,0	842,7	1245,7	1174,9	1153,1	1249,2	1487,6	1676,2
Экспорт товаров и услуг ИКТ, млн долл. США	3658	4570	5134	6360	8458	6739	5494	6859	7366
Объем импорта товаров и услуг ИКТ, млн долл. США	23 475	26 781	28 639	27 444	29 241	22 003	21 401	26 159	29 087

Источник: Федеральная служба государственной статистики (Росстат). URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/business/it/monitor_rf.xls (дата обращения: 31.05.2022).

научно-технической и инновационной политики государства. Россия и Китай должны в полном объеме использовать потенциальные перспективы цифровизации экономики. Исследования должны рассматривать такие области, как мобильные сети 5G, «Большие данные» (Big Data), искусственный интеллект [4, с. 206].

К числу значимых шагов относится подписание Президентом России Указа «О стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы»¹, а также запуск плана и программы цифровой экономики Российской Федерации [10].

Практика развития инновационной сферы, в особенности сферы информационно-коммуникационных технологий, свидетельствует о специфичности, которая проявляется в странах по-разному в силу типа и качества экономического развития [11, с. 213]. Необходимо принимать во внимание более низкий общий уровень «цифрового развития» Российской Федерации по сравнению с китайской стороной. В этой связи целесообразными являются тактические шаги, предпринимаемые Россией в целях достижения единства в области дальнейшего развития цифровых технологий совместно с Китаем. К их числу относятся создание условий для формирования информационного общества, повышение доступности и качества государственных услуг, которые предоставляются населению на основании использования цифровых технологий, общее повышение благосостояния населения, а также его информаци-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 09.05.2017 г. № 203 «О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы» [Электронный ресурс]. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41919> (дата обращения: 18.10.2021).

онной грамотности, что позволит беспрепятственно использовать цифровые технологии в повседневной жизни.

Благодаря устойчивому росту национальной экономики Китая и накопленному научному опыту России возможно построение перспективной инновационной цифровой экосистемы, которая позволит сформировать собственную парадигму поведения в цифровой экономике [17, с. 24]. В рамках согласования стратегических ориентиров Китая и России в области развития цифровых технологий имеет место также стратегический мониторинг, направленный на выявление рисков, проблем и вызовов. Последние, в свою очередь, стоят перед экономиками как России, так и Китая. Для российской цифровой экономики, несмотря на значительные шаги, предпринятые в области ее развития, темпы роста длительное время оставались невысокими, равно как и процент специалистов, задействованных в работе с цифровыми технологиями. Недостаточной была и подготовленность предприятий к развитию данной сферы. Существенный прорыв в использовании цифровых технологий в РФ был отмечен в период с 2019 по 2020 г., когда, по подсчетам Аналитического центра при Правительстве Российской Федерации, примерно 85% крупнейших отечественных компаний использовали решения с искусственным интеллектом¹.

В отношении развития цифровой экономики Китая также следует отметить ряд проблемных моментов, которые необходимо принимать во внимание странам при выработке совместных стратегических ориентиров. В первую очередь, стоит отметить неравномерность охвата цифровыми технологиями отдельных регионов Китая, например, между восточными, центральными и западными территориями существует диспропорция, исследуемые технологии проникают туда неравномерно. Цифровой разрыв должен быть ликвидирован в рамках общей стратегии китайского руководства по превращению страны к середине XXI в. в процветающее инновационное общество [1].

Китай также сталкивается с рядом проблем, характерных для многих стран и многонациональных объединений. Например, одной из задач создания единого цифрового рынка ЕС является повышение доверия и безопасности в процессе оказания цифровых услуг и работы с персональными данными [12, с. 11].

Помимо этого, для координации усилий между странами в области развития цифровой экономики китайской стороне необходимо разработать отдельный закон, регламентирующий права и обязанности граждан в области защиты информации. На момент проведения данного исследования (май 2022 г.) в стране действуют лишь отдельные статьи, посвященные данной теме [8, с. 39–40].

Наконец, как России, так и Китаю необходимо разрабатывать специальные программы, позволяющие повышать сетевую безопасность, что также простимулирует развитие цифровых технологий.

Результаты

Согласование стратегических ориентиров в области развития цифровых технологий Китая и России следует признать перспективным и возможным в случае активной работы государства по устранению вышеуказанных проблем. Не последнюю роль в поиске путей дальнейшего развития цифровых технологий играет настрой стран на сотрудничество в этой области. Российская сторона неоднократно демонстрировала стремление к взаимодействию с Китаем и достижению высоких темпов

¹ Цифровая трансформация в России: итоги 2020 года и перспективы развития // Аналитический центр при Правительстве Российской Федерации. 16.12.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://ac.gov.ru/news/page/cifrova-a-transformacia-v-rossii-itogi-2020-goda-i-perspektivy-razviti-a-26801> (дата обращения: 18.10.2021).

развития цифровой экономики. В декабре 2020 г. В.В. Путин, заявляя о планах российской стороны в области цифровой трансформации, отмечал, что она должна быть завершена в течение 10 лет. При этом на завершающем этапе в стране не только должен быть широко внедрен искусственный интеллект, но и трансформирована законодательная база¹.

Обсуждение

Принимая во внимание современное состояние и перспективы развития цифровой экономики в Китае, необходимо отметить, что поиск совместных стратегических ориентиров КНР и РФ в данной сфере должен осуществляться, в первую очередь, в области формирования цифровой инфраструктуры, разработки совместных проектов, позволяющих углублять взаимодействие в цифровой сфере, а также создания на базе сети Интернет образовательных площадок для того, чтобы охватить как можно большее количество граждан информацией об использовании цифровых технологий. Взаимодействие в рамках указанных ориентиров создаст необходимые условия для дальнейшего успешного двустороннего сотрудничества государств в сфере цифровой экономики [13]. Всестороннее сотрудничество между этими странами предполагает глубокую интеграцию и тесную координацию в определении национальных стратегий развития. Но также можно говорить о геополитических рисках, волатильности мировых финансовых и товарных рынков, колебаниях курсов национальных валют, санкционной политике, проводимой в отношении РФ, и о других факторах, замедляющих экономический рост Китая и России [9].

Заключение

Российско-китайские отношения должны развиваться в долгосрочной перспективе на основе инновационного подхода и адаптивного стратегического управления, тесного сотрудничества в новых областях, а также в проектах с применением новых технологий, что необходимо для раскрытия всего потенциала отношений между странами.

Литература

1. Авдокушин Е. Ф., Ван Жуй. Цифровизация села в Китае // Мир новой экономики. 2021. № 15(4). С. 6–15.
2. Ведута Е. Н., Джакубова Т. Н. Стратегии цифровой экономики // Государственное управление. Электронный вестник. 2017. № 63. С. 43–66.
3. Грант Р. М. Современный стратегический анализ. 5-е изд. / Пер. с англ. под ред. В.Н. Фунтова. СПб. : Питер, 2008. 560 с.
4. Дорожкина Т. В., Левина Е. А., Иванов А. А., Татарченко К. Р. Сотрудничество России и Китая в условиях кардинальной смены модели мировой экономики: унилатерализм и антиглобализм // Modern Economy Success. 2022. № 3. С. 202–207.
5. Исмаилова А. Р., Эсетова А. М. Современная модель торгового сотрудничества России и Китая // Евразийский союз ученых. 2016. № 30-4. С. 89–91.
6. Квинт В. Л. К истокам теории стратегии. 200-летие теоретической работы генерала Жомини / В. Л. Квинт (предисловие, комментарии). СПб. : ИПЦ СЗИУ — филиала РАНХиГС, 2017. 52 с.
7. Квинт В. Л., Новикова И. В., Алимуратов М. К. Согласованность глобальных и национальных интересов с региональными стратегическими приоритетами // Экономика и управление. 2021. Т. 27. № 11. С. 900–909.

¹ Путин распорядился в кратчайшие сроки провести цифровую трансформацию всей России [Электронный ресурс] // CNEWS. 04.12.2020. URL: https://www.cnews.ru/news/top/2020-12-04_putin_rasporiyadilsya_v_kratchajshie (дата обращения: 19.10.2021).

8. *Кольцов М. П., Мургаев С. М., Умгаев С. А.* Российско-китайское сотрудничество: экономические, институциональные, инвестиционные и торговые аспекты // *Via in tempore. История. Политология.* 2019. Т. 46. № 4. С. 664–672.
9. *Коржубаев А. Г.* Сотрудничество России и Китая: практика, перспективы, риски // *Макрорегион Сибирь: проблемы и перспективы развития*, 2020. С. 11–12.
10. *Панкратова А. Е.* Китайский фактор в Юго-Восточной Азии: влияние на международные экономические отношения в начале XXI века // *Экономические отношения.* 2018. № 2. С. 207–216.
11. *Рассказов Е. А., Медведева М. Ю., Мога И. С.* Перспективы инновационного сотрудничества России и Китая в цифровой экономике // *Шаг в будущее: искусственный интеллект и цифровая экономика : мат-лы 1-й Международной научно-практической конференции.* Вып. 1. М., 2017. С. 213–215.
12. *Ревенко Н. С.* Европейский союз на пути к единому цифровому рынку // *Мир новой экономики.* 2016. № 2. С. 6–15.
13. *Се Куньчао.* Стратегический анализ развития цифровой экономики в Китае и России // *Управленческое консультирование.* 2022. № 1. С. 157–164.
14. *Томайчук Л. В.* Цифровизация экономики Китая: риски и возможности для общества // *Евразийская интеграция: экономика, право, политика.* 2019. № 3. С. 31–36.
15. *Хайлин Юй.* Исследование инновационного сотрудничества цифровой экономики Китая и России // *Креативная экономика.* 2020. Т. 10. № 7. С. 1239–1256.
16. *Цвык Г. И.* Культурная дипломатия в современных международных отношениях (на примере России и Китая) // *Вестник РУДН.* 2018. Т. 10. № 2. С. 135–144.
17. *Черных Е. О.* Особенности и перспективы научно-технического сотрудничества России и Китая в цифровой экономике // *Вестник МИРБИС.* 2021. № 4 (28). С. 24–37.
18. *Чжан Дуньян.* Современное состояние цифровой экономики в Китае и перспективы сотрудничества между Китаем и Россией в области цифровой экономики // *Власть.* 2017. № 9. С. 37–43.
19. *Шаурина О. С., Лесина Т. В., Мигел А. А.* Информационные таможенные технологии в условиях цифровой трансформации // *Modern Economy Success.* 2021. № 4. С. 50–55.
20. *Юзбеков Э. К., Амиров Р. А.* КВИНТэссенция стратегии. К юбилею академика В. Л. Квинта // *Управленческое консультирование.* 2019. № 2. С. 104–109.
21. *Korovkin V.* National digital economy strategies: A survey of Africa // *ORF Issue Brief.* 2019. N 303. P. 12.
22. *Li Tianyu, Wang Xiaojuan.* Digital Economy Empowers China's "Dual Cycle" Strategy: Internal Logic and Realization Path // *The Economist.* 2021. Vol. 5. N 5. P. 102–109 (In Chin.)
23. *Lowry A. et al.* Russia's Digital Economy Program: An Effective Strategy for Digital Transformation? // *The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies.* 2020.
24. *Petrenko S. A. et al.* About readiness for digital economy // 2017 IEEE II International Conference on Control in Technical Systems (CTS). IEEE, 2017. P. 96–99.
25. *Yu Xianrong.* Discussion on the Development of China's Digital Economy and Countermeasures / Suggestions // *Yangtze River Technology and Economy.* 2021 (In Chin.).

Об авторе:

Се Куньчао, аспирант Высшей школы государственного администрирования МГУ им. М. В. Ломоносова (Москва, Российская Федерация); 1253379990@qq.com

References

1. Avdokushin E. F., Wang Rui. Digitization of rural areas in China // *World of New Economics [Mir novoj ekonomiki]*. 2021. N 15 (4). P. 6–15 (In Rus).
2. Veduta E. N., Dzhakubova T. N. Digital economy strategies // *Public administration. Electronic Bulletin.* [Gosudarstvennoe upravlenie. Elektronnyj vestnik.] 2017. N 63. P. 43–66 (In Rus).
3. Grant R. M. Modern strategic analysis. 5th ed. / Per. from English. ed. V. N. Funtov. St. Petersburg: Piter, 2008. 560 p. (In Rus).
4. Dorozhkina T. V., Levina E. A., Ivanov A. A., Tatarchenko K. R. Cooperation between Russia and China in the context of a fundamental change in the model of the world economy: unilateralism and anti-globalism // *Modern Economy Success.* 2022. N 3. P. 202–207 (In Rus).
5. Ismailova A. R., Esetova A. M. Modern model of trade cooperation between Russia and China // *Eurasian Union of Scientists [Evrazijskij soyuz uchenyh]*. 2016. N 30-4. P. 89–91 (In Rus).

6. Kvint V.L. To the origins of the theory of strategy. 200th anniversary of the theoretical work of General Jomini / V. L. Kvint (preface, comments). St. Petersburg: NWIM of RANEPa, 2017. 52 p. (In Rus).
7. Kvint V.L., Novikova I.V., Alimuradov M.K. Consistency of global and national interests with regional strategic priorities // Economics and Management. [Ekonomika i upravlenie] 2021. T. 27. N 11. P. 900–909 (In Rus).
8. Koltsov M.P., Murgaev S.M., Umgaev S.A. Russian-Chinese cooperation: economic, institutional, investment and trade aspects // Via in tempore. Story. Political science. [Via in tempore. Istoriya. Politologiya] 2019. Vol. 46. N 4. P. 664–672 (In Rus).
9. Korzhubaev A.G. Cooperation between Russia and China: practice, prospects, risks // Macroregion Siberia: problems and prospects for development [Makroregion Sibir': problemy i perspektivy razvitiya]. 2020. P. 11–12 (In Rus).
10. Pankratova A.E. The Chinese Factor in Southeast Asia: Influence on International Economic Relations at the Beginning of the 21st Century // Economic Relations [Ekonomicheskie otnosheniya] 2018. N 2. P. 207–216 (In Rus).
11. Rasskazov E.A., Medvedeva M.Yu., Moga I.S. Prospects for innovative cooperation between Russia and China in the digital economy // Step into the future: artificial intelligence and digital economy: materials of the 1st International Scientific and Practical Conference. Iss. 1. Moscow, 2017. P. 213–215 (In Rus).
12. Revenko N.S. The European Union on the way to a single digital market // World of New Economics [Mir novej ekonomiki]. 2016. N 2. P. 6–15 (In Rus).
13. Xie K. Strategic Analysis of China and Russia Digital Economy Development // Administrative Consulting. 2022. N 1. P. 157–164 (In Rus).
14. Tomaychuk L.V. Digitalization of the Chinese Economy: Risks and Opportunities for Society // Eurasian Integration: Economics, Law, Politics [Evrazijskaya integraciya: ekonomika, pravo, politika]. 2019. N 3. P. 31–36 (In Rus).
15. Khaylin Yuy. Research on innovative cooperation between the digital economy of China and Russia // // Creative economy [Kreativnaya ekonomika]. 2020. Vol. 10. N 7. P. 1239–1256 (In Rus).
16. Tsvyk G.I. Cultural diplomacy in modern international relations (on the example of Russia and China) // Bulletin of RUDN University [Vestnik RUDN.] 2018. Vol. 10. N 2. P. 135–144 (In Rus).
17. Chernykh E.O. Features and prospects of scientific and technical cooperation between Russia and China in the digital economy // Bulletin of MIRBIS [Vestnik MIRBIS]. 2021. N 4 (28). P. 24–37 (In Rus).
18. Zhang Dongyang. The current state of the digital economy in China and the prospects for cooperation between China and Russia in the field of digital economy // Power [Vlast'] 2017. N 9. P. 37–43 (In Rus).
19. Shaurina O.S., Lesina T.V., Migel A.A. Information customs technologies in the conditions of digital transformation // Modern Economy Success. 2021. N 4. P. 50–55 (In Rus).
20. Yuzbekov Z.K., Amirov R.A. The quintessence of strategy. To the anniversary of academician V.L. Kvint // Administrative consulting [Upravlencheskoe konsultirovanie]. 2019. N 2. P. 104–109 (In Rus).
21. Korovkin V. National digital economy strategies: A survey of Africa // ORF Issue Brief. 2019. N 303. P. 12.
22. Li Tianyu, Wang Xiaojuan. Digital Economy Empowers China's "Dual Cycle" Strategy: Internal Logic and Realization Path // The Economist. 2021. Vol. 5. N 5. P. 102–109 (In Chin.)
23. Lowry A. et al. Russia's Digital Economy Program: An Effective Strategy for Digital Transformation? // The Palgrave Handbook of Digital Russia Studies. 2020.
24. Petrenko S.A. et al. About readiness for digital economy // 2017 IEEE II International Conference on Control in Technical Systems (CTS). IEEE, 2017. P. 96–99.
25. Yu Xianrong. Discussion on the Development of China's Digital Economy and Countermeasures / Suggestions // Yangtze River Technology and Economy. 2021 (In Chin.).

About the author:

Kunchao Xie, Postgraduate Student of Graduate School of Business Administration at Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russian Federation); 1253379990@qq.com

2022. № 10(166) УПРАВЛЕНЧЕСКОЕ КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ

Научно-практический журнал
Выходит ежемесячно
Все статьи рецензируются

Директор
издательско-полиграфического центра
Е. Ю. КНЯЗЕВ

Заведующий издательским отделом
Е. Г. ЗАКРЕВСКАЯ

Сдано в набор 10.10.2022.
Подписано к печати 28.10.2022.
Формат 70×100/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 16,12. Тираж 50 экз.
Заказ № 10/22.

Научные редакторы
д. филос. н., профессор Н. И. БЕЗЛЕПКИН
д. э. н., профессор В. А. ПЛОТНИКОВ

УЧРЕДИТЕЛЬ:
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

Корректоры:
И. Ю. СЕРОВА
Т. В. ЗВЕРТАНОВСКАЯ
Верстка Т. П. ОЛОНОВОЙ

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-52288 от 25 декабря 2012 г.

Комплекс работ выполнен издательско-полиграфическим центром
Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации

199004, Санкт-Петербург, 8-я линия В.О., д. 61
Тел. (812) 335-94-97